

**Том 25, номер 2(89)**  
Volume 25, number 2(89)

ISSN 2413-9645 (print)

**2023**

**ИЗВЕСТИЯ  
САМАРСКОГО НАУЧНОГО  
ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ  
АКАДЕМИИ НАУК**

**IZVESTIYA  
OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE  
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

Главный редактор Ф.В. Гречников  
Editor-in-chief F.V. Grechnikov

IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE RAS.  
Social, humanitarian, medicobiological sciences

[www.ssc.smr.ru](http://www.ssc.smr.ru)

**Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки**  
**Social, humanitarian, medicobiological sciences**

**Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук**  
**Samara Federal Research Scientific Center of the Russian Academy of Sciences**

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук  
«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.  
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»

**Том 25 № 2(89), 2023**

Основан в 2002 году в составе Известий СамНЦ РАН. Выходит 6 раз в год  
ISSN 2413-9645 (print) \* ПИ № ФС77-64960 \* Индекс: 80808  
Учредитель: Ученый совет Самарского федерального исследовательского центра  
Российской академии наук

Главный редактор: Ф.В. Гречников

Заместитель главного редактора: О.М. Буранок

Научный редактор: Э.А. Радаева. E-mail: [radaeva@ssc.smr.ru](mailto:radaeva@ssc.smr.ru)

**Редакционная коллегия:** Е.В. Абрамовских, А.Ю. Агафонов, Г.В. Акопов, А.С. Бакалов,  
Дж.Ф. Бейлин, О.М. Буранок, А.Л. Бусыгина, В.П. Бездухов, Н.И. Воронина, Ф.В. Гречников,  
Й. Догнал, М.А. Дударева, Д.А. Дятлов, В.И. Ионесов, Т.В. Каракова, О.А. Кострова,  
М.А. Кулинич, Э.А. Куруленко, В.Б. Малышев, А.А. Масленникова, И.Д. Немировская,  
В.И. Немцев, О.К. Позднякова, И. Рёблинг, М.Б. Сабыр, С.В. Соловьева,  
О.Н. Солдатова, М.М. Халиков, В.Д. Шевченко

**Электронная версия журнала:** [http://www.ssc.smr.ru/izvestiya\\_human.html](http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html)

**Адрес издательства:** Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук.  
443001 Самара, Студенческий переулок, 3а.

Тел.: 8 (846) 337-53-81, факс 8(846) 332-66-79. E-mail: [presidium@ssc.smr.ru](mailto:presidium@ssc.smr.ru)

\*\*\*

Samara Federal Research Scientific Centre of Russian Academy of Sciences  
«IZVESTIYA SAMARSKOGO NAUCHNOGO TSENTRA ROSSIYSKOY AKADEMII NAUK.  
Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki»  
[BULLETIN OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.  
Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences]

**Volume 25, no 2(89), 2023**

Published since 2002. Issued 6 times a year.

ISSN 2413-9645 (print) \* PI № FS77-64960 \* Index: 80808

Founder: Academic Council of the Samara Federal Research Scientific Centre  
of Russian Academy of Sciences

Editor-in-chief: F.V. Grechnikov

Deputy editor-in-chief: O.M. Buranok

Scientific editor: E.A. Radaeva. E-mail: [radaeva@ssc.smr.ru](mailto:radaeva@ssc.smr.ru)

**Editorial board:** E.V. Abramovskiykh, A.Yu. Agafonov, G.V. Akopov, A.S. Bakalov,  
John Frederick Bailyn, O.M. Buranok, A.L. Busy`gina, V.P. Bezduxov, N.I. Voronina, F.V. Grechnikov,  
J. Dohnal, M.A. Dudareva, D.A. Dyatlov, V.I. Ionesov, T.V. Karakova, O.A. Kostrova,  
M.A. Kulinich, E.A. Kurulenko, V.B. Malyshev, A.A. Maslennikova, I.D. Nemirovskaya,  
V.I. Nemtsev, O.K. Pozdnyakova, Irmgard Roebing, M.B. Sabyr, S.V. Solovyova,  
O.N. Soldatova, M.M. Khalikov, V.D. Shevchenko.

**Electronic version of the journal:** [http://www.ssc.smr.ru/izvestiya\\_human.html](http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html)

**Address of the Publishing House:** Samara Federal Research Scientific Centre of Russian Academy of Sciences.  
443001 Samara, Studenchesky pereulok, 3a.

Ph.: 8 (846) 337-53-81, fax 8(846) 332-66-79. e-mail: [presidium@ssc.smr.ru](mailto:presidium@ssc.smr.ru)

## СОДЕРЖАНИЕ

«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.  
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»

Том 25, номер 2 (89), 2023

### СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

<b>Развитие инновационных форм наставничества в современной педагогической деятельности</b> <i>Бакулина С.Ю., Кислова Н.Н., Леонов С.А., Майорова Н.В.</i>	3
<b>Использование цифровых технологий при реализации дистанционного обучения в вузе</b> <i>Иванушкина Н.В., Щипова О.В.</i>	12
<b>Перевод имен собственных (на материале романа Филипа К. Дика “Do Androids Dream of Electric Sheep?”)</b> <i>Журавлев А.П.</i>	20
<b>Новые методические подходы в вопросах изучения развития синдрома эмоционального выгорания у студентов вузов</b> <i>Свидерский О.А., Грязнов С.А., Грязнов Н.С.</i>	25

### ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

<b>Семиотическое пространство свадебной ритуальности: религиозный канон и социокультурный контекст</b> <i>Богданова М.В., Сиротина И.Л.</i>	36
<b>Воображение как «экран внутреннего видения» в творческом процессе работы актёра над ролью</b> <i>Вученович А.</i>	44
<b>Апофатика русской культуры: традиции скоморошества в стихотворении С.А. Есенина «Я обманывать себя не стану...»</b> <i>Дударева М.А.</i>	52
<b>Состояние гастрономии как отражение социальных потребностей</b> <i>Ермолаев В.А.</i>	58
<b>Архитектура и дизайн городской среды в контексте изменения пространственного поведения жителей мегаполисов</b> <i>Каракова Т.В.</i>	64
<b>А.В. Амфитеатров как интерпретатор искусства скульптуры (интермедийный аспект)</b> <i>Клюева И.В.</i>	70
<b>Художественное своеобразие современной православной повести («Заманчивое предложение для Маргариты» Ю. Шаманской)</b> <i>Осьмухина О.Ю., Гудкова С.П., Белоглазова Е.А.</i>	76
<b>Сон Татьяны как предвестие смерти Онегина</b> <i>Пимонов В.И.</i>	86
<b>Иллюстрация 360° в современной визуальной культуре</b> <i>Фадеева Т.Е.</i>	92
<b>Феномен национальной идентичности, репрезентированный в пространстве визуальной коммуникации немцев Поволжья</b> <i>Шиндель С.В.</i>	100
<b>Социокультурный фактор в политике: символические конструкты</b> <i>Штанько М.А., Гращенков Н.В.</i>	111

## CONTENTS

«IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.  
Social, Humanitarian, Biomedical Sciences»

Volume 25, number 2 (89), 2023

### SOCIAL SCIENCES

<b>Development of Innovative Forms of Mentoring in Modern Pedagogical Activity</b> <i>Bakulina S.Yu., Kislova N.N., Leonov S.A., Mayorova N.V.</i>	3
<b>The Use of Digital Technologies in The Implementation of Distance Learning at The University</b> <i>Ivanushkina N.V., Shchipova O.V.</i>	12
<b>Translation of Proper Names into Russian (on Basis of The Novel "Do Androids Dream of Electric Sheep?" by Philip K. Dick)</b> <i>Zhuravlev A.P.</i>	20
<b>New Methodological Approaches to The Study of The Development of Burnout Syndrome Among University Students</b> <i>Svidersky O.A., Gryaznov S.A., Gryaznov N.S.</i>	25

### HUMANITIES SCIENCES

<b>The Semiotic Space of Wedding Rituals: Religious Canon and Socio-Cultural Context</b> <i>Bogdanova M.V., Sirotnina I.L.</i>	36
<b>Imagination as a "Screen of Inner Vision" in The Creative Process of an Actor's Work on a Role</b> <i>Vucenovich A.</i>	44
<b>Apophaticism of Russian Culture: Traditions of Buffoonery in S.A. Yesenin's Poem "I will not Deceive Myself..."</b> <i>Dudareva M.A.</i>	52
<b>The State of Gastronomy as a Reflection of The Needs in Society</b> <i>Ermolaev V.A.</i>	58
<b>Architecture and Design of The Urban Environment in The Context of Changing The Spatial Behavior of Residents of Megacities</b> <i>Karakova T.V.</i>	64
<b>A.V. Amfiteatrov as an Interpreter of The Art of Sculpture (Intermedial Aspect)</b> <i>Klyueva I.V.</i>	70
<b>The Artistic Originality of The Modern Orthodox Story ("A Tempting Offer for Margarita" by Yu. Shamanskaya)</b> <i>Osmukhina O.Yu., Gudkova S.P., Beloglazova E.A.</i>	76
<b>Tatyana's Dream as a Foreshadowing of Onegin's Death</b> <i>Pimonov V.I.</i>	86
<b>360° Illustration in Contemporary Visual Culture</b> <i>Fadeeva T.E.</i>	92
<b>National Identity Phenomenon Represented in the Volga Germans' Visual Communication</b> <i>Shindel S.V.</i>	100
<b>Sociocultural Factor in Politics: Symbolic Constructs</b> <i>Shtanko M.A., Grashchenkov N.V.</i>	111

УДК 378 (Высшее образование. Высшая школа. Подготовка научных кадров)

**РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ФОРМ НАСТАВНИЧЕСТВА  
В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

© 2023 С.Ю. Бакулина<sup>1</sup>, Н.Н. Кислова<sup>1</sup>, С.А. Леонов<sup>2</sup>, Н.В. Майорова<sup>1</sup>

*Бакулина Светлана Юрьевна, кандидат культурологии, исполняющий обязанности ректора*

*E-mail: rectorat@sgsru.ru*

*Кислова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент,  
проректор по учебно-методической работе и качеству образования*

*E-mail: kislava\_nn@sgsru.ru*

*Леонов Сергей Андреевич, кандидат экономических наук, доцент,  
начальник отдела менеджмента качества образования*

*E-mail: sergey-leonov@mail.ru*

*Майорова Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент,  
заведующий кафедрой теоретических основ и методики физического воспитания*

*E-mail: kaf\_fizteor@sgsru.ru*

<sup>1</sup>Самарский государственный социально-педагогический университет  
Самара, Россия

<sup>2</sup>Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна  
Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 17.01.2023

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью в условиях глобализации поиска новых форм развития человеческого потенциала, одной из которых является наставничество. В статье показана значимость данной формы взаимодействия со студентами, как наиболее востребованного типа образовательной деятельности в современной педагогике. Целью статьи является раскрытие лучших форм наставничества с помощью метода сравнительного анализа и определение возможных для реализации типов эффективного сотрудничества педагогов со студентами в современном университете. Дается краткое описание истории данного вида педагогической деятельности, а также рассмотрены различные формы наставничества, реализуемые в рамках педагогического процесса. Выделено пять основных видов наставничества, активно применяемых на практике в педагогическом университете. Рассматриваются как классические формы наставничества, при которых более опытный и старший специалист передает свои знания обучающимся, так и инновационные формы взаимодействия со студентами, которые подразумевают несколько уровней наставничества, а также инверсивные виды сотрудничества, подразумевающие работу студента в качестве наставника для преподавателя. Особое внимание уделяется значимости контроля со стороны наставника результатов образовательной деятельности и возможности коррекции наставнической деятельности. По мнению авторов статьи, наставничество имеет высокий потенциал дальнейшего развития и позволит достичь высоких результатов педагогической деятельности в образовательных организациях. Авторами предлагается актуализировать принципы нормативного регулирования института наставничества вместе с методической и педагогической основами такой формы работы со студентами, которая имеет высокий потенциал практического применения.

*Ключевые слова:* наставничество, педагог, педагогическая деятельность, форма наставничества, молодой специалист, педагогический университет

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-3-11

*Введение.* В условиях чрезвычайно быстрого развития новых технологий, образцов передовой техники, обновления содержания требований рынка труда к выпускникам колледжей и ВУЗов возрастает роль образовательных организаций по опережающей подготовке специалистов для различных отраслей

промышленности, экономической, социальной и других сфер деятельности. Таким образом, модернизация системы образования России – это одна из первоочередных задач государства в контексте подготовки кадров, отвечающих требованиям завтрашнего дня.

В ряде законодательных инициатив, а также в документах федерального уровня, посвященных стратегическому развитию России, отмечается необходимость развития и обеспечения высокого качества человеческого потенциала. Вместе с тем одной из проблем декларируется неравномерное качество подготовки педагогических кадров и в целом их серьезный дефицит. Очевидная роль по развитию человеческого потенциала, а также по преодолению обозначенной выше проблемы по подготовке педагогических кадров принадлежит именно педагогическим университетам России [14, 17].

В 2020 г. была утверждена Концепция создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров [16]. Одно из ключевых направлений этой системы – наставничество. В Российской Федерации на федеральном уровне разработаны и утверждены методологии (целевые модели) наставничества обучающихся и наставничества педагогических работников. На региональном уровне данные модели конкретизированы в отдельных программах и планах мероприятий. Авторы настоящей статьи предлагают рассмотреть принципы развития инновационных форм наставничества в современной педагогической деятельности на примере ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (СГСПУ).

*История вопроса.* Традиционно наставничество определяется как один из способов образования личности, передачи знаний, умений, навыков молодому человеку от более опытного и знающего, предоставление молодым людям помощи и совета, оказание необходимой поддержки в социализации и взрослении [1, 2, 5, 22, 23].

Это древнейшая форма обучения старшими младших прикладным знаниям, необходимому поведению, инструментальным навыкам, формирования у них жизненных ценностей и позитивных установок. В системе образования институт наставничества всегда практиковался в отношении выпускников педагогических вузов и училищ, их адаптации и закрепления в школе и признавался как социальный институт, необходимый и эффективный для решения воспитательных, дидактических и профессиональных задач.

На выполнение педагогами функций наставничества ориентирован Профессиональный стандарт педагога. Отметим, что и в Атласе новых профессий в разделе «Образование» указаны профессии, так или иначе связанные с наставничеством [3, 15].

*Методы исследования:* контент-анализ, обзор научных источников, законодательства и методических материалов в сфере образования.

*Результаты исследования.* Целевые модели наставничества включают различные формы наставничества как в отношении обучающихся, так и в отношении педагогических работников. Самарский государственный социально-педагогический университет уделяет особое внимание изучению и апробации моделей наставничества в образовательном и воспитательном процессах, а также их внедрению в деятельность кафедр и факультетов.

Нельзя не признать, что чаще всего взаимодействие наставника и его подопечного осуществляется в неформальном общении и не всегда связано с официальными отношениями. При этом оно позволяет достичь максимально эффективных результатов воздействия на развивающуюся личность, помогает молодым людям определиться в жизни и реализовать свой потенциал, так как наставничество строится на условиях конструктивных взаимоотношений и продуктивного партнерства, характеризующегося тем, что между наставником и наставляемым устанавливаются более тесные и доверительные связи.

Разделяя убеждение К.Д.Ушинского в том, что отсутствие теоретической подготовки нельзя компенсировать профессиональным опытом, научно-педагогические работники кафедр университета готовят студентов к выполнению функций наставничества прежде всего в процессе обучения по психолого-педагогическим дисциплинам [18, 19, 20].

В дисциплинах «Технологии и организация воспитательных практик» и «Психология воспитательных практик», включенных с 2022 г. в Ядро высшего педагогического образования, предусмотрены семинарские и практические занятия, в которых изучаются различные модели наставничества, разрабатываются индивидуальные образовательные траектории, рассматриваются проблемы организации взаимодействия педагога с воспитанниками,

формирования индивидуального стиля педагогической деятельности и навыков педагогического взаимодействия с субъектами образовательного процесса [21].

Модуль «Деятельность педагога – наставника» включен в дисциплину «Педагогический менеджмент». Принципы наставничества, функции, основные направления и этапы деятельности, методы работы педагога-наставника подробно анализируются студентами и осваиваются в формате интерактивных занятий.

Важное место в профессиональной подготовке будущего учителя занимает и дисциплина «Основы вожатской деятельности». В процессе ее освоения студенты готовятся к организации взаимодействия с детьми в условиях временных детских коллективов в летнем лагере, изучают способы и методы преодоления конфликтов, методики формирования лидерских качеств, различные аспекты организации самоуправления в детском коллективе.

Модуль «Психолого-педагогический» предусматривает обязательное выполнение студентами курсовых проектов, в том числе ориентированных на исследование практики внедрения моделей наставничества. В программах бакалавриата, ориентированных на подготовку будущих учителей к выполнению управленческого типа задач профессиональной деятельности, включена дисциплина «Управление персоналом», в рамках которой подробно рассматриваются проблемы адаптации молодого специалиста.

В настоящее время в практике образовательной и воспитательной деятельности СГСПУ реализуются 5 форм наставничества.

С 1 сентября 2022 г. СГСПУ совместно с министерством образования и науки Самарской области первым в Российской Федерации приступил к внедрению проекта «Годичная практическая подготовка»: студенты выпускных курсов программ педагогического бакалавриата направлены в образовательные учреждения общего и дополнительного образования на весь учебный год на непрерывную практическую подготовку. Часть студентов на этот период трудоустроены на соответствующие должности, часть – проходят подготовку без трудоустройства. В рамках данного проекта в отношении студента предусмотрено наставничество как со стороны университета, так и организации-работодателя (организации-базы практики).

Таким образом реализуется новая форма наставничества: научно-педагогический работник и учитель – наставники студента выпускного курса. Результаты этой совместной деятельности еще предстоит проанализировать и обобщить.

Стержневую (генеральную) линию подготовки будущего учителя к выполнению функций наставника в стенах педагогического университета определяет форма наставничества «учитель – ученик». Ведь каждый студент – будущий учитель – должен стать наставником для своих учеников. Следовательно, еще в процессе обучения в вузе студент должен получить такой опыт через обретение определенных умений и навыков. Прежде всего он должен понимать, что в рамках программы наставничества необходимо передать ему личный, позитивный, социально-значимый опыт, поддержать наставляемого, чтобы повысить его уровень мотивированности и осознанности в вопросах образования, саморазвития, самореализации и профессионального ориентирования.

Содержательной и методической подготовкой к эффективной реализации модели «учитель – ученик» является реализация в СГСПУ модели наставничества «студент – ученик», предполагающей активное взаимодействие учащихся образовательной организации и студентов педагогического университета, при которой студенты оказывают весомое влияние на наставляемых, помогают им с профессиональным и личностным самоопределением и способствуют ценностному и личностному наполнению, а также коррекции образовательной траектории.

Основные задачи взаимодействия наставника-студента с наставляемым-учеником решаются в процессе прохождения студентами СГСПУ педагогических практик в образовательных организациях Самары и области, организации и проведения кружковой работы со школьниками, волонтерской деятельности.

Например, члены научно-методического студенческого кружка «Первые шаги в профессию» факультета математики, физики и информатики осуществляют руководство кружковой работой по математике в МБОУ СОШ №6 имени М.В. Ломоносова с углубленным изучением отдельных предметов в г.о. Самара и в МБОУ Школа № 132 с углубленным изучением отдельных предметов имени Героя Советского Союза Г.П. Губанова г.о. Самара.

Студентами ежегодно разрабатываются план-график заседаний кружков, тематика занятий, подбираются задачи, проводятся сами заседания кружков, обучающимся оказывается помощь в решении олимпиадных задач, проводятся дидактические игры.

Студенты факультета иностранных языков на базе гимназии №1 ежегодно участвуют в организации рождественских праздников, Лингвотурниров, олимпиады по иностранному языку, а в Образовательном центре Южного города готовят и проводят со школьниками фестиваль французской песни.

Такой опыт есть и на факультете экономики, управления и сервиса. Студенты 3 курса, обучающиеся по программе «Информатика» и «Экономика», являются наставниками обучающихся ГАОУ «Самарский лицей информационных технологий (Базовая школа Российской академии наук)» и ГБОУ СО «Гимназия № 1 (Базовая школа РАН)», консультируют учащихся в процессе проектной деятельности.

В этом случае можно говорить о двухуровневой системе наставничества «учитель – студент – ученик». Наставничество над студентами осуществляют учителя высшей категории, работающие по совместительству в университете.

Студенты СГСПУ активно принимают участие в работе с учащимися психолого-педагогических классов города Самары и области: привлекают школьников к организации и проведению мастер-классов, творческих встреч и мастерских, квестов и тренингов, спортивных праздников и спортивно-массовых мероприятий и др. Несомненно, в такой форме наставничества для университета содержится большой потенциал профориентационной работы.

Форма наставничества «Студент - студент» реализуется в университете как в учебной, так и во внеучебной деятельности. Студенты старших курсов являются наставниками учебных групп и старост студентов первого курса. Форма краткосрочного наставничества распространена при проведении воспитательных мероприятий.

Форма наставничества «Студент-учитель» является реверсивной и предполагает оказание помощи педагогическим работникам со стороны студентов, например, в овладении цифровыми и ИКТ технологиями, навыками работы в электронной информационно-образовательной среде [4, 9, 11].

Положительным примером такой формы наставничества стал во время пандемии проект «Волонтеры просвещения», когда наши студенты СГСПУ осуществляли наставничество, помогая педагогам повышать эффективность дистанционного обучения за счет применения актуальных цифровых сервисов и ресурсов, оцифровки авторских дидактических материалов (интерактивных рабочих листов, контрольно-измерительных материалов) и т.п [6].

Более 30 студентов 2-4 курсов факультета начального образования СГСПУ (совмещенные профили «Начальное образование» и «Информатика», «Начальное образование» и «Организация внеурочной деятельности») влились в это всероссийское движение, инициированное министром просвещения С.С.Кравцовым. Опыт нашего университета был представлен на сайте Министерства просвещения РФ.

Чрезвычайно важной для педагогического университета является форма «Педагог вуза – молодой педагог образовательной организации».

Во-первых, университет берет на себя часть работы по адаптации выпускника-молодого педагога к профессиональной деятельности, оказывает помощь в профессиональном становлении, а нередко и в подготовке к прохождению аттестационных процедур, тем самым несет перед работодателем ответственность за качество подготовки специалистов для работы в системе образования.

Во-вторых, университет апробирует способы «удержания» выпускников в профессии и в конкретной образовательной организации.

В-третьих, эта форма обеспечивает выявление профессиональных дефицитов выпускника и своевременное внесение выпускающей кафедрой изменений в содержание программы обучения будущих специалистов с целью совершенствования их профессиональной подготовки, перманентного развития профессиональных компетенций.

В большей степени такая форма наставничества реализуется через клубную деятельность выпускников, реализуемую факультетами и кафедрами университета. Например, 9 лет работает клуб выпускников на кафедре информационно-коммуникационных технологий в образовании. Заседания клуба проводятся как в офлайн, так и в сетевом формате. Предметом

обсуждения являются актуальные вопросы методики преподавания информатики и внедрения цифровых технологий в образовательный процесс.

Объективные условия для реализации формы наставничества «педагог вуза – молодой педагог образовательной организации» создает магистратура. В СГСПУ реализуется 13 образовательных программ педагогической магистратуры, по психолого-педагогическому образованию – 4 программы магистратуры. Среди магистрантов 90% выпускники университета уровня бакалавриата. Это уникальная возможность профессионального взаимодействия с молодым специалистом, получения обратной связи с целью выявления дефицитов, удовлетворения этих профессиональных потребностей в ходе формального и неформального взаимодействия, в частности, в процессе практической и научно-исследовательской деятельности магистранта [7, 8].

Мы понимаем, что данная форма наставничества должна осуществляться в тесном контакте и взаимодействии с педагогами-наставниками из образовательной организации, в которой начинает свою трудовую деятельность молодой педагог. С одной стороны, такая форма наставничества дает возможность вчерашнему студенту чувствовать доброжелательную поддержку своих педагогов из университета, которые разделяют с ним ответственность за профессиональные компетенции, сформированные за годы базового профессионального обучения. С другой стороны, она позволяет работодателю на доверительной основе, в контакте с педагогами СГСПУ лучше раскрыть потенциальные возможности и способности молодого специалиста, учесть его личностные особенности, социальные и профессиональные запросы [13].

В качестве эффективного канала установления обратной связи с выпускниками и работодателями, выявления их профессиональных дефицитов является регулярно проводимое анкетирование.

Научно-педагогические работники СГСПУ, наблюдая за выпускником в течение первого года его работы и анализируя результаты анкетирования, могут скорректировать свою методику и технологии обучения студентов с учетом анализа дефицита молодого педагога (бывшего студента), его сильных сторон, а также с учетом запросов работодателя.

Таким образом, форма наставничества «педагог вуза – молодой педагог образовательной организации» позволяет сделать процесс становления молодого профессионала непрерывным и более плавным, менее болезненным для него самого и работодателя.

Для более успешной реализации данной формы наставничества назрела необходимость разработать пакет документов, регламентирующих процесс взаимодействия между образовательной организацией и педагогическим университетом как между социальными партнерами на взаимовыгодной основе.

В 2022 г. СГСПУ выиграл в конкурсе проектов «Квалификация - Наставник», проводимом Национальным агентством развития квалификаций. В рамках этого проекта на базе Технопарка универсальных педагогических компетенций СГСПУ с 1 ноября по 25 ноября для учителей и преподавателей СПО проходили курсы повышения квалификации «Психолого-педагогический минимум наставника» [10, 12].

До 2024 г. СГСПУ совместно с НАРК и Региональным центром наставничества – Центром непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников ИРО – будет реализовывать мероприятия, направленные на развитие системы наставничества внутри университета и на совершенствование региональной программы многофункционального наставничества.

*Выводы.* С учетом имеющегося опыта и планов перспективным видится решение следующих задач в контексте развития наставничества в педагогической практике:

- разработка концептуально-методологического и нормативно-правового статуса наставничества;
- выработка единого подхода к организации наставничества в регионе и определение в этой системе места и роли педагогического университета;
- координация действий всех заинтересованных структур, установление ответственных функциональных связей, проработка содержательного наполнения, информационного и организационного обеспечения их поддержки;
- распространение лучших практик наставничества в регионе через систему круглых столов, конференций, конкурсов; освещение этого опыта в профессиональном педагогическом сообществе.

Таким образом, в статье рассмотрена одна из актуальных проблем опережающей подготовки специалистов – наставничество; исследованы научные источники, описаны результаты эмпирического опыта и практика организации наставничества с применением инновационных его форм на примере педагогического

университета. Авторами сделаны предложения по развитию, нормативному обеспечению, а также по популяризации инновационных форм наставничества в педагогической практике современных образовательных организаций.

1. Абанкина, И. В. Образование: устремленность в будущее // Притяжение образования: 5-е Сабуровские чтения: тез. докл. — М.: Логос, 2015. — С. 188-199.
2. Антипин, С. Г. Традиции наставничества в истории отечественного образования: автореферат дисс.... к.п.н.: 13.00.01 / Антипин Сергей Георгиевич. – Нижний Новгород, 2011 – 24 с.
3. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. — URL: [https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO\\_SEDeC\\_Atlas.pdf?ysclid=lawgixdlou41233458](https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf?ysclid=lawgixdlou41233458) (дата обращения 26.11.2022)
4. Брыксина, О. Ф. Актуальные задачи подготовки учителя в условиях цифровой трансформации образования / О.Ф. Брыксина, Н.Н. Кислова, С.А. Леонов // Качество. Инновации. Образование. – 2021. - № 1 (171). – С. 12-16.
5. Быстрова, Н. В. Наставничество как педагогический феномен: история и современность / Н.В. Быстрова С. А. Цыплакова А.К. Преснова А.С. Пасечник // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 3 (37). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-kak-pedagogicheskiy-fenomen-istoriya-i-sovremennost-1> (дата обращения: 11.11.2022).
6. В течение последней недели к проекту «Волонтёры просвещения» присоединилось более 10 педвузов [Электронный ресурс]. — URL: <https://edu.gov.ru/press/2386/v-techenie-posledney-nedeli-k-proektu-volontery-prosvescheniya-prisoedinilos-bolee-10-pedvuzov/> (дата обращения 26.11.2022)
7. Доманина, Н.А . Региональный опыт обеспечения единых подходов к предметной, методической и психолого-педагогической подготовке будущего учителя в педагогическом университете / Н.А. Доманина, Н.Н. Кислова, С.А. Леонов // Дневник науки. — 2022. — №3. [Электронный ресурс]. — URL: [http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2022/3/pedagogics/Domanina\\_Kislova\\_Leonov.pdf](http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2022/3/pedagogics/Domanina_Kislova_Leonov.pdf) (Дата обращения 11.04.2022).
8. Кислова, Н. Н. Региональный опыт реализации программ поддержки и развития профессионального мастерства молодых педагогов / Н.Н. Кислова, С.А. Леонов // Образование и культурное пространство. – 2022. - № 2. – С. 27-35.
9. Кислова, Н. Н. Внедрение сквозных цифровых технологий в образовательный процесс педагогического вуза как необходимое условие подготовки современного учителя / Н.Н. Кислова, С.А. Леонов // Образование и культурное пространство. – 2022. - № 3. – С. 9-16.
10. На базе Технопарка универсальных педагогических компетенций СГСПУ прошли повышение квалификации наставники из образовательных организаций Самары [Электронный ресурс]. — URL: <https://pgsga.ru/infocenter/news/28457.html> (дата обращения 26.11.2022).
11. Опыт и перспективы трансформации образовательных программ педагогической направленности в условиях цифровизации системы образования России / О.Ф. Брыксина, Н.Н. Кислова, С.А. Леонов [и др.] // Образование и культурное пространство. – 2022. - № 2. – С. 9-18.
12. Открыт прием заявок на участие в проектах Базового центра НАРК в 2022 году [Электронный ресурс]. — URL: <https://bc-nark.ru/news/65697/> (дата обращения 26.11.2022).
13. Письмо Минпросвещения России N АЗ-1128/08, Профсоюза работников народного образования и науки РФ № 657 от 21.12.2021 «О направлении Методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по разработке и внедрению системы (целевой модели) наставничества педагогических работников в образовательных организациях», «Методическими рекомендациями для образовательных организаций по реализации системы (целевой модели) наставничества педагогических работников») [Электронный ресурс]. —URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-n-az-112808-profsoiuz-a-rabotnikov-narodnogo-obrazovaniija/?ysclid=lawgerpnhw2226629090> (дата обращения 25.11.2022).
14. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24.11.2022 № 2485-8 ГД "О рекомендациях парламентских слушаний на тему развитие системы высшего образования в Российской Федерации" PDF-файл: 530 Кб (17 стр.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/240210-8?ysclid=lawiwydg9t746716967> (дата обращения 25.11.2022).
15. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего,

- основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70535556/?ysclid=lawgl6gffo251210048> (Дата обращения 26.11.2022)
16. Распоряжение Министерства просвещения РФ от 16 декабря 2020 г. № Р-174 «Об утверждении Концепции создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников» [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/3fc484bc2dcf592bee7e324ca2bfda90/download/4425/?ysclid=lawg8z2fb5947532485> (дата обращения 25.11.2022).
17. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" [Электронный ресурс]. — URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_389271/?ysclid=lawj4im07a118202576](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=lawj4im07a118202576) (дата обращения 25.11.2022).
18. Ушинский, К. Д. Программа педагогики для специальных классов женских учебных заведений / К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения: в 6 т. — М.: Педагогика, 1988. — Т. 2. — С. 379— 387.
19. Ушинский, К. Д. Проект учительской семинарии / К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения: в 6 т. — М.: Педагогика, 1988. — Т. 2. — С. 81—107.
20. Ушинский, К. Д. Человек как предмет воспитания: Опыт педагогической антропологии / К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения: в 6 т. — М.: Педагогика, 1988. — Т. 5, 6.
21. Ядро высшего педагогического образования [Электронный ресурс]. — URL: <https://apkpro.ru/proekty/yadro-vysshego-pedagogicheskogo-obrazovaniya/> (дата обращения 26.11.2022).
22. Allen, T. D. Mentoring others: A dispositional and motivational approach. *Journal of Vocational Behavior*, 2003, vol. 62, issue 1, pp. 134-154. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0001-8791\(02\)00046-5](http://dx.doi.org/10.1016/S0001-8791(02)00046-5).
23. Anderson E. M., Shannon, A. L. Towards a conceptualization of mentoring. *Journal of Teacher Education*, 1988, vol. 39, no. 1, pp. 38-42. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/002248718803900109>.

## DEVELOPMENT OF INNOVATIVE FORMS OF MENTORING IN MODERN PEDAGOGICAL ACTIVITY

© 2023 S.Yu. Bakulina<sup>1</sup>, N.N. Kislova<sup>1</sup>, S.A. Leonov<sup>2</sup>, N.V. Mayorova<sup>1</sup>  
*Svetlana Yu. Bakulina, candidate of cultural studies, acting rector*  
*E-mail: rectorat@sgspu.ru*

*Natalia N. Kislova, candidate of philological sciences, associate professor vice-rector  
for educational and methodological work and quality of education*  
*E-mail: kislova\_nn@sgspu.ru*

*Sergey A. Leonov, candidate of economic sciences, associate professor,  
head of the department of quality management of education*  
*E-mail: sergey-leonov@mail.ru*

*Natalia V. Mayorova, head of the department of theoretical foundations and methods  
of physical education, candidate of pedagogical sciences, associate professor*  
*E-mail: kaf\_fizteor@sgspu.ru*

<sup>1</sup>Samara state socio-pedagogical University  
Samara, Russia

<sup>2</sup>St. Petersburg state University of industrial technologies and design  
Saint Petersburg, Russia

The relevance of this study is due to the need to search for new forms of human development in the context of globalization, one of which is mentoring. The article shows the importance of this form of interaction with students as the most popular type of educational activity in modern pedagogy. The purpose of the article is to describe and disclose the best forms of mentoring using the method of comparative analysis, and to identify possible types of effective cooperation between teachers and students in a modern university. A brief description of the history of this type of pedagogical activity is given, as well as various forms of mentoring implemented within the framework of the pedagogical process are considered. There are five main types of mentoring that are actively used in practice at the pedagogical university. Both classical forms of mentoring, in which a more experienced and senior specialist transmits his knowledge to students, and innovative forms of interaction with students, which imply several levels of mentoring, as well as inverse types of cooperation, implying the work of a student as a mentor for a teacher, are considered. Special attention is paid to the importance of

the mentor's control over the results of educational activities and the possibility of correcting mentoring activities. According to the authors of the article, mentoring has a high potential for further development and will allow achieving high results of pedagogical activity in educational organizations. The authors propose to update the principles of regulatory regulation of the institute of mentoring together with the methodological and pedagogical foundations of such a form of work with students, which has a high potential for practical application.

**Keywords:** mentoring, teacher, pedagogical activity, form of mentoring, young specialist, pedagogical university  
**DOI:** 10.37313/2413-9645-2023-25-89-3-11

1. Abankina, I. V. *Образование: устремленность в будущее* (Education: aspiration to the future) // *Притязание образования: 5-е Сабуровские чтения: тез. докл.* — М.: Logos, 2015. — С. 188-199.
2. Antipin, S. G. *Traditsii nastavnichestva v istorii otechestvennogo obrazovaniia* (Traditions of mentoring in the history of national education): avtoreferat diss.... k.p.n.: 13.00.01 / Antipin Sergei Georgievich. — Nizhnii Novgorod, 2011 — 24 s.
3. *Atlas novykh professii* (Atlas of new professions) [Elektronnyi resurs]. — URL: [https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO\\_SEDeC\\_Atlas.pdf?ysclid=lawgixdlou41233458](https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf?ysclid=lawgixdlou41233458) (data obrashcheniia 26.11.2022).
4. Bryksina, O. F. *Aktual'nye zadachi podgotovki uchitelia v usloviakh tsifrovoi transformatsii obrazovaniia* (Actual tasks of teacher training in the conditions of digital transformation of education) / O.F. Bryksina, N.N. Kislova, S.A. Leonov // *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovanie.* — 2021. - № 1 (171). — С. 12-16.
5. Bystrova, N. V. *Nastavnichestvo kak pedagogicheskii fenomen: istoriia i sovremennost'* (Mentoring as a pedagogical phenomenon: history and modernity) / N.V. Bystrova, S. A. Tsyplakova, A.K. Presnova, A.S. Pasechnik // *Innovatsionnaia ekonomika: perspektivy razvitiia i sovershenstvovaniia.* 2019. № 3 (37). [Elektronnyi resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-kak-pedagogicheskii-fenomen-istoriya-i-sovremennost-1> (data obrashcheniia: 11.11.2022).
6. *V techenie poslednei nedeli k proektu «Volontery prosveshcheniia» prisoedinilos' bolee 10 pedvuzov* (During the last week, more than 10 pedagogical universities joined the project "Volunteers of Enlightenment") [Elektronnyi resurs]. — URL: <https://edu.gov.ru/press/2386/v-techenie-posledney-nedeli-k-proektu-volontery-prosveshcheniya-prisoedinilos-bolee-10-pedvuzov/> (data obrashcheniia 26.11.2022).
7. Domanina, N. A. *Regional'nyi opyt obespecheniia edinykh podkhodov k predmetnoi, metodicheskoi i psikhologo-pedagogicheskoi podgotovke budushchego uchitelia v pedagogicheskom universitete* (Regional experience of providing unified approaches to the subject, methodological and psychological-pedagogical training of a future teacher at a pedagogical university) / N.A. Domanina, N.N. Kislova, S.A. Leonov // *Dnevnik nauki.* 2022. №3 [Elektronnyi resurs]. —URL: [http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2022/3/pedagogics/Domanina\\_Kislova\\_Leonov.pdf](http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2022/3/pedagogics/Domanina_Kislova_Leonov.pdf) (data obrashcheniia 11.04.2022).
8. Kislova, N. N. *Regional'nyi opyt realizatsii programm podderzhki i razvitiia professional'nogo masterstva molodykh pedagogov* (Regional experience in implementing programs to support and develop professional skills of young teachers) / N.N. Kislova, S.A. Leonov // *Образование и kul'turnoe prostranstvo.* — 2022. - № 2. — С. 27-35.
9. Kislova, N. N. *Vnedrenie skvoznykh tsifrovyykh tekhnologii v obrazovatel'nyi protsess pedagogicheskogo vuza kak neobkhodimoe uslovie podgotovki sovremennogo uchitelia* (Introduction of end-to-end digital technologies in the educational process of a pedagogical university as a necessary condition for the preparation of a modern teacher) / N.N. Kislova, S.A. Leonov // *Образование и kul'turnoe prostranstvo.* — 2022. - № 3. — С. 9-16.
10. *Na baze Tekhnoparka universal'nykh pedagogicheskikh kompetentsii SGSPU proshli povyshenie kvalifikatsii nastavniki iz obrazovatel'nykh organizatsii Samary* (On the basis of the Technopark of universal pedagogical Competencies of SSSPU, mentors from educational organizations of Samara have passed advanced training) [Elektronnyi resurs]. — URL: <https://pgsga.ru/infocenter/news/28457.html> (data obrashcheniia 26.11.2022).
11. *Opyt i perspektivy transformatsii obrazovatel'nykh programm pedagogicheskoi napravlenosti v usloviakh tsifrovizatsii sistemy obrazovaniia Rossii* (Experience and prospects of transformation of educational programs of pedagogical orientation in the conditions of digitalization of the Russian education system) / O.F. Bryksina, N.N. Kislova, S.A. Leonov [i dr.] // *Образование и kul'turnoe prostranstvo.* — 2022. - № 2. — С. 9-18.
12. *Otkryt priem zaiavok na uchastie v proektakh Bazovogo tsentra NARK v 2022 godu* (Applications for participation in the projects of the NARC Base Center in 2022 are open) [Elektronnyi resurs]. — URL: <https://bc-nark.ru/news/65697/> (data obrashcheniia 26.11.2022).
13. *Pis'mo Minprosveshcheniia Rossii N AZ-1128/08, Profsoiuza rabotnikov narodnogo obrazovaniia i nauki RF № 657 ot 21.12.2021 «O napravlenii Metodicheskikh rekomendatsii» (vmeste s «Metodicheskimi rekomendatsiiami po razrabotke i vnedreniiu sistemy (tselevoi modeli) nastavnichestva pedagogicheskikh rabotnikov v obrazovatel'nykh organizatsiiakh», «Metodicheskimi rekomendatsiiami dlia obrazovatel'nykh organizatsii po realizatsii sistemy (tselevoi modeli) nastavnichestva pedagogicheskikh rabotnikov»)* (Letter of the Ministry of Education of Russia No. AZ-1128/08, Trade Union of

- Workers of Public Education and Science of the Russian Federation No. 657 dated 12/21/2021 "On the direction of Methodological recommendations" (together with "Methodological recommendations for the development and implementation of a system (target model) of mentoring of teaching staff in educational organizations", "Methodological recommendations for educational organizations on the implementation of the system (target model) mentoring of teaching staff") [Elektronnyi resurs]. — URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-n-az-112808-profsoiuza-rabotnikov-narodnogo-obrazovaniya/?ysclid=lawgepnwh2226629090> (data obrashcheniia 25.11.2022).
14. Postanovlenie Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii ot 24.11.2022 № 2485-8 GD "O rekomendatsiakh parlamentskikh slushanii na temu razvitie sistemy vysshego obrazovaniia v Rossiiskoi Federatsii" PDF-fail: 530 Kb (17 str.) (Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 11/24/2022 No. 2485-8 of the State Duma "On the recommendations of parliamentary hearings on the development of the higher education system in the Russian Federation" in PDF format: 530 KB (17 pages)) [Elektronnyi resurs]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/240210-8?ysclid=lawiwydg9t746716967> (data obrashcheniia 25.11.2022).
15. Prikaz Ministerstva truda i sotsial'noi zashchity RF ot 18 oktiabria 2013 g. № 544n «Ob utverzhdenii professional'nogo standarta «Pedagog (pedagogicheskaiia deiatel'nost' v sfere doskol'nogo, nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniia) (vospitatel', uchitel')» (Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation No. 544n dated October 18, 2013 "On approval of the professional standard "Teacher (pedagogical activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)") [Elektronnyi resurs]. — URL: <https://base.garant.ru/70535556/?ysclid=lawgl6gffo251210048> (data obrashcheniia 26.11.2022).
16. Rasporiazhenie Ministerstva prosveshcheniia RF ot 16 dekabria 2020 g. № R-174 «Ob utverzhdenii Kontseptsii sozdaniia edinoi federal'noi sistemy nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniia pedagogicheskikh rabotnikov» (Decree of the Ministry of Education of the Russian Federation No. R-174 dated December 16, 2020 "On approval of the Concept of creating a unified federal system of scientific and methodological support for teaching staff") [Elektronnyi resurs]. — URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/3fc484bc2dcf592bee7e324ca2bfda90/download/4425/?ysclid=lawg8z2fb5947532485> (data obrashcheniia 25.11.2022).
17. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 N 400 "O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii" (Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation") [Elektronnyi resurs]. — URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_389271/?ysclid=lawj4im07a118202576](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=lawj4im07a118202576) (Data obrashcheniia 25.11.2022).
18. Ushinskii, K. D. Programma pedagogiki dlia spetsial'nykh klassov zhenskikh uchebnykh zavedenii (Program of pedagogy for special classes of women's educational institutions) / K. D. Ushinskii. Pedagogicheskie sochineniia: v 6 t. — M.: Pedagogika, 1988. — T. 2. — S. 379— 387.
19. Ushinskii, K. D. Proekt uchitel'skoi seminarii (Project of the teachers' seminary) / K. D. Ushinskii. Pedagogicheskie sochineniia: v 6 t. — M.: Pedagogika, 1988. — T. 2. — S. 81—107.
20. Ushinskii, K. D. Chelovek kak predmet vospitaniia: Opyt pedagogicheskoi antropologii (Man as a subject of education: The experience of pedagogical anthropology) / K.D. Ushinskii. Pedagogicheskie sochineniia: v 6 t. — M.: Pedagogika, 1988. — T. 5, 6.
21. Iadro vysshego pedagogicheskogo obrazovaniia (The core of higher pedagogical education) [Elektronnyi resurs]. — URL: <https://apkpro.ru/proekty/yadro-vysshego-pedagogicheskogo-obrazovaniya/> (data obrashcheniia 26.11.2022).
22. Allen, T. D. Mentoring others: A dispositional and motivational approach. *Journal of Vocational Behavior*, 2003, vol. 62, issue 1, pp. 134-154. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0001-8791\(02\)00046-5](http://dx.doi.org/10.1016/S0001-8791(02)00046-5).
23. Anderson, E. M., Shannon A. L. Towards a conceptualization of mentoring. *Journal of Teacher Education*, 1988, vol. 39, no. 1, pp. 38-42. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/002248718803900109>.

УДК 378.147 (Высшее образование. Высшая школа. Подготовка научных кадров. Методы обучения. Формы преподавания)

## **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ**

© 2023 Н.В. Иванушкина, О.В. Щипова

*Иванушкина Наталья Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент,  
заведующий кафедрой педагогики*

*E-mail: inw38641@mail.ru*

*Щипова Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры педагогики*

*E-mail: shchipova@ssau.ru*

Самарский национальный исследовательский университет  
имени академика С.П. Королёва  
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 09.01. 2023

В статье рассматриваются особенности дистанционного обучения в вузе. Определяется положительное влияние цифровых технологий на процесс модернизации отечественного образования, на персонализацию обучения, на характер взаимодействия между участниками образовательного процесса. Представлены результаты опроса, целью которого было изучение результативности использования цифровых технологий в учебном процессе при реализации дистанционного обучения, а также выяснение мнения студентов об особенностях образовательного процесса во время осуществления дистанционной формы обучения. Большинство респондентов отмечают, что хорошо адаптировались к условиям дистанционного обучения в вузе и удовлетворены организацией образовательного процесса. В образовательном процессе для проведения занятий используются следующие цифровые технологии: система вебинаров «BigBlueButton», сервис «Zoom», «Jamboard», «YouTube», «Slido», «Microsoft Teams», «Google Класс» и программы для создания презентаций. В ходе исследования были выявлены положительные и отрицательные характеристики дистанционного обучения, получены данные, подтверждающие влияние дистанционного обучения на самочувствие респондентов и на взаимоотношения в коллективе. В статье отмечается, что дистанционное обучение стимулирует к развитию и трансформации образовательный процесс, побуждает находить и использовать новые средства и технологии обучения.

*Ключевые слова:* дистанционное обучение; образовательный процесс; электронное обучение; цифровые технологии; высшее образование

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-12-19

*Введение.* Переход к цифровой экономике вызвал изменения в системе образования в целом и в высшей школе в частности. Так, Н.Ш. Козлова отмечает, что цифровые технологии стремительно развиваются благодаря повсеместному распространению интернета; постоянному обновлению и улучшению мобильных устройств; появлению блогов, социальных сетей, мессенджеров; использованию облачных сервисов. Всё чаще в образовательном процессе появляется возможность использовать устройства виртуальной реальности и искусственного интеллекта [13, с. 90]. В этой связи возникает необходимость в поэтапном рассмотрении проблемы внедрения цифровых технологий в дистанционное обучение вуза,

которое может выступать в качестве базовой ступени для дальнейшего развития процессов цифровизации экономики и определения направления вектора трансформации образовательного пространства в целом. В своем исследовании В.Б. Вакс, обосновывая тезис об взаимодетерминации информатизации образования и сопутствующих ее процессов, отводит им ведущую роль в формировании конкурентоспособности человеческого капитала, повышая, таким образом, личностную и профессиональную компетентность будущих специалистов [4].

*История вопроса.* Если в недалеком прошлом актуальным был вопрос о применении преподавателями инновационных для того пе-

риода интернет-ресурсов для подготовки курса лекций, разработки методического сопровождения практических занятий и самостоятельной работы обучающихся, то в современных условиях необходимо уже говорить об эффективности гибридного обучения, а также сформированности профессиональных компетенций студентов при сочетании онлайн- и офлайн-технологий. Согласно исследованию, направленному на выявление представлений о качестве и эффективности образовательного процесса при реализации дистанционного обучения в вузе во время пандемии COVID-19, отмена очных занятий на всех уровнях профессиональной подготовки обучающихся способствовала актуализации вопросов, связанных, непосредственно, с реализацией дистанционного обучения; с активизацией деятельности преподавателей по овладению цифровыми технологиями; с профилактикой и коррекцией здоровья и благополучия всех участников онлайн-обучения [22]. Решение проблем привело к тому, что за очень короткий временной промежуток, произошла перестройка всего формата образовательного процесса на всех этапах обучения.

Анализ литературы показал, что в этой связи в последнее время всё больший акцент делается на персонификацию организации обучения. Так, например, А.М. Санько считает, что этот процесс реализуется через индивидуализацию содержания учебного материала, дифференциацию методов обучения, выявление индивидуального темпа учебной работы, индивидуальных личностных особенностей обучающихся. Это связано непосредственно с преподавательской деятельностью в вузе. Что касается работы обучающихся, то она связана непосредственно с активностью получения знаний, умений, формирования компетенций студентов, с планированием ими учебного процесса, учитывая их собственные склонности, потребности, интересы, мотивы и жизненные цели [17, с. 87-88]. Исследователи (М.Д. Горячев, М.М. Горячев, Н.В. Иванушкина, В.В. Мантуленко) отмечают, что использование образовательных социальных сетей, цифровых технологий в учебном процессе создает именно те условия и дают именно тот импульс для формирования, развития и совершенствования отечественного образования, которые делают его доступным для обучающихся [9, с. 76 – 78]. В своем исследовании О.А. Малаканова, Т.П.

Орлова находят подтверждение предыдущему тезису, отмечая, что, например, социальная сеть «ВКонтакте» имеет популярность среди студентов и преподавателей, которые используют ее для проведения занятий, общения, обмена информацией в рамках дисциплины [16, с. 71].

Анализ научной литературы показал, что многие исследователи (Е.В. Вариясова, Е.А. Иванова, В.В. Карнюшина, И.В. Кондакова, М.О. Скивко) выделяют отдельной формой дистанционного обучения видеолекцию. Ученые отмечают, что она активизирует познавательные процессы, мотивирует студентов к самостоятельной работе над заданиями по учебному предмету [6, с. 121; 14, с. 65; 18, с. 259]. В связи с этим, И.Г. Баканова, Е.А. Елизарова отмечают необходимость дальнейшей цифровизации образования в соответствии с мировыми стандартами, популяризации науки с помощью современных информационно-коммуникационных технологий, повышение конкурентоспособности выпускников вуза за счет освоения цифровых компетенций [3; с. 27].

По мнению Н.Б. Стрекаловой, в период дистанционного обучения изменяется характер не только организации образовательного процесса, но и взаимодействия преподавателя и студентов. В образовательном процессе начинают все чаще использоваться цифровые средства коммуникации (электронная почта, социальные сети, блоги, форумы), с помощью которых обучающиеся могут в любое время задать актуальный вопрос педагогу, узнать итоги обучения по той или иной дисциплине [19, с. 423-424].

Анализ литературы показал, что для реализации онлайн-формата обучения используется множество различных ресурсов. Так, Г.А. Александрова, Л.Г. Васильева, И.В. Филиппова, Е.Н. Юдина выделяют следующие сервисы, используемые в образовательном процессе в период дистанционного обучения для проведения учебных занятий: Zoom, Видеоконференция Skype, Moodle, Microsoft Teams и др. Данные сервисы направлены на организацию онлайн-встреч, видеоконференций с демонстрацией презентаций, дискуссий [2, с. 109; 21, с. 38], тогда как, И.И. Макашина предлагает применять системы открытого образования Moodle, MOOC (Massive Open Online Courses), M-Learning, iSpring Online, онлайн университеты, веб-квесты [15, с. 194.]. Необходимо отме-

титель, что большинство современных платформ онлайн-обучения имеют мультимедийные составляющие, ресурсы для размещения лекций, различных интерактивных упражнений и заданий, системы контроля и оценки знаний, а также ресурсы, обеспечивающие синхронную и асинхронную коммуникацию между участниками образовательного процесса [23, с. 1197]. А.С. Клентак, Л.С. Клентак утверждают, что использование электронной почты при реализации дистанционного обучения в вузе повышает не только мотивацию к обучению, но и уровень знаний обучающихся [12, с. 41].

Наряду с зарубежными исследованиями (Miltiadis D. Lytras, Andreea Claudia Serban, Miguel Jesus Torres Ruiz, Stamatiou Ntanos, Akila Sarirete) отечественные ученые, рассматривая положительные аспекты реализации дистанционного обучения, учитывая риски его организации, предлагают интересные и оригинальные варианты организации профилактической и коррекционной деятельности, направленной на укрепление здоровья и общего благополучия всех участников онлайн-обучения. Так, например, Л.Б. Шнейдер отмечает, что у преподавателей и обучающихся наблюдается хроническая усталость, снижение двигательной активности, изменение характера общения и взаимоотношений, отсутствует субъектно-деятельностный компонент в обучении [20, с. 21]. В этой связи У.Г. Егорова предлагает решить проблему, связанную с профилактикой утомляемости в ходе образовательного процесса, с помощью формирования компетенций в области поддержания и укрепления здоровья студентов [10, с. 63]. В свою очередь Л.В. Вандышева видит решение проблемы, связанной с особенностью интеракции студентов и преподавателя в условиях учебной деятельности, в реализации педагогического сопровождения дистанционного обучения в вузе [5, с. 283]. С целью построения конструктивного общения в процессе получения образования интересным является опыт использования на занятиях нарративных высказываний, предложенный А.Л. Александровой [1, с. 243]. Для повышения мотивации к обучению студентов вуза М.В. Виниченко, С.А. Макушкин, Н.В. Ляпунова предлагают использовать игровые методики обучения, технологии выявления талантов [8, с. 142].

В этой связи с учетом рисков, выявленных при организации онлайн-обучения, Т.В. Великая считает, что к дистанционному формату организации учебного процесса адаптировались достаточно быстро все его участники. Более того, автор отмечает, что в настоящее время продолжается в дистанционной форме обучение у аспирантов, а в гибридной – и у студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры [7, с. 77]. Следовательно, возникает необходимость в изучении специфики использования цифровых технологий в образовательном пространстве вуза. В этой связи можно сформулировать цель нашего исследования – выявление и анализ особенностей применения цифровых технологий в учебном процессе при реализации дистанционного формата обучения.

*Методы исследования.* С целью изучения результативности использования цифровых технологий в учебном процессе при реализации дистанционного обучения нами был проведен опрос, в котором участвовали студенты бакалавриата заочной формы обучения Самарского университета.

*Результаты исследования.* Большинство студентов (80,3%) отметили, что хорошо адаптировались к условиям дистанционного обучения в вузе. Обучающиеся удовлетворены (66,7%) организацией образовательного процесса в высшей школе. В связи с онлайн-обучением респонденты отмечают у себя хорошее настроение (60,6%), отличное самочувствие (40,9%), желание учиться (43,9%), бодрость (21,2%). Среди негативных характеристик некоторые респонденты отмечают усталость (12,1%), вялость (9,1%), пассивное желание к обучению (6,1%), плохое самочувствие (6,1%), подавленность в настроении (4,5%). Анкета содержала вопросы, связанные с выстраиванием и поддержанием интеракции среди респондентов. В этой связи 71,2% от числа всех участников исследования отметили в своих ответах, что переход на онлайн-обучение никак не повлиял на межличностные отношения в студенческой группе; стали дружными, сплочёнными 18,2% от общего числа респондентов, однако 10,6% обучающихся стали меньше общаться.

Также респонденты отметили, что в дистанционном обучении есть свои плюсы и минусы. Опрашиваемые перечислили следующие поло-

жительные характеристики такого формата получения образования: мобильность, доступность, удобство, минимальные финансовые издержки, экономия времени, «можно заниматься удаленно, не нарушая самоизоляцию», возможность находить на обучении в любом месте, независимо от обстоятельств, домашнее питание, снижение уровня тревожности при выступлении перед аудиторией, всегда есть связь с преподавателями, больше возможностей для творческой деятельности.

Респонденты отметили, что столкнулись со следующими трудностями в процессе дистанционного обучения: сложность выполнения практических заданий – 40,9%, недостаточный уровень владения цифровыми технологиями – 27,3%. 15,2% опрошенных отметили дефицит научной литературы и материала для изучения. Здесь же обучающиеся отметили, что им необходим был «живой пример» в процессе обучения, что скорее всего связано со спецификой обучения на психологическом факультете Самарского университета.

Также опрашиваемые отметили, что в период дистанционного обучения столкнулись с техническими проблемами. 45,5% респондентов столкнулись с техническими перебоями в процессе воспроизведения материала; несвоевременное получение ответа от преподавателя на поставленный вопрос из-за нестабильного сигнала сети интернета констатировали 13,6% обучающихся. Наличие некачественной обратной связи было отмечено у 13,6% обучающихся, а проблемы со звуком – у 50%. Некоторые респонденты (27,3%) отметили задержку кадра изображения, а также, что у преподавателей были проблемы с загрузкой презентации – 9,1%.

Интересно то, что 39,4% обучающихся подчеркнули повышение своего уровня мотивации к обучению в рамках дистанционной формы, при этом у 48,5% он не изменился, несмотря на сложности и технические проблемы. На вопрос «Изменился ли объем знаний при переходе на онлайн-обучение?» мы получили следующие ответы: 78,8% респондентов ответили, что объем знаний не уменьшился, 12,1% считают, что знаний стало меньше, при этом есть и противоположная точка зрения: 1,5% посчитали, что объем знаний увеличился в разы, столько же (1,5%) студентов отметили, что изменилось качество, но не объем.

В образовательном процессе для проведения лекций, вебинаров, конференций преподаватели чаще всего используют систему вебинаров «BigBlueButton», чуть менее популярен сервис «Zoom» – 66,7%. При этом студенты отмечали, что им больше нравится работать в системе вебинаров «BigBlueButton», хотя там есть технические сбои, но для них платформа «удобная, все понятно в работе на ней». Также студенты отмечали, что педагоги пользуются такими технологиями, как «Jamboard», «YouTube», «Slido», «Microsoft Teams», «Google Класс» и уже традиционные для всех презентациями.

Сравнивая очное и дистанционное обучение, респонденты выделили следующие преимущества: наличие домашнего горячего питания (65,2%), низкая вероятность заболеть в период сезонных вирусных заболеваний (56,1%), индивидуальный темп учебной работы (53%), использование современных информационно-коммуникационных технологий обучения (51,5%), возможность повторно посмотреть видеозапись лекции (47%), самообучение (33,3%), изучение дополнительного объема материала по предмету (19,7%), повышение качества обучения (19,7%). Большинство обучающихся (81,8%) проявили желание продолжить обучение в дистанционной форме в будущем.

Анализируя научную литературу (Г.А. Александрова, Л.Г. Васильева, И.И. Макашина, И.В. Филиппова, А.М. Санько, Н.Б. Стрекалова, и др.), а также результаты опроса респондентов, мы пришли к выводу, что можно выделить особенности организации онлайн-обучения, разделив их на положительные и отрицательные. К положительным моментам можно отнести, во-первых, тот факт, что изменения, происходящие в экономике, связанные с ее цифровизацией, безусловно, влекут за собой цифровую трансформацию образования. Во-вторых, совершенствуется процесс демократизации получения знаний, изменяются условия, позволяющие использовать не только традиционные способы их получения, но и цифровые ресурсы, например, открытые образовательные платформы, позволяющие заниматься самообразованием. С учетом этого факта можно сформулировать третье достоинство онлайн-обучения. Оно связано с изменением подхода к качеству изложения цифрового учебного материала, к содержанию образовательного контента и с доступностью учебной информации. В связи с

этим четвертое достоинство такого подхода к обучению раскрывается в создании и реализации онлайн-курсов, что позволяет оперативно обновлять содержание контента. Выбор такого подхода к образованию позволяет выстроить индивидуальную образовательную траекторию обучающихся, давая им возможность в углублении, расширении своих знаний и умений, приводящих к получению дополнительных специализаций. Эту особенность организации образовательного процесса можно выделить как пятое достоинство онлайн-обучения. Безусловно, организация «живого общения» между людьми, получающими новые знания и умения, упрощает процесс передачи информации, насыщая его эмоциональной составляющей, однако четкость выстраивания учебного материала, его качество, иногда и лаконичность, возможность использования дополнительных специальных источников в виде онлайн-курсов, часто предоставляемых в бесплатном формате на различных образовательных платформах университетов, позволяет обходить устоявшиеся, косные, устаревшие взгляды, актуализируя учебный материал, делая образовательный процесс гибким, удобным, интерактивным. При этом появляется возможность экономии средств и времени на дорогу до места обучения как самих студентов вузов, так и их преподавателей. Также необходимо отметить, что опрос респондентов показал их готовность к приобретению знаний в предлагаемом формате, их уверенность в организованных преподавателями дискуссиях, обсуждениях различных точек зрения на ту или иную научную проблему.

Если рассматривать особенности организации дистанционной формы обучения с точки зрения преподавателей, то в качестве положительных моментов можно выделить, во-первых, огромный ресурс современных информационных технологий, который может самостоятельно освоить педагог, совершенствуя навык организации своей профессиональной деятельности. Во-вторых, возможность повысить свою квалификацию, знакомясь с опытом других преподавателей и др.

Вместе с положительными особенностями организации онлайн-обучения можно выделить и его отрицательные. Первое, что необходимо отметить – это несовершенство, а точнее,

практически полное отсутствие нормативно-правовой базы организации дистанционной образовательной деятельности. Во-вторых, неразработанность механизмов взаимозачетов результатов, полученных студентами на образовательных платформах, таких как, например, «Coursera», «EDX», «Udacity» и др. В-третьих, быстрая устареваемость технических возможностей оборудования обучающихся и обучающихся, а также нестабильный сигнал сети интернет. В-четвертых, продолжая обсуждение технических моментов организации онлайн-обучения, необходимо отметить наличие некоторых рисков, таких как хакерские атаки на образовательные контенты дистанционных курсов, ограниченного технического ресурсом одномоментного присутствия большого количества обучающихся на платформе университета.

Также необходимо отметить отрицательный момент, который связан с расширением временных границ, затрачиваемых преподавателем для подготовки к лекционным и практическим занятиям, для проверки домашнего задания. Такой выход из собственной «зоны комфорта» влечет за собой ухудшение самочувствия из-за нахождения в стрессовом состоянии во время технических сбоев, зависимость от внешних обстоятельств, от возрастных особенностей. В этой связи эмоциональная составляющая здоровья выходит на первый план. Необходимо отметить также минусы, связанные с постоянным нахождением в домашних, не приспособленных для чтения лекций условиях, увеличением бытовых затрат, отрицательное влияние на ближайшее окружение, невозможность видеть реакцию обучающихся во время занятий, особенно когда лекции организуются поточно и др. отрицательные моменты, которые влияют на качество организации образовательного процесса [11, с. 18-22].

*Выводы.* Так или иначе, дистанционное обучение и применяемые при его организации информационные технологии побудили высшую школу к цифровой трансформации всего учебного процесса, вскрыв недостатки в различных аспектах продвижения электронного обучения, подчеркнув их достоинства [11, с. 18-22]. Мы получили уникальную возможность сравнить его с ортодоксальной формой обучения, раскрывая варианты агрегации «классиче-

ских» аудиторных форм организации учебного процесса и дистанционных четко выстроенных способов реализации преподавательской деятельности по освоению новых знаний, практи-

ческих умений, формирования профессиональных компетенций с применением современных цифровых технологий.

1. Александрова, А. Л. Обсуждение нарративов студентов по психолого-педагогическим дисциплинам в вузе // Образование в современном мире: ключевые тренды трансформации: сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Самара, 25 февраля 2022 года. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2022. – С. 240-244.
2. Александрова, Г. А. Влияние дистанционного обучения на учебную мотивацию обучающихся в вузе // Казанский педагогический журнал. – 2021. – № 1(144). – С. 107-113.
3. Баканова, И. Г., Елизарова, Е. А. Организация электронного обучения в современном вузе // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – №68-3. – С. 24-28.
4. Вакс, В. Б. Исследование отдельных аспектов цифровизации образовательного процесса в вузе // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2021. – № 2. – С. 1-13.
5. Вандышева, Л. В. Отношение будущих специалистов социальной работы к дистанционному обучению // Образование в современном мире: практики цифровой трансформации: сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Самара, 25 февраля 2021 года. – Самара: Ваш Взгляд, 2021. – С. 277-284.
6. Вариясова, Е. В. Видеолекция как пример внедрения цифровых технологий в образовательный процесс вуза // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2021. – № 1(53). – С. 116-123.
7. Великая, Т. В. Цифровизация образовательной деятельности в период коронавирусной инфекции // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28. – № 2. – С. 70-80.
8. Виниченко, М. В. Изменение качества обучения в вузе, использующем цифровые технологии и искусственный интеллект, в условиях пандемии COVID-19 // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2020. – Т. 19. – № 4(157). – С. 137-144.
9. Горячев, М. Д., Горячев, М. М., Иванушкина, Н. В., Мантуленко, В. В. Социальные сети как уникальный образовательный ресурс // Аккредитация в образовании. – 2014. – №8 (76). – С.76 – 77.
10. Егорова, У. Г. Формирование культуры здорового образа жизни у студентов в период пандемии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2021. – Т. 27. – № 1. – С. 62-67.
11. Иванушкина, Н. В. Исследование специфики организации онлайн-обучения в вузе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23. – № 76. – С. 18-22.
12. Клентак, Л. С. Электронная почта как образовательный и воспитательный ресурс дистанционного обучения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24. – № 82. – С. 36-44.
13. Козлова, Н. Ш. Цифровые технологии в образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – № 1. – С. 83-91.
14. Кондакова, И. В. Основные формы организации обучения в вузе в условиях дистанционного образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. – № 5(217). – С. 62-68.
15. Макашина, И. И. Дистанционное образование как компонент виртуального образовательного пространства университета // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2(81). – С. 192-196.
16. Малаканова, О. А. Электронная информационно-образовательная среда университета: социологический анализ (на примере Самарского университета) // Семиотические исследования. – 2021. – Т. 1. – № 3. – С. 59-73.
17. Санько, А. М. Средства обучения в условиях цифровизации образования. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2020. – 100 с.
18. Скивко, М. О. Цифровые компетенции для цифрового поколения // Образование в современном мире: практики цифровой трансформации: сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Самара, 25 февраля 2021 года. – Самара: Ваш Взгляд, 2021. – С. 256-262.
19. Стрекалова, Н. Б. Сетевое взаимодействие студентов и преподавателей // Образование в современном мире: стратегические инициативы: сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, посвященная 75-летию университета, Самара, 14 апреля 2017 года. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2017. – С. 423-430.
20. Шнейдер, Л. Б. Реальности дистанционного обучения в контексте пандемии // Высшее образование сегодня. – 2020. – № 7. – С. 18-23.
21. Юдина, Е. Н. Опыт применения дистанционного образования в вузе // Наука и школа. – 2020. – № 5. – С. 37-43.
22. Miltiadis D. Lytras, Andreea Claudia Serban, Miguel Jesus Torres Ruiz, Stamatios Ntanos, Akila Sarirete, Translating knowledge into innovation capability: An exploratory study investigating the perceptions on distance learning in higher

education during the COVID-19 pandemic - the case of Mexico // Journal of Innovation & Knowledge. - 2022. - Volume 7. - Issue 4. - 100258.

23. Radoslava Kraveva, Mehrudin Sabani and Velin Kravev, An Analysis of Some Learning Management Systems // International Journal on Advanced Science, Engineering and Information Technology. -2019. - Vol. 9. - No. 4. - PP. 1190-1198.

## **THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE IMPLEMENTATION OF DISTANCE LEARNING AT THE UNIVERSITY**

© 2023 N.V. Ivanushkina, O. V. Shchipova

*Natalia V. Ivanushkina, candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor,  
head of the Department of Pedagogy*

*Olga V. Shchipova, senior lecturer of Chair of Pedagogy*

Samara National Research University

Samara, Russia

The article discusses the features of distance learning at the university. The positive influence of digital technologies on the process of modernization of domestic education, on the personification of learning, on the nature of interaction between participants in the educational process is determined. The results of the survey are presented, the purpose of which was to study the effectiveness of the use of digital technologies in the educational process in the implementation of distance learning, as well as to find out the opinion of students about the features of the educational process during the implementation of distance learning. Most students note that they have adapted well to the conditions of distance learning at the university and are satisfied with the organization of the educational process. In the educational process, the following digital technologies are used to conduct classes: the BigBlueButton webinar system, the Zoom service, Jamboard, YouTube, Slido, Microsoft Teams, Google Classroom, programs for creating presentations. In the course of the study, positive and negative characteristics of distance learning were identified, data were obtained confirming the influence of distance learning on the well-being of respondents and the relationships of the team. The article notes that distance learning stimulates the development and transformation of the educational process, encourages finding and using new learning tools and technologies.

**Keywords:** distance learning, educational process, e-learning, digital technologies, higher education

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-12-19

1. Aleksandrova, A. L. Obsuzhdenie narrativov studentov po psikhologo-pedagogicheskim distsiplinam v vuze // *Obrazovanie v sovremennom mire: kluchevye trendy transformatsii: sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Samara, 25 fevralia 2022 goda.* – Samara: Samarskii natsional'nyi issledovatel'skii universitet imeni akademika S.P. Koroleva, 2022. – S. 240-244.
2. Aleksandrova, G. A. Vliianie distantsionnogo obucheniia na uchebnuu motivatsiiu obuchaiushchikhsia v vuze (The impact of distance learning on the educational motivation of students at the university) // *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal.* – 2021. – № 1(144). – S. 107-113.
3. Bakanova, I. G., Elizarova, E. A. Organizatsiia elektronnoogo obucheniia v sovremennom vuze (Organization of electronic learning in a modern university) // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia.* - 2020. - №68-3. - S. 24-28.
4. Vaks, V. B. Issledovanie ot del'nykh aspektov tsifrovizatsii obrazovatel'nogo protsessa v vuze (Distance learning as an element of university educational process digitalization) // *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal Kontsept.* – 2021. – № 2. – S. 1-13.
5. Vandysheva, L. V. Otnoshenie budushchikh spetsialistov sotsial'noi raboty k distantsionnomu obucheniiu // *Obrazovanie v sovremennom mire: praktiki tsifrovoi transformatsii : sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Samara, 25 fevralia 2021 goda.* – Samara: Vash Vzgliad, 2021. – S. 277-284.
6. Variiasova, E. V. Videoleksiia kak primer vnedreniia tsifrovnykh tekhnologii v obrazovatel'nyi protsess vuza (Video lecture as an example of digital technologies implementation in the educational process of the university) // *Vestnik Nizhneartovskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2021. – № 1(53). – S. 116-123.
7. Velikaia, T. V. Tsifrovizatsiia obrazovatel'noi deiatel'nosti v period koronavirusnoi infektsii (Digitalization of educational activities during the coronavirus infection) // *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo.* – 2022. – T. 28. – № 2. – S. 70-80.

8. Vinichenko, M. V. *Izmenenie kachestva obucheniia v vuze, ispol'zuiuushchem tsifrovye tekhnologii i iskusstvennyi intellekt, v usloviakh pandemii COVID-19 (Changing the Quality of Education in a University Using Digital Technologies and Artificial Intelligence in the Context of the COVID-19 Pandemic)* // *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. – 2020. – T. 19. – № 4(157). – S. 137-144.
9. Goriachev, M. D., Goriachev, M. M., Ivanushkina, N. V., Mantulenko, V. V. *Sotsial'nye seti kak unikal'nyi obrazovatel'nyi resurs* // *Akkreditatsiia v obrazovanii*. – 2014. – №8 (76). – S.76 – 77.
10. Egorova, U. G. *Formirovanie kul'tury zdorovogo obraza zhizni u studentov v period pandemii (Formation of a culture of a healthy lifestyle in students during the pandemic period)* // *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiia*. – 2021. – T. 27. – № 1. – S. 62-67.
11. Ivanushkina, N. V. *Issledovanie spetsifiki organizatsii onlain-obucheniia v vuze (Organization specific research online study at the university)* // *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. – 2021. – T. 23. – № 76. – S. 18-22.
12. Klentak, L. S. *Elektronnaia pochta kak obrazovatel'nyi i vospitatel'nyi resurs distantsionnogo obucheniia (E-mail as an educational and educational resource of distance learning)* // *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. – 2022. – T. 24. – № 82. – S. 36-44.
13. Kozlova, N. Sh. *Tsifrovye tekhnologii v obrazovanii (Digital technologies in education)* // *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. – 2019. – № 1. – S. 83-91.
14. Kondakova, I. V. *Osnovnye formy organizatsii obucheniia v vuze v usloviakh distantsionnogo obrazovaniia (Basic forms of training organization in the university under the conditions of distance education)* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2021. – № 5(217). – S. 62-68.
15. Makashina, I. I. *Distantsionnoe obrazovanie kak komponent virtual'nogo obrazovatel'nogo prostranstva universiteta (Distance education as a component of virtual education educational space of the university)* // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. – 2020. – № 2(81). – S. 192-196.
16. Malakanova, O. A. *Elektronnaia informatsionno-obrazovatel'naia sreda universiteta: sotsiologicheskii analiz (na primere Samarskogo universiteta) (Electronic information and educational environment of the University: sociological analysis (as exemplified by Samara National Research University))* // *Semioticheskie issledovaniia*. – 2021. – T. 1. – № 3. – S. 59-73.
17. San'ko, A. M. *Sredstva obucheniia v usloviakh tsifrovizatsii obrazovaniia*. – Samara: Samarskii natsional'nyi issledovatel'skii universitet imeni akademika S.P. Koroleva, 2020. – 100 s.
18. Skivko, M. O. *Tsifrovye kompetentsii dlia tsifrovogo pokoleniia* // *Obrazovanie v sovremennom mire: praktiki tsifrovoi transformatsii: sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Samara, 25 fevralia 2021 goda*. – Samara: Vash Vzgliad, 2021. – S. 256-262.
19. Strelakova, N. B. *Setevoe vzaimodeistvie studentov i prepodavatelei* // *Obrazovanie v sovremennom mire: strategicheskie initsiativy: sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennaia 75-letiiu universiteta, Samara, 14 aprelia 2017 goda*. – Samara: Samarskii natsional'nyi issledovatel'skii universitet imeni akademika S.P. Koroleva, 2017. – S. 423-430.
20. Shneider, L. B. *Real'nosti distantsionnogo obucheniia v kontekste pandemii (Realities of remote studying in the context of pandemic)* // *Vysshee obrazovanie segodnia*. – 2020. – № 7. – S. 18-23.
21. Iudina, E. N. *Opyt primeneniia distantsionnogo obrazovaniia v vuze (Experience in the use of distance education at the university)* // *Nauka i shkola*. – 2020. – № 5. – S. 37-43.
22. Miltiadis D. Lytras, Andreea Claudia Serban, Miguel Jesus Torres Ruiz, Stamatios Ntanos, Akila Sarirete, *Translating knowledge into innovation capability: An exploratory study investigating the perceptions on distance learning in higher education during the COVID-19 pandemic - the case of Mexico* // *Journal of Innovation & Knowledge*. – 2022. – Volume 7. – Issue 4. – 100258.
23. Radoslava Kraveva, Mehruddin Sabani and Velin Kravev, *An Analysis of Some Learning Management Systems* // *International Journal on Advanced Science, Engineering and Information Technology*. – 2019. – Vol. 9. – No. 4. – PP. 1190-1198.

УДК 372.881.111.1 (Преподавание отдельных учебных предметов. Обучение языкам (английскому))

## **ПЕРЕВОД ИМЕН СОБСТВЕННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ФИЛИПА К. ДИКА “DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?”)**

© 2023 А.П. Журавлев

*Журавлев Александр Павлович, старший преподаватель кафедры иностранных языков*

*E-mail: palych32@rambler.ru*

Самарский государственный технический университет  
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 16.02.2023

Данная статья посвящена оценке качества перевода литературного произведения известного американского писателя-фантаста Филипа К. Дика под названием “Do androids dream of electric sheep?” (в русском переводе этот роман известен как «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»). В данной работе анализируется такой аспект качества перевода как передача имен собственных. В результате сопоставительного анализа оригинального текста романа и его перевода на русский язык был выявлен ряд случаев, когда переводчик по каким-то причинам излишне вольно обошелся с переводом некоторых имен собственных. В статье кратко рассматриваются некоторые основные приемы передачи имен собственных при переводе, такие как транскрипция и транслитерация, а также анализируются преимущества и недостатки их применения в разных ситуациях. Также в данной работе анализируется перевод нескольких фрагментов романа, где переводчиком был допущен вольный перевод имен собственных, особенно так называемых «говорящих» имен. Проведенное исследование причин этого явления позволяет сделать вывод о том, что разного рода искажения и неуместные переосмысления оригинала возникли из-за очевидного непрофессионализма человека, выполнившего рассматриваемый перевод.

*Ключевые слова:* методика обучения английскому языку в вузе, имя собственное, транскрипция, транслитерация, затекстовый комментарий

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-20-24

*Введение.* Многими исследователями отмечается, что в современном преподавании иностранного языка преобладает коммуникативно-деятельностный подход [5, с.149]. Это неудивительно: деятельностный подход характеризуется высокой степенью эффективности, поскольку подразумевает активную работу учащихся: «Студенты не должны получать знания в готовом виде, им следует приобретать их в процессе собственной деятельности, самостоятельно» [13, с. 269]. Такой подход реализуется в т.ч. и через перевод как вид самостоятельной работы обучающегося.

Разновидностью такой работы может стать разбор обучающимися уже переведённого текста (работать можно в парах или группах, проверяя перевод друг друга). Таким образом совершенствуется знание иностранного языка и закрепляются навыки перевода.

Кроме того, перевод в современном мире обязательно подразумевает активное использование сети Интернет – как для работы с электронными словарями, так и для обращения к

внешним источникам справочного материала лингвистического характера (описание работы механизмов, исторические справки и т.д.). Всё это полностью соответствует положению о том, что «человек, изучающий сегодня иностранный язык, должен уметь пользоваться онлайн технологиями» [10, с. 216].

Целью данного исследования является оценка качества перевода романа Филипа К. Дика “Do androids dream of electric sheep?” на русский язык.

Задачи исследования:

1. кратко рассмотреть некоторые основные способы перевода имен собственных;
2. на основе сопоставительного исследования текстов оригинала и перевода романа выявить ошибки переводчика и проанализировать их;
3. рассмотреть причины появления этих ошибок.

Практическая ценность исследования обусловлена тем, что полученные в нем результаты

и выводы могут представлять интерес и в плане прикладного переводоведения.

Материалом исследования являются оригинальный роман Филипа К. Дика “Do androids dream of electric sheep?” [15] и его перевод на русский язык под названием «Снятся ли андроидам электроовцы» [4].

*Метод исследования:* сопоставительный анализ текстов.

*История вопроса.* Имена собственные традиционно переводятся посредством транскрибирования или транслитерации [11, с. 139], либо закрепленного в словаре эквивалента. И хотя транслитерацию имен собственных называют «одной из наиболее успешных стратегий передачи имени собственного в переводе» [8, с. 241], она менее предпочтительна, чем транскрипция, поскольку «при транслитерации сильно искажается звуковой облик иноязычного имени» [12, с. 40]. При этом транскрипция также не является универсальным приемом, и использовать ее необходимо, сообразуясь с конкретной переводческой ситуацией: «При значительном фонетическом расхождении между английским и русским языками воспроизведение их фонетической стороны может быть только частичным и условным и обычно представляет известный компромисс между передачей звучания и написания» [14, с. 208].

Ситуация с переводом имен собственных становится еще сложнее, когда дело касается имен с семантическим наполнением – т.н. «говорящих имен», – которые определяются как «вид тропа, в некоторой степени, равнозначный метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа» [3, с. 37]. Семантически наполненные имена характеризуются как «обладающие прозрачной внутренней формой, исторической или культурологической аллюзивностью, яркой образностью» [2, с. 42].

Многие исследователи указывают на сложности при переводе такого рода имен собственных [9, с. 59]. Некоторые авторы отмечают недостаточность традиционных способов перевода таких имен: «...фонетическая стратегия перевода имен собственных не учитывает смысла переводимых имен, что может помешать иноязычному читателю понять героя литературного произведения и отношение к нему автора» [1, с. 186].

Итак, основными способами передачи имен собственных при переводе являются

транскрипция и транслитерация. К сожалению, поставленную задачу они нередко решают весьма условно (только если имя из оригинала не знакомо подавляющему большинству иноязычных читателей). По этой причине в ряде случаев приходится использовать разного рода комментарии. Перевод при этом становится не таким стройным, и сами комментарии могут быть довольно громоздкими, однако такой прием является наиболее действенным в плане адекватной передачи семантически наполненных имен собственных.

*Результаты исследования.*

#### **Wilbur Mercer – Вилбур Сострадающий.**

По-русски имя пишется все-таки «Уилбур». Что же касается фамилии, то переводчик решил ее перевести, причем буквально. С одной стороны, в этом есть смысл, поскольку и сам этот персонаж, и его фамилия неразрывно связаны с эмпатией – одним из ключевых понятий в романе «Do androids dream...» (mercy – сострадание, empathy – сочувствие). Т.е. фамилия, что называется, говорящая. С другой стороны, “Mercer” – это фамилия приемных родителей данного персонажа, которые не имеют никакого отношения к эмпатии (да и само слово “mercer” имеет совершенно иное значение). Писатель намеренно создает ситуацию, когда случайная фамилия наполняется глубинным смыслом. Таким образом, он вводит нечто вроде игры слов, которую невозможно перевести с сохранением заложенного автором смысла. В данном случае лучше было бы пойти на компромисс и передать такое «говорящее» имя простой транскрипцией, а в качестве компенсации дать пояснение посредством сноски или затекстового комментария.

#### **Buster Friendly – Бастер Джруби.**

Buster Friendly – Бастер Джруби – еще одна «говорящая» фамилия и очень странный ход переводчика. Во-первых, он непоследователен – фамилию одного персонажа он перевел дословно, а другое, не менее важное и «говорящее», имя он передал непонятным придуманным словом. Во-вторых, неблагозвучное и труднопроизносимое слово «Джруби» ничего не говорит читателю. В оригинальном тексте есть слово “friendly” («дружелюбный»). В данном случае очевидно намерение переводчика придумать фамилию на основе созвучия с русским переводом этого слова, но это можно понять, лишь хорошо зная английский язык и имея перед глазами текст оригинала. Обычному же

человеку, читающему роман в таком переводе, совершенно непонятно, что это за слово и что оно должно означать. Таким образом, главная задача переводчика – обеспечить читателю понимание написанного на другом языке – не выполнена.

**Mountibank Lead Codpiece – свинцовый гульфик фирмы «Скалистый берег».**

**Mount Zion Hospital – больница «Маунт-Сион».**

Переводчик вновь проявляет непоследовательность, на этот раз – при переводе названий. Непонятно, почему “Mountibank” переведено дословно, а не менее переводимое наименование “Mount Zion” передано транскрипцией.

**Nexus-6 – «Узел-6».** Во вселенной романа “Nexus-6” является названием модели искусственного мозга. Выбор русского эквивалента «узел» совершенно не имеет смысла – хотя бы

просто потому, что это слово не входит в число вариантов перевода наименования “nexus”.

*Выводы.* В данной статье мы в очередной раз затронули вопрос необходимости обратить внимание обучающихся на нюансы профессионального перевода. Отметим явное стремление переводчика романа Филиппа К. Дика “Do androids dream of electric sheep?” перевести (часто дословно) абсолютно всё, в т.ч. имена собственные – это весьма характерно для переводчиков-любителей. Профессиональный переводчик понимает, что переводить все подряд, причем максимально близко к тексту – это неправильный подход. Результаты ~~данного~~ исследования в очередной раз доказывают, что для адекватной передачи имен собственных в переводе нельзя действовать «в лоб» и, тем более, выдумывать что-то не вписывающееся в контекст; вместо этого необходимо прибегать к разного рода пояснениям и комментариям.

1. Айсакова, Е. А., Сунь Мэннань. Проблема адекватной передачи имен собственных при переводе художественного произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 3. – С. 186-189.
2. Газизова, Л. В. Трудности перевода имен собственных (на материале перевода романа Тони Моррисон «Песнь Соломона») // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 35 (173). – С. 42-47.
3. Дзараева, Н. А., Малкова, А. А. Сравнительно-сопоставительный анализ перевода говорящих имен собственных // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2018. – № 14. – С. 36-40.
4. Дик, Ф. К. Сняты ли андроидом электроовцы. – URL: <https://coollib.com/b/170360/read> (дата обращения: 10.02.2023).
5. Железнякова, Е. А. Проблема подхода к обучению в методике преподавания иностранных языков // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике. Сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 147-152.
6. Журавлев, А. П. Общая характеристика качества перевода романа Филиппа К. Дика “Do androids dream of electric sheep?”: перевод безэквивалентной лексики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2022. – № 86. – С. 25-30.
7. Журавлев, А. П. Перевод романа Филиппа К. Дика “Do androids dream of electric sheep?”: необоснованность трансформаций и смысловые ошибки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2023. – № 1 (88). – С. 27-33.
8. Захарова, Д. В., Томашевская, И. В. Проблема перевода имен собственных в фантастическом дискурсе (на материале мультипликационного сериала ADVENTURE TIME) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2019. – № 43. – С. 240-244.
9. Кенжебаев, Д. О. Особенности перевода имен собственных и междометий // Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества. – 2016. – № 11. – С. 59-63.
10. Максудов, У. О. Современные методы и приемы обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов // Вестник Кемеровского государственного института культуры. – Кемерово, 2019. – № 47. – С. 215-220.
11. Насибуллова, Г. Р., Закирова, Р. Р. Перевод имен собственных в художественном произведении с английского на русский язык // Глобальный научный потенциал. – 2021. – № 8 (125). – С. 139-141.
12. Нуралиева, Г. Методы перевода собственных имен и особенности перевода некоторых групп имен собственных // Вестник современной науки. – 2016. – № 4-2 (16). – С. 40-42.
13. Оленцова, Ю. А. Актуальные проблемы в методике преподавания иностранного языка // Электронный научный журнал. – 2015. – № 1 (1). – С. 268-271.
14. Сагыналиева, Г. Т. Функционирование и перевод имен собственных в английском и русском языках // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. – 2012. – № 2 (22). – С. 207-209.

15. Dick, P. K. Do androids dream of electric sheep? – URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/349051-philip-dick-do-androids-dream-of-electric-sheep.html#text> (дата обращения: 10.02.2023).

**TRANSLATION OF PROPER NAMES INTO RUSSIAN (ON BASIS OF THE NOVEL “DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?” BY PHILIP K. DICK)**

© 2023 A.P. Zhuravlev

*Alexander P. Zhuravlev, senior lecturer of the Department of foreign languages.*

*E-mail: palych32@rambler.ru*

Samara State Technical University

Samara, Russia

This paper analyzes the translation of the novel called “Do androids dream of electric sheep?” by Philip K. Dick into Russian. Current paper is the third part of a bigger research and deals particularly with the translation of some proper names (especially so called charactonyms) found in the novel. The paper provides the brief review of basic ways of translation of proper names (such as transcription and transliteration), as well as analysis of their advantages and disadvantages in each particular situation. The results of the research are used to draw a conclusion that various misrepresentations of the original proper names occurred because of the obvious lack of the translator’s professional knowledge.

*Key words:* methods of teaching English at university, proper name, transcription, transliteration, external commentary  
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-20-24

1. Aisakova, E. A., Sounj Meenanj. Problema adekvatnoi peredachi imen sobstvennykh pri perevode khudozhestvennogo proizvedeniya (Problem of adequate transfer of proper names when translating a work of fiction). – Filologicheskie nauki. – 2019. – P. 186-189.
2. Gazizova, L. V. Trudnosti perevoda imen sobstvennykh (na materiale perevoda romana Toni Morrison «Pesn' Solomona») (Problems of translation of proper names (on basis of translation of the novel “Song of Solomon” by Tony Morrison)). – Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – P. 42-47.
3. Dzaraeva, N. A., Malkova, A. A. Sravnitel'no-sopostavitel'nyi analiz perevoda govoryashchikh imen sobstvennykh (Comparative analysis of charactonym translation). – Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. – 2018. – P. 36-40.
4. Dik, Filip K. Snyatsya li androidam elektroovtsy. URL: <https://coollib.com/b/170360/read> (date of access: 10.02.2023).
5. Zhelezniakova, E. A. Problema podkhoda k obucheniyu v metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov (The problem of approach to teaching in the methods of teaching foreign languages). – Russkii yazyk na perekrestke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike. – 2019. – P. 147-152.
6. Zhuravlev, A. P. Obshchaya kharakteristika kachestva perevoda romana Filipa K. Dika “Do androids dream of electric sheep?”: perevod bezekvivalentnoi leksiki (Translation of “Do androids dream of electric sheep?” by Philip K. Dick into Russian: unreasonable transformations and semantic mistakes). – Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2022. – P. 25-30.
7. Zhuravlev, A. P. Perevod romana Filipa K. Dika “Do androids dream of electric sheep?”: neobosnovannost' transformatsii i smyslovye oshibki (Analyzing Philip K. Dick’s “Do androids dream of electric sheep?” translation into Russian: translation of non-equivalent lexis). – Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2023. – P. 27-33.
8. Zakharova, D. V., Tomashevskaya, I. V. Problema perevoda imen sobstvennykh v fantasticheskom diskurse (na materiale mul'tiplikatsionnogo seriala ADVENTURE TIME) (Successful strategies in translating proper names in the fantasy discourse (on the basis of ADVENTURE TIME cartoon)). – Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. – 2019. – P. 240-244.
9. Kenzhebaev, D. O. Osobennosti perevoda imen sobstvennykh i mezhdometii (Features of translation of proper names and interjections). – Russkii yazyk kak faktor kul'turno-obrazovatel'noi integratsii obshchestva. – 2016. – P. 59-63.
10. Maksudov, U. O. Sovremennyye metody i priemy obucheniya inostrannomu yazyku studentov neyazykovykh vuzov (Modern methods and techniques of foreign language teaching the students of a non-linguistic university). – Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. – 2019. – P. 215-220.
11. Nasibullova, G. R., Zakirova, R. R. Perevod imen sobstvennykh v khudozhestvennom proizvedenii s angliiskogo na russkii yazyk (Translation of proper names in a literary work from English into Russian). – Global'nyi nauchnyi potentsial. – 2021. – P. 139-141.
12. Nuralieva, G. Metody perevoda sobstvennykh imen i osobennosti perevoda nekotorykh grupp imen sobstvennykh (Methods of translation of proper names, and especially the translation of certain groups of proper names). – Vestnik sovremennoi nauki. – 2016. – P. 40-42.

13. Olentsova, Yu. A. Aktual'nye problemy v metodike prepodavaniya inostrannogo yazyka (Actual problems of foreign language teaching methodology). – Elektronnyi nauchnyi zhurnal. – 2015. – P. 268-271.
14. Sagynalieva, G. T. Funktsionirovanie i perevod imen sobstvennykh v angliiskom i russkom yazykakh (Functioning and translation of proper names in English and Russian). – Vestnik Bishkekского гуманитарного университета. – 2012. – P. 207-209.
15. Dick, P. K. Do androids dream of electric sheep? – URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/349051-philip-dick-do-androids-dream-of-electric-sheep.html#text> (date of access: 10.02.2023).

УДК 378.145 (Планирование занятий (продолжительность учебы, расписание занятий, количество учащихся и т.д.)

## НОВЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

© 2023 О.А. Свидерский<sup>1</sup>, С.А. Грязнов<sup>2</sup>, Н.С. Грязнов<sup>1</sup>

*Свидерский Олег Алексеевич, доктор медицинских наук, профессор*

*E-mail: [oleg.sviderskiy@yandex.ru](mailto:oleg.sviderskiy@yandex.ru)*

*Грязнов Сергей Александрович, кандидат педагогических наук, доцент,  
декан факультета внебюджетной подготовки*

*E-mail: [sagryaznov@yandex.ru](mailto:sagryaznov@yandex.ru)*

*Грязнов Николай Сергеевич, студент 1 курса института экономики и управления*

*E-mail: [nsgrijasnow@gmail.com](mailto:nsgrijasnow@gmail.com)*

<sup>1</sup>Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С.П. Королева

<sup>2</sup>Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний  
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 29.11.2022

Статья посвящена исследованию развития синдрома эмоционального выгорания у студентов технического вуза. Раскрыто содержание понятия «синдром эмоционального выгорания», проведен теоретический анализ данного феномена, проанализированы причины возникновения в студенческой среде. В работе показано, что негативные факторы в виде неоптимальных условий обучения, которые имеют место в организации учебного процесса, оказывают губительное влияние на состояние психического здоровья, вызывают снижение уровня стресс-резистентности у обучающихся, что вызывает у них формирование синдрома эмоционального выгорания. Авторы изучили зависимость развития синдрома эмоционального состояния от психологического профиля студентов. Предложено, в зависимости от полученных результатов в ходе тестирования по опроснику многофакторного личностного опросника 16PF, относить студентов к «отрицательному» или «положительному» полюсу. На основании полученных результатов тестирования и проведенного корреляционного анализа были сформулированы «психологические портреты» студентов института двигателей и энергетических установок Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, которые имеют склонность или, наоборот, устойчивость к развитию синдрома эмоционального выгорания. В целях предупреждения развития феномена эмоционального выгорания предложены пути и методы выявления ранних признаков и профилактики его развития у студентов.

*Ключевые слова:* эмоциональное и психическое выгорание, резистенция, деперсонализация, ценностно-смысловая сфера личности, редуцирование персональных достижений, стрессорные факторы, психоэмоциональное истощение, личное отдаление, психодиагностическое обследование

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-25-35

*Введение.* В последние годы внимание исследователей привлекают проблемы довольно широкого распространения синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) среди студенческой молодежи.

СЭВ у студентов представляет собой сложный феномен, в развитии которого наибольшее значение имеют личностные акцентуации, психофизиологические особенности, ролевой и организационный факторы [5]; его развитию содействует отсутствие соответствующего поощрения обучающихся за достигнутые успехи в

учебе [10], бытовые стрессовые ситуации [9], рабочие стрессорные нагрузки [8].

*История вопроса.* Под синдромом эмоционального выгорания (в зарубежной литературе принято определение «burnout») понимают реакцию организма человека, которая возникает в результате постоянного влияния профессиональных стрессогенных факторов, имеющих среднюю интенсивность. Представляет собой длительный процесс, состоящий в постепенной утрате физической, когнитивной, эмоциональной энергии и проявляющийся в виде целого

ряда определенных симптомов – снижения умственной работоспособности, быстрого развития физической усталости, эмоционального истощения, снижения удовлетворенности от выполняемой работы, отстраненности от страданий окружающих и т.п. В научной литературе как синонимы «синдрома эмоционального выгорания» также применяют понятия «синдром психического выгорания» и «профессиональное выгорание». Однако, независимо от применяемой терминологии, этот феномен всегда рассматривается в контексте деформации личности, происходящей от длительного воздействия стрессов, связанных с профессиональной деятельностью человека.

СЭВ – это выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия. «Выгорание» – отчасти функциональный стереотип, поскольку позволяет дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы. В то же время могут возникать его дисфункциональные следствия, когда «выгорание» отрицательно сказывается на исполнении профессиональной деятельности и отношениях с партнерами [1, 8].

С точки зрения психологии СЭВ – это защитная ответная реакция организма человека на воздействие стрессорных факторов, которая возникает при межличностном взаимодействии и выступает в качестве одного из механизмов психологической защиты от психотравмирующих факторов. В результате развития СЭВ у человека полностью или частично исключается эмоциональная сфера.

Межличностные взаимодействия лежат в основе множества факторов, под воздействием которых возникает и прогрессирует синдром эмоционального выгорания. Эмоциональная и (или) когнитивная напряженность является отличительной чертой этих взаимодействий. Следует отметить, что стрессорные факторы имеют незначительную интенсивность воздействия на человека и носят продолжительный характер.

Изучение данного феномена в психологии началось с 1974 г. Впервые его описал американский психиатр Н. Freudenberger, который предложил использовать термин «эмоциональное сгорание». В ходе наблюдений за врачами

им было установлено, что в силу профессиональной необходимости длительное общение с высокой интенсивностью и эмоциональной напряженностью с пациентами приводит к развитию у здоровых людей защитной реакции, позволяющей им не воспринимать и не реагировать на страдания больных [3].

Социальный психолог К. Maslach определила это состояние как синдром физического и эмоционального истощения, включая развитие отрицательной самооценки, отрицательного отношения к работе, утрату понимания и сочувствия по отношению к клиентам (пациентам), подчеркивая, что выгорание представляет собой эмоциональное истощение, возникающее на фоне стресса [6, 7].

Некоторые авторы рассматривают СЭВ как один из защитных механизмов организма человека на психотравмирующие воздействия, исходящие от окружающей их обстановки. Он проявляется в виде стереотипного эмоционального и профессионального поведения [2].

*Целью исследования* стал поиск корреляционных связей между факторами психологического портрета личности, получаемого по результатам тестирования на основе опросника Кеттелла и степени развития синдрома эмоционального выгорания у студентов четвертого курса технического вуза.

*Методы исследования.* Первый этап исследования проводился с использованием облачного сервиса Google-формы. Тестирование каждого респондента включало в себя определение личностных характеристик и степень выраженности его эмоционального выгорания. Эмпирическое исследование проводилось в течение одной экспериментальной сессии.

Опросник в Google-форме включал в себя набор психодиагностических методик:

1. Индивидуально-психологические особенности личности исследовались при помощи многофакторного личностного опросника 16PF (Sixteen Personality Factor Questionnaire, 16PF) [4]. Согласно теории личности, разработанной Raymond Cattell, каждый человек обладает набором характерных независимых черт, имеющих определенную степень проявления. Предложенный автором опросник позволяет дать количественную оценку степени выраженности этих черт.

Кроме первоначальных 16 факторов, выделяют четыре фактора второго порядка: тревожность, интроверсия-экстраверсия, чувствительность, конформность, которые рассчитываются по специальным формулам. «Психологический портрет» или так называемый «профиль личности» строится на основании полученных результатов по всем 20 факторам.

2. Наличие и выраженность эмоционального выгорания изучали по методике А.А. Рукавишникова. В зависимости от содержания полученных ответов на вопросы респонденты получали баллы по компонентам: «психоэмоциональное истощение» (ПИ), «личностное отдаление» (ЛО), «профессиональная мотивация» (ПМ) [3, с. 36].

При первичной обработке результатов, полученных в ходе психологического тестирования по каждой методике у всех испытуемых, производился подсчет изучаемых показателей. На основании результатов, полученных в ходе проведения психодиагностических методик, формировалась развернутая база данных. В дальнейшем статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием стандартного пакета программ SPSS for Windows, версия 11.0.

При проведении статистической обработки результатов использовались стандартные статистические методы, которые отвечали поставленным в ходе исследования задачам:

1. Для количественной оценки характеристик групповых тенденций изучаемых показателей использовали t-критерий Стьюдента

2. Для установления наличия, характера и степени выраженности связей между различными показателями применяли коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

*Результаты исследования.* Для того чтобы сформировать «среднестатистические» психологические портреты в «отрицательном» и «положительном» полюсах по каждому из 20-факторов, полученные в ходе проведенного тестирования (опросник Кеттелла) значения были распределены по биполярной шкале с крайними значениями в 1 и 10 баллов между двумя группами. В первую группу включались значения, соответствующие значениям шкалы от 1 до 5,4. Этой группе присваивался знак «-» и они относились к «отрицательному» полюсу. Соответственно, во вторую группу включались значения (от 5,5 до 10), присваивался знак «+» и их относили к «положительному» полюсу. Затем производился расчет среднего показателя и его среднеквадратической ошибки каждого фактора (таблица 1).

**Таб. 1.** Сравнительная характеристика средних показателей факторов опросника Кеттелла среди студентов, отнесенных к «положительному» и «отрицательному» полюсам (Comparative characteristics of the average indicators of the factors of the Cattell questionnaire among students classified as "positive" and "negative" poles)

Фактор	«положительный» полюс		«отрицательный» полюс		t-критерий Стьюдента
	X ± x	n	X ± x	n	
Фактор А	6.3 ± 0.5	7	3.2 ± 1.4	47	11,14
Фактор В	6.7 ± 0.8	32	4.1 ± 1.2	22	8,89
Фактор С	7.4 ± 1.1	36	4.2 ± 1.1	18	10,08
Фактор Е	7.1 ± 1.0	41	4.5 ± 1.0	13	8,17
Фактор F	7,2 ± 1.4	32	3.6 ± 1.4	22	9,28
Фактор G	7.1 ± 0.8	17	4.6 ± 0.6	37	11,49
Фактор H	7.3 ± 1.3	38	3.9 ± 1.2	16	9,27
Фактор I	7.2 ± 1.3	29	4.0 ± 0.8	25	11,05
5Фактор L	6.7 ± 0.9	26	3.8 ± 1.1	28	10,63
Фактор M	6.9 ± 1.1	29	3.9 ± 1.4	25	8,66
Фактор N	7.2 ± 1.0	29	4.5 ± 0.9	25	10,44
Фактор O	7.9 ± 1.5	37	3.9 ± 1.1	17	11,01
Фактор Q1	6.9 ± 0.9	34	4.7 ± 0.5	20	11,54
Фактор Q2	6.9 ± 1.2	22	3.8 ± 1.3	32	9,01
Фактор Q3	6.7 ± 0.9	33	3.9 ± 1.1	21	9,77

Фактор Q4	7.5 ± 1.2	33	4.3 ± 0.9	21	11,16
Фактор F1	6.9 ± 1.2	33	3.5 ± 1.1	20	10,54
Фактор F2	7.3 ± 1.4	35	3.5 ± 1.6	19	8,70
Фактор F3	7.1 ± 1.2	45	4.3 ± 0.8	9	8,72
Фактор F4	7.1 ± 1.2	42	4.5 ± 0.6	12	10,25

Анализ представленных результатов показывает наличие статистически значимых различий ( $P < 0.01$ ) между средними значениями всех изучаемых факторов, используемыми для построения психологического портрета личности, «отрицательного» и «положительного» полюсов, что позволяет нам провести изучение зависимостей проявления компонент опросника Рукавишникова, характеризующих виды эмоционального выгорания.

Необходимо отметить, что при проведении анализа полученных результатов для построе-

ния «психологического профиля личности» студента в «отрицательном» и «положительном» полюсах учитывались только положительные показатели средней (0.25-0.49) и высокой (0.50-0.74) корреляции.

Полученные результаты корреляции значений факторов опросника Кеттелла психологического портрета «отрицательного» полюса с компонентами опросника «Симптом выгорания» А.А. Рукавишникова представлены в таблице 2.

**Таб. 2.** Показатели корреляции факторов опросника Кеттелла показателей факторов, отнесенных к «отрицательному» полюсу, с компонентами опросника «Симптом выгорания» (Indices of the correlation of the factors of the Cattell questionnaire of the indicators of factors referred to the "negative" pole, with the components of the "Burnout Symptom" questionnaire)

	Профессиональная мотивация	Психоэмоциональное истощение	Личное отдаление
Фактор А	0.13	0,05	0,06
Фактор В	0.20	0,09	0,27
Фактор С	0.15	-0,57	-0,44
Фактор Е	0.29	-0,34	-0,47
Фактор F	0.14	0,13	0,04
Фактор G	0.05	-0,09	-0,21
Фактор H	-0.06	-0,16	-0,19
Фактор I	-0.20	0,13	0,1
Фактор L	-0.23	-0,24	-0,19
Фактор M	-0.26	-0,3	-0,27
Фактор N	-0.29	-0,32	-0,27
Фактор O	0.35	-0,08	0,16
Фактор Q1	-0.34	-0,22	0,05
Фактор Q2	-0.15	0,11	0,09
Фактор Q3	-0.10	-0,03	0,11
Фактор Q4	0.03	0,18	0,41
Фактор F1	-0.26	0,04	0,32
Фактор F2	-0.04	-0,14	-0,25
Фактор F3	0.43	-0,19	-0,34
Фактор F4	-0.42	-0,17	-0,38

Проводя анализ полученных результатов среди студентов, отнесенных к «отрицательному» полюсу мы можем констатировать, что

для компоненты «профессиональная мотивация» умеренная сила положительной корреляционной связи регистрируется для факторов Е

(0.29), О (0.35), F3 (0.43) и отрицательной – для факторов Q1 (-0.34) и F4 (-0.42). Таким образом, наибольшая корреляция установлена для первичных факторов: подчиненность-доминантность (Е), спокойствие-тревожность (О), консерватизм-радикализм (Q1) и вторичных факторов – чувствительность (F3), конформность (F4).

Для компоненты «психоэмоциональное истощение» положительная корреляция не была зафиксирована ни у одного из изучаемых факторов, а отрицательная корреляция умеренной силы регистрируется для факторов С (-0,57), Е (-0.34), N (-0.32). Таким образом, наибольшая корреляция установлена для первичных факторов: эмоциональная нестабильность-эмоциональная стабильность (С), подчиненность-доминантность (Е), прямолинейность-дипломатичность (N).

Для компоненты «личное отдаление» положительная корреляционная связь установлена для факторов Q4 (0,41), F1 (0,32), и отрицательная – для факторов С (-0,44), Е (-0,47), М (-0,27), N (-0,27), F2 (-0,25), F3 (-0.34), F4 (-0,38). В обоих случаях степень выраженности корреляции имело умеренную силу. Таким образом, наибольшая корреляция установлена для пер-

вичных факторов: расслабленность-напряженность (Q4), эмоциональная нестабильность-эмоциональная стабильность (С), подчиненность-доминантность (Е), практичность-мечтательность (М), прямолинейность-дипломатичность (N) и вторичных факторов – тревога (F1), экставерсия-интроверсия (F2), чувствительность (F3), конформность (F4).

Для индекса «психическое выгорание» были получены умеренной силы положительные корреляции для фактора Q4 (0.30), и отрицательной – для факторов С (-0.54), Е (-0.42), М (-0.30), N (-0.31), F3 (-0.26), F4 (-0,29). Полученные результаты для индекса «психическое выгорание» хорошо согласуются с данными, полученными для компонент «психоэмоциональное истощение» и «личное отдаление». Это объясняется тем, что рассматриваемый индекс находится расчетным методом посредством сложения последних двух компонент.

Полученные результаты корреляции значимых факторов опросника Кеттелла психологического портрета «положительного» полюса с компонентами опросника «Симптом выгорания» А.А. Рукавишникова представлены в таблице 3.

**Таб. 3.** Показатели корреляции факторов опросника Кеттелла показателей факторов, отнесенных к «положительному» полюсу, с компонентами опросника «Симптом выгорания» А.А. Рукавишникова (Indices of the correlation of the factors of the Cattell questionnaire of the indicators of factors referred to the "positive" pole, with the components of the "Burnout Symptom" questionnaire A.A. Rukavishnikovs)

	Профессиональная мотивация	Психоэмоциональное истощение	Личное отдаление
Фактор А	0.15	-0,30	-0.27
Фактор В	-0.10	-0,36	-0.38
Фактор С	0.09	-0,06	-0.04
Фактор Е	0.01	0,33	0.31
Фактор F	0.20	0,08	0.11
Фактор G	0.22	-0,23	-0.12
Фактор H	0.37	0,04	0.04
Фактор I	0.01	0,19	0.33
Фактор L	0.31	0,19	0.08
Фактор M	-0.05	-0,32	-0.32
Фактор N	-0.10	0,11	0.09
Фактор O	-0.04	0,22	0.12
Фактор Q1	-0.02	0,13	0.31
Фактор Q2	-0.30	-0,18	-0.06
Фактор Q3	0.20	-0,18	-0.18
Фактор Q4	0.10	0,48	0.33
Фактор F1	0.03	0,48	0,40
Фактор F2	0.22	-0,05	-0.10

Фактор F3	0.25	-0,06	-0.01
Фактор F4	-0.19	0,05	0.16

Проводя анализ полученных результатов среди студентов, отнесенных к «положительному» полюсу, мы можем констатировать, что для компоненты «профессиональная мотивация» умеренная сила положительной корреляционной связи регистрируется для факторов Н (0.37), L (0.31), F3 (0.25) и отрицательной – для фактора Q2 (-0.30). Таким образом, наибольшая корреляция установлена для первичных факторов: робость-смелость (Н), доверчивость-подозрительность (L), конформизм-нонконформизм (Q2) и вторичного фактора – чувствительность (F3).

Для компоненты «психоэмоциональное истощение» положительная корреляция умеренной силы регистрируется для факторов E (0.33), Q4 (0.48), F1 (0.48) и отрицательной – для факторов А (-0,30), В (-0.36), М (-0.32). Таким образом, наибольшая корреляция установлена для первичных факторов: замкнутость-общительность (А), интеллект (В), подчиненность – доминантность (Е), практичность – мечтательность (М), прямолинейность – дипломатичность (N), расслабленность – напряженность (Q4) и вторичного фактора – тревога (F1).

Для компоненты «личное отдаление» положительная корреляционная связь установлена для факторов E (0.31), I (0.33), Q4 (0.33), F1 (0.40) и отрицательная – для факторов А (-0.27), В (-0.38), М (-0.32). В обоих случаях степень выраженности корреляции имело умеренную силу. Таким образом, наибольшая корреляция установлена для первичных факторов: «подчинен-

ность – доминантность» (Е), «жесткость – чувствительность» (I), «расслабленность – напряженность» (Q4), «замкнутость – общительность» (А), интеллект (В), «практичность – мечтательность» (М) и вторичного фактора – тревога (F1).

Для индекса «психическое выгорание» были получены умеренной силы положительные корреляции для факторов E (0.33), I (0.26), Q4 (0.43), F1 (0.46) и отрицательной – для факторов А (-0.29), В (-0.39), М (-0.33). Полученные результаты для индекса «психическое выгорание» хорошо согласуются с данными, полученными для компонент «психоэмоциональное истощение» и «личное отдаление». Это объясняется тем, что рассматриваемый индекс находится расчетным методом посредством сложения последних двух компонент.

С целью наглядности и оптимизации выбора наиболее значимых сочетаний факторов представим полученные результаты в виде уравнений регрессии:

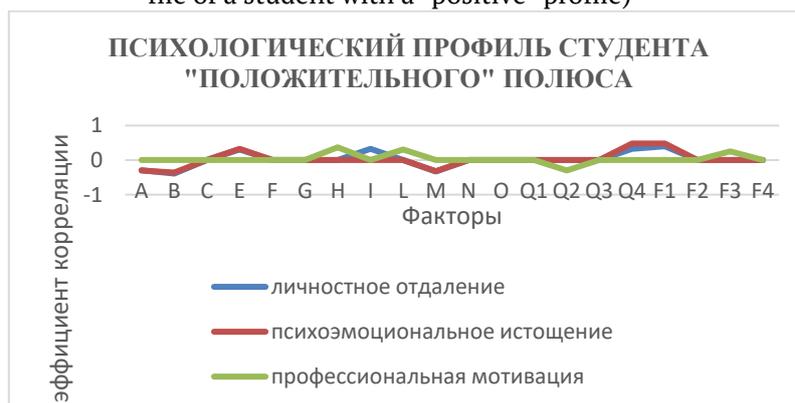
– компонента «профессиональная мотивация» =  $0.37 N + 0.31 L + 0.25 F3 - 0.30 Q2$ ;

– компонента «психоэмоциональное истощение» =  $0.33 E + 0.48 Q4 + 0.48 F1 - 0,30 A - 0.36 B - 0.32 M$ ;

– компонента «личное отдаление» =  $0.31 E + 0.33 I + 0.33 Q4 + 0.40 F1 - 0.27 A - 0.38 B - 0.32 M$ .

Психологический профиль студента, отнесенного по величине показателей к «положительному» полюсу и рассчитанный по коэффициентам корреляции для всех факторов, в компилированном виде представлен на диаграмме 1.

**Диаграмма 1.** Психологический профиль студента "положительного" профиля (Psychological profile of a student with a "positive" profile)



После проведенного анализа можно описать психологический портрет студента технического вуза, который имеет склонность к развитию синдрома эмоционального выгорания.

Психологический портрет характеризуется:

– по фактору Н: проявлением качеств лидера, активностью, предприимчивостью, смелостью, наличием эмоциональных интересов, готовностью рисковать и сотрудничать даже с незнакомыми людьми, не заботясь при этом об обстоятельствах совместной деятельности, способностью самостоятельно принимать нестандартные решения, склонностью к авантюрам;

– по фактору L: осмотричностью, эгоцентричностью, раздражительностью, автономностью, осторожным отношением к людям, склонен ревновать, стремится переложить ответственность за совершенные ошибки на окружающих, самостоятельностью и независимостью в поведении в обществе;

– по фактору F3: предприимчивостью, решительностью и гибкостью в поведении, склонностью не замечать актуальных аспектов, сосредоточивая направление своего поведения на очевидное событие, возникающие трудности вызывают быструю ответную реакцию без достаточно полной оценки сложившейся ситуации;

– по фактору E: настойчивостью, независимостью, самостоятельностью, своенравием, упрямством, напористостью, иногда агрессивностью, конфликтностью, отказом от признания руководства своими действиями, склонностью к авторитаризму, желанием восхищаться окружающим, бунтарством;

– по фактору F1: высоким уровнем тревожного состояния, которое может быть обусловлено как невротической компонентой, так и сложившейся ситуацией; неприспособленностью к окружающей обстановке, т.к. недовольство человека проявляется в такой степени, которая не позволяет ему выполнять требования и, соответственно, достичь желаемого результата; очень высокий уровень тревоги, обычно нарушает производительность труда и приводит к различным расстройствам соматического характера;

– по фактору I: впечатлительностью, богатством переживаний эмоционального характера, чувствительностью, склонностью к романтизму, развитыми эстетическими интересами, художественным восприятием окружающего

мира, утонченной эмоциональностью, артистичностью, женственностью, склонностью к осознанному сопереживанию текущего эмоционального состояния другого человека, сочувствию, сопереживанию и пониманию других людей;

– по фактору Q4: энергичностью, собранностью, напряженностью, фрустрированностью, повышенной мотивацией, возбужденностью, раздражительностью, беспокойством.

Следует отметить, что приведенные психологические признаки, способствующие развитию СЭВ у студентов, по факторам (E), (F1) и (Q4) отмечалось как в компоненте «психоэмоциональное истощение», так и «личное отдаление».

Напротив, студенты, психологический портрет которых характеризуется следующими чертами, имеют определенную устойчивость к развитию у них синдрома эмоционального выгорания:

– по фактору Q2: находчивостью, независимостью, ориентированностью в своих действиях исходя из лично принятого решения, самостоятельностью, стремлением обладать собственным мнением, склонностью противопоставлять себя коллективу и желание быть в нем лидером;

– по фактору A: естественностью поведения, общительностью, открытостью и непринужденностью в общении, приспособляемостью к окружающей обстановке, легкостью в установлении непосредственных, межличностных контактов, вниманием к людям и готовностью к совместной с ними работе и сотрудничеству, активностью при устранении возникших конфликтов в группе, готовностью идти на поводу у коллег;

– по фактору B: оперативностью и сообразительностью при принятии управленческих решений, развитым абстрактным мышлением, быстрой обучаемостью, обладает достаточно высоким уровнем общей культуры, особенно вербальной;

– по фактору M: мечтательностью, обладанием богатым воображением, все целостно поглощения своими идеями и внутренними иллюзиями, легкостью отказа от практических суждений, умением оперировать абстрактными понятиями, ориентированностью на свой внутренний мир [по фактору (M)].

Следует отметить, что приведенные психологические признаки, которые способствуют

устойчивости к развитию СЭВ у студентов, по факторам (А), (В) и (М) отмечалось в двух компонентах – «психоэмоциональное истощение» и «личное отдаление».

Также представим полученные результаты в виде уравнений регрессии:

– компонента «профессиональная мотивация» =  $0.29 E + 0.35 O + 0.43 F3 - 0.34 Q1 - 0.42 F4$ ;

– компонента «психоэмоциональное истощение» =  $-0.57 C - 0.34 E - 0.32 N$ ;

– компонента «личное отдаление» =  $0.41 Q4 + 0.32 F1 - 0.44 C - 0.47 E - 0.27 M - 0.27 N - 0.25 F2 - 0.34 F3 - 0.38 F4$ .

Психологический профиль студентов, отнесенных по величине показателей к «положительному» полюсу и рассчитанный по коэффициентам корреляции для всех факторов, в компилированном виде представлен на диаграмме 2.

**Диаграмма 2.** Психологический профиль студента "отрицательного" профиля  
(Psychological profile of a student with a "negative" profile)



После проведенного анализа можно описать психологический портрет студента технического вуза, который имеет склонность к развитию синдрома эмоционального выгорания. Его психологический портрет характеризуется такими качествами как:

– по фактору E: скромностью, застенчивостью, безропотностью, кротостью, услужливостью, почтительностью, мягкостью, уступчивостью, тактичностью, любезностью, зависимостью, готовностью брать вину на себя, экспрессивностью, склонностью легко выходить из равновесия;

– по фактору O: жизнелюбием, оптимизмом, уверенностью в себе и в своих силах, безмятежностью, беспечностью, самонадеянностью, смелостью, хладнокровием, спокойствием, отсутствием раскаяния и чувства вины в результате содеянного;

– по фактору F3: чувствительностью к тонкостям сложившейся обстановки, вероятностью

обладания артистическими наклонностями, мягкостью, по причине высокой экспансивности испытывают затруднения в различных жизненных ситуациях, при возникшей проблеме тратят много времени на размышления до начала действий по ее разрешению, при непреодолимых или трудно преодолимых преградах могут быть недовольными и входить в состояние фрустрации;

– по фактору Q4: низкой мотивацией, излишней удовлетворенностью, апатичностью, спокойствием, невозмутимостью, расслабленностью, вялостью;

– по фактору F1: удовлетворенностью достигнутым и уверенностью в том, что может добиться существенных для него показателей, в трудной ситуации может наблюдаться недостаточная мотивация для ее преодоления, высоким уровнем ситуационной тревожности, неприспособленностью к окружающей обстановке, обусловленной недовольством, проявляющейся в

такой степени, которая не позволяет ему выполнять требования и достигать того, что желает, высокий уровень тревоги снижает производительность труда и вызывает развитие соматических расстройств.

Напротив, студенты в психологическом портрете которых имеются следующие черты, имеют определенную устойчивость к развитию у них синдрома эмоционального выгорания:

– по фактору Q1: консервативностью, сопротивлением переменам, односторонностью умственных интересов, ориентацией на конкретное занятие, постоянством в отношении соблюдения традиций, колебаниями по отношению к новым взглядам и идеям, стремлением к нравочужениям и морализации;

– по фактору F4: пассивностью, зависимостью от коллектива, нуждаемостью в оказании содействия со стороны окружающих и ориентацией своего поведения на лиц, оказывающих такую помощь;

– по фактору С: импульсивностью, эмоциональной изменчивостью, неустойчивостью в настроениях, легко огорчается, переменчив в увлечениях, находится под воздействием эмоций, обладает низкой терпимостью по отношению к фрустрации, раздражительности, утомляемости;

– по фактору E: беззлобностью, податливостью, смиренностью, покорностью, вежливостью, зависимостью, услужливостью, уважительностью, стеснительностью, корректностью, готовностью брать вину на себя, скромностью, экспрессивностью, способностью легко терять состояние душевного равновесия;

– по фактору N: чистосердечностью, простодушием, естественностью, непринужденностью, наивностью, прямолинейностью, некорректностью, эмоциональностью, недисциплинированностью, неумением подвергать анализу мотивы коллеги, отсутствием прозорливости, простотой вкусов, довольствием имеющимся;

– по фактору M: быстротой решения практических задач, неординарностью, ориентацией на внешнюю реальность, сформированным конкретным воображением, практичностью, реалистичностью;

– по фактору F2: склонностью к бездушию, самоудовлетворенности, отсутствием прогресса в межличностных отношениях;

– по фактору F3: по причине высокой эмоциональности испытывают затруднения в общении, проявляют постоянное недовольство к

окружающему, восприимчивы к тонкостям жизненных ситуаций, обладают артистическими наклонностями и мягкостью в поведении, на разрешение проблемы, в случае ее возникновения, потребуется много времени на размышления до принятия решения.

Следует отметить, что приведенные психологические признаки, которые способствуют устойчивости к развитию СЭВ у студентов, по факторам (F4) и (E) отмечалось в двух компонентах – «психоэмоциональное истощение» и «личное отдаление», а по факторам (C) и (N) – в компонентах «психоэмоциональное истощение» и «личное отдаление».

#### *Выводы.*

1. Среди студентов, отнесенных к «положительному» полюсу компонента, «профессиональная мотивация» имеет умеренную силу положительной корреляционной связи с факторами H (0.37), L (0.31), F3 (0.25) и отрицательную – для фактора Q2 (-0.30).

2. Для компоненты «психоэмоциональное истощение» положительная корреляция умеренной силы регистрируется для факторов E (0.33), Q4 (0.48), F1 (0.48) и отрицательной – для факторов A (-0.30), B (-0.36), M (-0.32).

3. Для компоненты «личное отдаление» положительная корреляционная связь установлена для факторов E (0.31), I (0.33), Q4 (0.33), F1 (0.40) и отрицательная – для факторов A (-0.27), B (-0.38), M (-0.32).

4. Среди студентов, отнесенных к «отрицательному» полюсу, компонента «профессиональная мотивация» имеет умеренную силу положительной корреляционной связи регистрируется с факторами E (0.29), O (0.35), F3 (0.43) и отрицательная – для факторов Q1 (-0.34) и F4 (-0.42).

5. Для компоненты «психоэмоциональное истощение» положительная корреляция не была зафиксирована ни у одного из изучаемых факторов, а отрицательная корреляция умеренной силы установлена для факторов C (-0.57), E (-0.34), N (-0.32).

6. Для компоненты «личное отдаление» положительная корреляционная связь установлена для факторов Q4 (0.41), F1 (0.32), и отрицательная – для факторов C (-0.44), E (-0.47), M (-0.27), N (-0.27), F2 (-0.25), F3 (-0.34), F4 (-0.38).

7. Для профилактики эмоционального выгорания студентов предлагается внедрение в учебный процесс вуза комплекса профилактических мероприятий:

– ежегодное психодиагностическое обследование в период проведения диспансеризации с целью определения степени выраженности синдрома эмоционального выгорания у студентов и разработка мероприятий психокоррекционного взаимодействия с конкретной личностью;

– организационные мероприятия, направленные на адаптацию студента к новым условиям обучения, оптимизацию учебной нагрузки в течение недели и семестра, поддержание традиций студенческого сообщества, совместное

проведение свободного времени, оказание помощи в решении проблем, возникающих у студентов;

– психологическое сопровождение студентов посредством проведения индивидуальных консультаций, групповых социально-психологических тренингов для совершенствования коммуникативной компетентности и развития эмоциональной устойчивости.

1. Барабанова, М. В. Изучение психологического содержания синдрома выгорания // Вестник Московского университета. Серия 14. «Психология». – 1995. – № 1. – С. 54.
2. Бойко, В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб.: Питер, 1999. – 105 с.
3. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 299 с.
4. Капустина, А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. – СПб., 2001. – С. 55-81.
5. Jacobs, S. R., Dodd, D. K. Student Burnout as a Function of Personality, Social Support, and Workload // Journal of College Student Development. – 2003. – №2. – P. 23-28.
6. Leiter, M. P., Maslach, C. Banishing burnout: six strategies for improving your relationship with work – Jossey-Bass, A Wiley Imprint, 2005. – 193 p.
7. Maslach, C., Jackson, S. E. The measurement of experienced burnout. In: Journal of Occupational Behavior, 1981. – №2. – P. 26-34.
8. Schaufeli, W. B., Enzmann, D. The burnout companion to study and practice: A critical analysis. – London: Taylor & Francis, 1999.
9. Schaufeli, W. B., Martinex, I. M., Marques, A. Burnout And Engagement In University Students: A Cross-National Study // Journal Of Cross-Cultural Psychology. – 2002. – 33. – No.5. – P. 464-481.
10. Vaez, M. Health and Quality of Life during Years at University. Studies on their Development and Determinants// PhD Thesis. Karolinska Institutet, Department of Public Health Sciences; 2004.

## **NEW METHODOLOGICAL APPROACHES TO STUDYING THE DEVELOPMENT OF BURNOUT SYNDROME IN UNIVERSITY STUDENTS**

© 2023 O.A. Svidersky<sup>1</sup>, S.A. Gryaznov<sup>2</sup>, N.S. Gryaznov<sup>1</sup>

*Oleg A. Svidersky, Doctor of Medical Sciences, Professor*

*E-mail: oleg.sviderskiy@yandex.ru*

*Sergey A. Gryaznov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Extrabudgetary Training*

*E-mail: sagryaznov@yandex.ru*

*Nikolai S. Gryaznov, 1st year student at the Institute of Economics and Management*

*E-mail: nsgrjasnow@gmail.com*

<sup>1</sup>Samara National Research University

<sup>2</sup>Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service

Samara, Russia

The article is devoted to the study of the development of the syndrome of emotional burnout among students of a technical university. The content of the concept of "burnout syndrome" is revealed, a theoretical analysis of this phenomenon is carried out, and the reasons for its occurrence in the student environment are analyzed. The paper shows that negative factors in the form of suboptimal learning conditions that take place in the organization of the educational process have a detrimental effect on mental health, cause a decrease in the level of stress resistance in students, which causes them to

develop a burnout syndrome. The authors studied the dependence of the development of the emotional state syndrome on the psychological profile of students. It is proposed, depending on the results obtained during testing on the 16PF multifactorial personality questionnaire, to attribute students to the "negative" or "positive" pole. On the basis of the test results obtained and the correlation analysis carried out, "psychological portraits" of students of the Institute of Engines and Power Plants of the Samara National Research University named after Academician S.P. Queen, who have a tendency or, conversely, resistance to the development of burnout syndrome. In order to prevent the development of the phenomenon of emotional burnout, ways and methods for identifying early signs and preventing its development in students are proposed.

*Keywords:* emotional and mental burnout, resistance, depersonalization, value-semantic sphere of personality, reduction of personal achievements, stress factors, psycho-emotional exhaustion, personal distance, psychodiagnostic examination  
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-25-35

1. Barabanova, M. V. Izucheniye psikhologicheskogo sodержaniya sindroma vygoraniya (The study of the psychological content of the burnout syndrome) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. «Psikhologiya». – 1995. – № 1. – S. 54.
2. Boyko, V. V. Sindrom «emotsional'nogo vygoraniya» v professional'nom obshchenii (Syndrome of "emotional burnout" in professional communication). – SPb.: Piter, 1999. – 105 s.
3. Vodop'yanova, N. Ye. Sindrom vygoraniya. Diagnostika i profilaktika: prakticheskoye posobiye (Burnout syndrome. Diagnosis and prevention: a practical guide). 3-ye izd., ispr. i dop. – M.: Yurayt, 2017. – 299 s.
4. Kapustina, A. N. Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kettella (Cattell's multifactorial personality technique). – SPB., 2001. – S. 55-81.
5. Jacobs, S. R., Dodd, D. K. Student Burnout as a Function of Personality, Social Support, and Workload // Journal of College Student Development. – 2003. – №2. – P. 23-28.
6. Leiter, M. P., Maslach, C. Banishing burnout: six strategies for improving your relationship with work – Jossey-Bass, A Wiley Imprint, 2005. – 193 p.
7. Maslach, C., Jackson, S. E. The measurement of experienced burnout. In: Journal of Occupational Behavior, 1981. – №2. – P. 26-34.
8. Schaufeli, W. B., Enzmann, D. The burnout companion to study and practice: A critical analysis. – London: Taylor & Francis, 1999.
9. Schaufeli, W. B., Martinex, I. M., Marques, A. Burnout And Engagement In University Students: A Cross-National Study // Journal Of Cross-Cultural Psychology. – 2002. – 33. – No.5. – P. 464-481.
10. Vaez, M. Health and Quality of Life during Years at University. Studies on their Development and Determinants// PhD Thesis. Karolinska Institutet, Department of Public Health Sciences; 2004.

УДК 008:130.2 (Цивилизация. Культура. Прогресс / Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

**СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СВАДЕБНОЙ РИТУАЛЬНОСТИ:  
РЕЛИГИОЗНЫЙ КАНОН И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

© 2023 М.В. Богданова, И.Л. Сиротина

*Богданова Мирра Витальевна, соискатель кафедры дизайна и рекламы*

*E-mail: mirrabogdanova@gmail.com*

*Сиротина Ирина Львовна, доктор философских наук, профессор*

*Кафедры дизайна и рекламы*

*<https://orcid.org/0000-0003-4498-5529>*

*E-mail: sirotinail@mail.ru*

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва*

*Саранск, Россия*

Статья поступила в редакцию 19.02.2023

Актуальность исследования: на сегодняшний день чрезвычайно важно изучить генезис и ключевые характеристики свадебного ритуала, которые обусловили способность его функционирования как способа конструирования социальных перемещений и обретения нового социального статуса. Рассматривая феномен ритуала как культурную систему, авторы во многом исходят из семиотического понимания самой культуры как системы, ориентированной на порождение и сохранение смыслов. В этой связи теоретико-методологической опорой исследования служит концепция американского антрополога и социолога К. Гирца. В междисциплинарный дискурс о свадебной ритуальности привлечены труды зарубежных (А. ван Геннеп, Б. Малиновский, В. Тэрнер и др.) и отечественных (Н.В. Ермакова, Н. В. Зорин, Ю.М. Лотман, Л.В. Тимофеева и др.) исследователей. Авторы приходят к выводу, что свадебный ритуал представляет собой сложный семиотический комплекс, конститутивным моментом которого является фиксация религиозно-символического, социального, психологического перехода, который осуществляют жених и невеста. Входя в сферу человеческой экзистенции, свадебный ритуал интегрирует в своём символическом поле различные контексты: религиозные, культурные, социальные. Способность символических действий церковного венчания приращиваться в сознании участников ритуала «народными» смыслами обусловлена тем, что в рамках свадебной ритуальности христианские и языческие обряды входят друг с другом в органический «диалог» как элементы единой культурной системы.

*Ключевые слова:* ритуал, свадьба, культурная система, семиотическое пространство, православное венчание, народные традиции

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-36-43

*Введение.* Сегодня совершенно очевидно, что без изучения традиционных религиозных ритуалов в рамках современной культуры невозможно адекватно представить, почему некоторые традиционные аспекты культуры не утрачивают своей востребованности и на современном этапе социокультурного развития в силу их соотнесённости с базовым слоем национального мировоззрения. В этой связи большое значение имеет исследование феномена религиозного свадебного ритуала в современном секулярном культурном контексте с целью выявления специфики его функционирования, связанной со сложным взаимодействием религиозных и внерелигиозных культурных компонентов.

*История вопроса.* Рассматривая

трансформации свадебной ритуальности под давлением и влиянием различных социокультурных факторов и опираясь на трёхчастную модель ритуала перехода, предложенную А. ван Геннепом [см. 2], отметим, что универсальный паттерн (сепарация – лиминальная фаза – инкорпорация) следует понимать не как жёсткую структуру, а, скорее, как процессуальное развёртывание ритуальной целостности.

*Методы исследования.* Продуктивной для настоящего исследования представляется и концепция ритуала, предложенная В. Тэрнером [см. подробнее 17]. Концептуальным моментом тэрнеровской методологии исследования ритуала является его установка на изучение вопроса, как дискретные ритуальные символы

инкорпорируются в целое ритуала, которое, в свою очередь, вписывается в широкий социальный контекст. Мы опираемся на убеждение Тэрнера, что ритуальные символы не являются статичными фактами, а представляют собой динамичные социокультурные системы, аккумулирующие и изменяющие символический смысл.

Рассматривая феномен ритуала как культурную систему, мы во многом исходим из семиотического понимания самой культуры как системы, ориентированной на порождение и сохранение смыслов. В этой связи особое теоретико-методологическое значение для нас представляет исследование американского антрополога и социолога К. Гирца «Интерпретация культур» (The Interpretation of Cultures, 1973) [3]. Ключевым понятием этого труда является понятие «культурная система». В отличие от предложенного Б. Малиновским функционального подхода к культуре в целом и к ритуалу в частности, К. Гирц трактует культуру не функционально как адаптационный механизм, обеспечивающий удовлетворение потребностей человека, а семиотически – как «сеть смыслов».

Согласно подходу К. Гирца, культура, будучи семиотической динамичной многокомпонентной системой, включает в себя целый ряд подсистем (религию, политику, науку, искусство, идеологию и т. д.). Таким образом, ритуальные практики и религия представляют собой подсистемы, включённые в систему «культура». В контексте этого подхода ритуалы рассматриваются как входящие в более крупную систему культуры, поэтому нецелесообразным представляется их изолированное исследование, исключающее обращение к неритуальным практикам. Исследование ритуала должно проводиться с учётом специфики целостной культурной системы на определённом этапе её исторического развития.

К. Гирц связывает ритуал не просто со структурированием социального пространства, но в целом с концептуализацией внешней реальности. Символические системы, к которым относится и феномен ритуала, предоставляют людям интерпретативные фреймы, служащие для структурирования своей собственной идентичности, взаимоотношений как с другими индивидами, так и в целом с окружающим миром. Будучи культурной системой, ритуал, по мысли К. Гирца, обладает определённой двойственностью. Он не только является отражающей моделью «чего-то» (model of), но и задаёт

порождающую модель «для чего-то» (model for).

*Результаты исследования.* Связанный со всеми ключевыми аспектами культуры, ритуал как система обладает таким важным системным свойством, как целостность, которая предполагает, что изменение любого элемента неизбежно приведёт к изменению всей системы в целом. Таким образом, наличие некоей идеальной инвариантной модели ритуала не отменяет его динамического характера.

В качестве ритуала перехода свадебный ритуал предстает способом конструирования социальных перемещений и обретения нового социального статуса, помогая индивиду войти в новую социальную группу, а также связывая между собой несколько групп. Свадебный ритуальный комплекс имеет символическое значение, так как он легализует взаимоотношения мужчины и женщины, снимая социально-физиологические табу. Идентичность обвенчанных также трансформируется в процессе ритуала, из него они выходят как полноправные взрослые люди.

В традиционалистских культурах свадебный ритуал воспринимался как сакральное действие, в процессе которого осуществляется слияние мужчины и женщины на высшем уровне. В пространстве мифологического сознания свадебный ритуал актуализирует архетип сакрального брака – иерогамии, а участники архаичного брачного ритуала воплощают образы божественных иерогамических участников (Первожениха и Первоневесты). Результатами этого ритуала должны были стать рождение детей, богатый урожай, приплод скота. Но, конечно, упрощать структуру свадебного ритуала и сводить его к обрядам фертильности и плодородия даже в пространстве примитивных культур не стоит.

В русской истории заключение брачных уз совершалось различными способами. В каждом регионе в разных сословиях складывались свои обычаи и ритуалы, которые изначально опирались на мифологические языческие представления. Со времени Крещения в этот обряд всё больше стали внедряться церковные ритуалы. Но даже когда церковное венчание стало обязательным для признания законности брака, это не упразднило «культурную память» и народные традиции. Более того, Л.В. Тимофеева отмечает, что «с точки зрения самих крестьян и горожан брак не считался законным, если церковное венчание не было подкреплено

традиционной свадебной ритуальностью» [14, с. 9]. Поэтому отечественный свадебный ритуал вобрал в себя два идеологически и мировоззренчески разнонаправленных плана: официальный – церковное венчание и неофициальный – народную свадьбу с её древними языческими обычаями. Например, описывая средневожский свадебный обряд, Н.В. Зорин сделал вывод, что «в рамках народной культуры патриархальной семьи основу свадебного ритуала продолжали определять языческие культы, а роль православной религии была весьма незначительной» [7, с. 151]. К нему присоединяется Л.А. Тульцева, которая пишет, что «среди крестьян достаточно поздно оформившийся ритуал венчания по ценностному статусу был ниже древней народной свадьбы» [16, с. 40-41].

А исследователь православного чина венчания М.С. Желтов утверждает, что в XI–XIII вв. на Руси для простого народа обряд венчания даже не был обязательным, в отличие от княжеских и боярских семей [6]. В XVI–XVIII вв., когда всё ещё продолжалась борьба с языческими традициями, «простолюдины сплошь и рядом женились без церковного благословения. Церковный обряд бракосочетания часто заменялся древним языческим обрядом хождения жениха и невесты: “Без венчанья, без попа, / Вкруг зелёного куста”» [17, с. 106]. Тем не менее А.С. Лавров убеждён, что в целом к XVII в. церковь смогла «добиться христианизации важнейших “переходных обрядов” (rites de passage), если следовать терминологии А. ван Геннепа» [8, с. 149].

Большинство исследователей считают саму постановку вопроса о ценностном приоритете церковного венчания или народной свадьбы не совсем правомерной, так как свадебный ритуальный комплекс сложился как чрезвычайно сложное и протяжённое во времени действие, которое органично вобрало в себя и официальную (церковную), и неофициальную (народную) обрядовость. Т.А. Листова, анализируя русскую народную свадьбу, наглядно показала, как в народном свадебном ритуале «не только ярко проступала его языческая основа, но одновременно проявлялось христианское мировоззрение его создателей и исполнителей» [9, с. 93-94]. А А.С. Лавров пишет, что в XVIII в. «церковное венчание и народная свадьба представлялись для большинства участников не двумя разграниченными обрядами, а частью одного и того

же обряда, что полностью снимало всякие вопросы об их иерархии» [8, с. 156]. В качестве доказательства смешения народных и церковных компонентов свадебной ритуальности Лавров приводит пример из практики, принятой в Белгородской епархии, где восседающий на коне и облачённый в епитрахиль священник с крестом ехал впереди свадебного поезда [8, с. 157]. Исследователь замечает, что официальная церковь подобного смешивания, конечно, не одобряла. Так, митрополит Белгородский Авраамий предписывал священнослужителям «или участвовать в свадебном поезде пешком, или ездить, но без креста и епитрахили, так сказать, в качестве частного лица» [8, с. 157]. Особо митрополит предписывал совершать ритуал венчания только в храме, но не дома.

Стремление церковного начальства противостоять тенденции соединения церковного венчания и народной свадьбы в один ритуальный комплекс понятно. Но на практике в народной среде сделать это было практически невозможно. Например, Т.С. Макашина, анализируя описания великокняжеских и царских свадеб, отмечает, что ещё во второй половине XVI – начале XVII в. даже на свадьбах знати высокого уровня народный обряд всё ещё оставался распространённой нормой и продолжал включать «множество разнохарактерных и разновременных элементов» [11]. Несмотря на усиление церковных компонентов, они продолжали соседствовать с дохристианским ритуальным комплексом. В описаниях царских свадеб XIV–XV вв. постоянно встречаются указания на соблюдение старой традиции – «как истори уряжено», «как прежде велось» [12, с. 218]. В этих летописных записях отчетливо видно стремление русских государей при заключении брака строго соблюдать древний свадебный чин, которому следовали их предки. Позже, как показывает Т.С. Макашина, ссылаясь на дошедшее до нас описание первой (1625 г.) и второй (1626 г.) свадеб Михаила Романова, жених уже не разбивает после испития вина общую стеклянную чашу, что свидетельствует об ослаблении языческой традиции. Об усилении церковного влияния в XVII в. говорят и такие факты: перед ритуальным расчёсыванием волос невесты читается специальная молитва, а жениха и невесту во время венчания стали окроплять святой водой.

В.А. Ерёмина описывает усилия, которые во второй половине XVII в. предпринимала церковь к активному введению церковного брака и повышению его значения по сравнению с народными свадебными обрядами [См. 4]. Тогда различия в праздновании свадеб разными сословиями имели ярко выраженный характер. В прежние времена свадьбы знати и простых людей отличались в большей степени пышностью, но не обрядовой стороной. Начиная с XVII в. сословная принадлежность определяет и ритуальную сторону свадебной ритуальности. Например, из княжеской свадьбы уходят многие народные обычаи и свадебные практики. В качестве доказательства этой тенденции Макашина приводит выдержки из указа великого князя Алексея Михайловича 1649 г., в котором осуждаются смущающие православных христиан скоморошьи песни и иные «бесовские игры» на свадьбе: «Да в городах же и у уездных людей у многих бывают на свадьбах всякие безчинники и сквернословцы и скоморохи, со всякими бесовскими играми, и уклоняются православные христиане к бесовским прелестям и ко пьянству, а отцов духовных и по приходам попов и учительных людей наказания не слушают» [11]. Во второй половине XVII в. народные обрядовые действия и в церковных документах определяются в негативном ключе как «бесовское действие», «от диавола научени суще», про которое «странно не токмо рещи, но и помыслити» [1]. В результате усилий православной церкви к концу XVII в. из свадебной ритуальности высших слоёв общества народные свадебные обряды практически исключаются, всё же оставаясь обязательным элементом свадебной культуры простонародья.

Однако вековые традиции не могут исчезнуть совсем, и со временем многие элементы свадебной обрядовости вновь появляются в жизни российской знати. Ю.М. Лотман, например, отмечает, что уже в начале XIX в. на волне интереса к фольклору и народности, характерной для эпохи романтизма, в среде русских дворян проявляется тенденция «вновь сблизиться с ритуальными народными обычаями» [10, с. 279]. Свадебный ритуал, типичный для русского дворянства XIX в., совмещал в себе элементы народной обрядности, церковных норм и дворянского быта. Ю.М. Лотман вспоминает эпизод из жизни А.С. Пушкина, попросившего цыганку спеть на «мальчишнике» перед своей свадьбой. Её песня показалась ему дурным знаком,

сулящим беду («Она мне не радость, а большую потерю предвещает») [10, с. 279].

Кроме того, в XIX в. с ростом городов усилились различия между городской и деревенской свадебной ритуальностью. В городе вместе с усвоением крестьянских свадебных традиций и адаптацией их к условиям быта горожан формировались и новые «городские» обычаи. Не смотря на огромное разнообразие свадебных обрядов горожан, некоторые были характерные для всех социально-сословных групп города, их можно рассматривать как общегородские. Например, традиционное чаепитие, которым начинались такие элементы свадебной ритуальности, как сватовство, смотрины, сговор, само свадебное застолье. Городские жених и невеста должны были ехать в церковь порознь, а возвращаться в дом жениха обязательно в общем свадебном поезде. Эти и многие другие ритуалы, ставшие устойчивыми элементами свадебной обрядовости, были призваны поддерживать базовые представления о сущности и ценности брака, сохранять народные традиции, их символику, не смотря на утрату первоначальной семантики.

Таким образом, на протяжении столетий ритуальное семиотическое пространство русской свадьбы складывалось при сложном динамичном взаимодействии церковной и народной обрядовости. Не все исследователи, однако, считают, что их взаимодействие носило гармоничный характер. И сами участники не воспринимали церковный обряд венчания и народную свадьбу как две механически соединённые части. Л.В. Тимофеева, например, считает, что «до самого начала XX столетия в свадебном обряде русских ещё прослеживались две резко различные части: церковный обряд “венчания” и собственно свадьба, “веселье” – семейный обряд, уходящий своими корнями в далёкое прошлое. Обе эти части обряда долгое время находились между собой в серьёзном противоречии» [14, с. 15].

Решению этой проблемы может помочь рассмотрение ритуала как культурной системы. На разных исторических этапах разные составляющие ритуала как системы по-разному соотносятся между собой, образуя трансформирующиеся системные связи. Поскольку изменение одного элемента системы обязательно ведёт к изменению системы в целом, выскажем предположение о трансформации всего ритуального свадебного комплекса при включении в него

церковного венчания, а церковный ритуал в свою очередь претерпевает изменения под влиянием народной традиции.

Подтверждением идеи о том, что в рамках свадебной ритуальности христианские и языческие обряды входят друг с другом в органический синтез как элементы единой культурной системы, являются семантические переключки, возникающие между ними. Так, например, троекратное хождение вокруг аналоя во время венчания соответствовало трёхразовому хождению вокруг куста или дерева в языческой свадебной обрядовости. А свадебные причитания явно перекликаются с жертвенной мученической семантикой некоторых венчальных эпизодов. Ведь неслучайно во время хождения вокруг аналоя поётся тропарь мученикам: «Святити мученицы, добре страдалчествовавшии, и венчавшиися, молитесь ко Господу, помилуютися душам нашим» [15]. А такие языческие ритуальные действия, как, например, смотрение жениха и невесты в одно зеркало, связывание жениха и невесты одним поясом по своему символическому значению очень сходны с христианской метафорой «единой плоти» и связанными с ней венчальными знаками этого единения – соединение рук жениха и невесты епитрахилью и прикладывание к общей чаше.

Описывая различные варианты процесса сращивания церковного венчания с народными свадебными обрядами в единый ритуальный комплекс, Е.В. Ермакова приходит к выводу, что в разных социальных группах и в разные исторические периоды соотношение их варьировалось, в результате чего свадебная церемония усложнялась, сохраняя при этом свою целостность [См.: 5]. В контексте этих замечаний исследовательницы подчеркнём, что целостность является значимым признаком системы, и в частности культурной, разновидность которой и представляет собой свадебный ритуал.

Влияние социокультурного контекста на семиотическое пространство церковного ритуала прослеживается и в той лёгкости, с которой символы православного ритуала венчания приобретают в сознании даже воцерковлённых людей новые смыслы, связанные с различными приметами и суевериями. Эти народные «толкования» активно осуждаются и критикуются официальной Церковью, так как внутри самой религиозной системы ритуал мыслится как

вневременная универсальная структура, существующая вне всякой зависимости от культурного контекста и не подверженная каким-либо трансформациям в силу постоянства раскрываемых в нём сакральных догматов. Однако и в наши дни существует целый круг венчальных примет, которые наделяются дополнительной мистической семантикой, несмотря на все усилия Церкви объявить эти «дополнительные» интерпретации вредоносными и не имеющими никакого отношения к истинному неизменному смыслу ритуала церковного венчания.

В качестве примера сюда следует отнести практику наделения предметов, задействованных в совершении Таинства Брака, особой силой, способной повлиять на судьбу новобрачных. До сих пор существует поверье, что после венчания следует хранить венчальное платье невесты, которому приписывается исцеляющая и оберегающая сила. В старину подвенечное платье «использовали для лечения и оказания помощи при нервно-психических заболеваниях: набрасывали на больного родимчиком и эпилепсией» [13, с. 24]. Проанализировав информацию веб-форумов на ряде православных сайтов (<http://orthodoxy.cafe>; <https://foma.ru>; <http://semyaivera.ru> и др.), на которых обсуждаются в том числе проблемы, связанные с ритуалом венчания, мы обнаружили множество вопросов, связанных именно с вышеуказанным поверьем. Показательны, на наш взгляд, следующие вопросы форумчан, адресованные священнику: «Можно ли венчальным платьем укрывать больного ребёнка?», «Можно ли стирать подвенечное платье?», «Можно ли продавать свадебное платье?», «Может быть, сжечь подвенечное платье?», «Можно ли видеть жениху невесту в подвенечном платье до венчания?», «Стоит ли хоронить незамужних и умерших вскоре после свадьбы девушек в подвенечных платьях?». Возникает много вопросов и о том, что делать с белым рушником и свечами, которые используются в процессе венчания. Ответы священнослужителей в большинстве своём сводятся к утверждению, что никакой мистической связи между этими вещами и совершённым над супругами Таинством Венчания не существует.

Однако многие священники советуют зажигать венчальные свечи во время молитвы, когда семья переживает какие-либо трудные

обстоятельства. Правда, при этом они оговариваются, что никакой мистической силой эти свечи сами по себе не обладают и служат лишь напоминанием супругам о том, что в результате совершенного Таинства Брака их брачный союз освящён, а они являются «единой плотью».

Самое большое число суеверий, возникающих вокруг ритуала венчания, связано именно с венчальными свечами и кольцами. Всем известна растиражированная литературой и кино дурные приметы – упавшее во время венчания кольцо, погасшая свеча – всё это относится к числу недобрых знаков. Сломанная после венчания свеча и вовсе предвещает смерть. До сих пор, как и в старину, считается, что супруг, который во время венчания держал свечу выше, будет в семье главным. Жених и невеста стараются венчальные свечи задувать одновременно, чтобы жить вместе и умереть в один день.

Эта способность символических действий и атрибутов ритуалов церковного обручения и венчания приращиваться в сознании участников ритуала с «народными», не связанными с официальным учением Церкви смыслами обусловлена тем, что в рамках свадебной ритуальности христианские и языческие обряды входят друг с другом в органический «диалог» как элементы единой культурной системы. Приращение семиотического пространства ритуала, актуализация заложенных в нём сакральных смыслов осуществляются именно в процессе его совершения, который не может быть изолирован от «обрамляющих» его контекстов.

*Выводы.* Таким образом, будучи коммуникативным социально значимым событием, традиционный религиозный свадебный ритуал неизбежно связан с процессами вторичной семантизации, протекающими в рамках определённых социокультурных ситуаций.

1. «А се грехи злые, смертные...»: любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) / сост. и отв. ред.: Н.Л. Пушкарёва. М.: «Ладомир», 1999. – 863 с.
2. Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.
3. Гирц, К. Интерпретация культур: [пер. с англ.] / Клиффорд Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 557 с.
4. Ерёмкина, В. И. Ритуал и фольклор / Академия наук СССР, Ин-т рус. лит (Пушкинский Дом); отв. ред. А.А. Горелов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. – 207 с.
5. Ермакова, Н. В. К вопросу изучения курской свадьбы: традиции и новации [Электронный ресурс] // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2006. – № 11. – С. 89–97. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-izucheniya-kurskoj-svadby-traditsii-i-novatsii> (дата обращения: 25.01.2019).
6. Желтов М.С. Брак и Евхаристия: история православного чина венчания [Электронный ресурс]. – URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Mihail\\_Zheltoy/brak-i-evharistija-istorija-pravoslavnogo-china-venchaniya/](https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Zheltoy/brak-i-evharistija-istorija-pravoslavnogo-china-venchaniya/) (дата обращения: 20.11.2022).
7. Зорин, Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье / Н. В. Зорин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. – 200 с.
8. Лавров, А. С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. – М.: «Древлехранилище», 2000. – 577 с.
9. Листова, Т. А. Православные традиции русской народной свадьбы // Православие и русская народная культура: в 2 кн. / ред.: Ю. Симченко, В. Тишков; Координац.-метод. центр приклад. этнографии Ин-та этнологии и антропологии РАН. – М., 1993. Кн. 2. – С. 93–94.
10. Лотман, Ю. М. Гл. III. Человек и общество XVIII – начала XIX столетия // Из истории русской культуры / ред. Т.Д. Кузовкина, В.И. Гехтман. Т. IV (XVIII – начало XIX в.): в 2 ч. Ч. 1: Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX в. М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 832 с.
11. Макашина, Т. С. Свадебный обряд [Электронный ресурс] // Русские: Для совершеннолетних, общего характера / отв. ред.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1999. – С. 467. (Серия «Народы и культуры»). – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/rus/sian/> (дата обращения: 24.01.2019).
12. Русские: монография / В. А. Александров, В. А. Тишков, И. В. Власова и др.; отв. редакторы: В. А. Александров и др. – М.: Наука, 2003. – 827 с.
13. Одежда русских в коллекциях Новосибирского государственного краеведческого музея / отв. ред.: Н. А. Томилов, Д. Г. Коровушкин. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 191 с.
14. Тимофеева, Л. В. Традиции и новации в русском свадебном обряде: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Мос. гуманитар. ун-т. – М., 2004. – 20 с.
15. Требник гражданским шрифтом. Глава 10. Послѣдование венчания [Электронный ресурс]. – URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe\\_Bogosluzhenie/trebnyk-grazhdanskim-shriftom/10](https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/trebnyk-grazhdanskim-shriftom/10) (дата обращения: 24.01.2019).
16. Тульцева, Л. А. Традиционные верования, праздники и обряды русских крестьян / Л.А. Тульцева. – М.: Знание, 1990. – 63 с.

17. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М.: Наука, 1983. – 277 с.  
18. Шашков, С. С. История русской женщины / [соч.] С. С. Шашкова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1879. – 352 с.

## **THE SEMIOTIC SPACE OF WEDDING RITUALS: RELIGIOUS CANON AND SOCIO-CULTURAL CONTEXT**

© 2023 M.V. Bogdanova, I.L. Sirotina  
*Mirra V. Bogdanova, Postgraduate student  
of the Department of Design and Advertising  
E-mail: mirrabogdanova@gmail.com*

*Irina L. Sirotina, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Design and Advertising,  
<https://orcid.org/0000-0003-4498-5529>  
E-mail: sirotinail@mail.ru  
Ogarev Mordovia State University  
Saransk, Russia*

Relevance of the study: today it is extremely important to study the genesis and key characteristics of the wedding ritual, which determined the ability of it to function as a way of constructing social movements and acquiring a new social status. Considering the phenomenon of ritual as a cultural system, the authors largely proceed from the semiotic understanding of culture itself as a system focused on the generation and preservation of meanings. In this regard, the theoretical and methodological basis of the study is the concept of the American anthropologist and sociologist K. Girtz. The works of foreign (A. van Gennep, B. Malinovsky, V. Turner, etc.) and domestic (N.V. Ermakova, N.V. Zorin, Yu.M. Lotman, L.V. Timofeeva and others) researchers. The authors come to the conclusion that the wedding ritual is a complex semiotic complex, the constitutive moment of which is the fixation of the religious-symbolic, social, psychological transition that the bride and groom make. Entering the sphere of human existence, the wedding ritual integrates various contexts in its symbolic field: religious, cultural, social. Being a communicative socially significant event, the traditional religious wedding ritual is inevitably associated with the processes of secondary semantization occurring within certain sociocultural situations.

*Keywords:* ritual, wedding, cultural system, semiotic space, Orthodox wedding, folk traditions

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-36-43

1. «A se grekhi zlyye, smertnyye...»: lyubov', erotika i seksual'naya etika v doindustrial'noy Rossii (X – pervaya polovina XIX v.) (“And these sins are evil, mortal...”: love, erotica and sexual ethics in pre-industrial Russia (X - first half of the XIX century) / sost. i otv. red.: N.L. Pushkarova. M.: «Ladimir», 1999. – 863 s.
2. Gennep, A. van. Obryady perekhoda. Sistematicheskoye izucheniye obryadov (Rites of passage. Systematic study of rituals) / Per. s frants. – M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1999. – 198 s.
3. Girts, K. Interpretatsiya kul'tur (Interpretation of cultures): [per. s angl.] / Klifford Girts. – M.: ROSSPEN, 2004. – 557 s.
4. Yeromina, V. I. Ritual i fol'klor (Ritual and folklore) / Akademiya nauk SSSR, In-t rus. lit (Pushkinskiy Dom); otv. red. A.A. Gore-lov. L.: Nauka. Leningr. otd-niye, 1991. – 207 s.
5. Yermakova, N. V. K voprosu izucheniya kurskoy svad'by: traditsii i novatsii (On the issue of studying the Kursk wedding: traditions and innovations) [Elektronnyy resurs] // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. – 2006. – № 11. – S. 89–97. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-izucheniya-kurskoy-svadby-traditsii-i-novatsii> (data obrashcheniya: 25.01.2019).
6. Zheltov M.S. Brak i Yevkharistiya: istoriya pravoslavnogo china venchaniya (Marriage and the Eucharist: the history of the Orthodox wedding ceremony) [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostu-pa URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Mihail\\_Zheltov/brak-i-evkharistija-istorija-pravoslavnogo-china-venchaniya/](https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Zheltov/brak-i-evkharistija-istorija-pravoslavnogo-china-venchaniya/) (da-ta obrashcheniya: 20.11.2022).
7. Zorin, N. V. Russkaya svad'ba v Srednem Povolzh'ye (Russian wedding in the Middle Volga region) / N.V. Zorin. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1981. – 200 s.
8. Lavrov, A. S. Koldovstvo i religiya v Rossii: 1700–1740 gg. (Witchcraft and religion in Russia: 1700–1740). – M.: «Drevlekhranilishche», 2000. – 577 s.

9. Listova, T. A. Pravoslavnyye traditsii russkoy narodnoy svad'by (Orthodox traditions of the Russian folk wedding) // Pravoslaviye i russkaya narodnaya kul'tura: v 2 kn. / red.: YU. Simchenko, V. Tishkov; Koordinats.-metod. tsentr priklad. etnografii In-ta etnologii i an-tropologii RAN. – M., 1993. Kn. 2. – S. 93–94.
10. Lotman, YU. M. Gl. III. Chelovek i obshchestvo XVIII – nachala XIX stoletiya (Man and Society of the 18th - early 19th centuries) // Iz istorii russkoy kul'tury / red. T.D. Kuzovkina, V.I. Gekhtman. T. IV (XVIII – nachalo XIX v.): v 2 ch. CH. 1: Ocherki po istorii russkoy kul'tury XVIII – nachala XIX v. M.: YAz. rus. kul'tury, 1996. – 832 s.
11. Makashina, T. S. Svadebnyy obryad (Wedding ceremony). [Elektronnyy resurs] // Russkiye: Dlya sovershennoletnikh, obshchego kharaktera / otv. red.: V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polishchuk; Ros. akad. nauk, In-t etnologii i an-tropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya. – M.: Nauka, 1999. – S. 467. (Seriya «Narody i kul'tury»). – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/rus/sian/> (data obrashcheniya: 24.01.2019).
12. Russkiye: monografiya (Russians: monograph) / V. A. Aleksandrov, V. A. Tishkov, I. V. Vlasova i dr. ; otv. redaktory: V. A. Aleksandrov i dr. – M.: Nauka, 2003. – 827 s.
13. Odezhda russkikh v kollektsiyakh Novosibirskogo gosudarstvennogo krayevedcheskogo muzeya (Russian clothes in the collections of the Novosibirsk State Museum of Local Lore) / otv. red.: N. A. Tomi-lov, D. G. Korovushkin. – Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2002. – 191 s.
14. Timofeyeva, L. V. Traditsii i novatsii v russskom svadebnom obryade (Traditions and innovations in the Russian wedding ceremony): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 24.00.01 / Mos. gumanitar. un-t. – M., 2004. – 20 s.
15. Trebnik grazhdanskim shriftom. Glava 10. Poslédovaniye venchániya (Treasury in civil type. Chapter 10. The aftermath of the wedding). [Elektronnyy resurs]. – URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe\\_Bogosluzhenie/trebnik-grazhdanskim-shriftom/10](https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/trebnik-grazhdanskim-shriftom/10) (data obrashcheniya: 24.01.2019).
16. Tul'tseva, L. A. Traditsionnyye verovaniya, prazdniki i obryady russkikh krest'yan (Traditional beliefs, holidays and rituals of Russian peasants) / L. A. Tul'tseva. – M.: Znaniye, 1990. – 63 s.
17. Terner, V. Simvol i ritual (Symbol and ritual) / V. Terner. – M.: Nauka, 1983. – 277 s.
18. Shashkov, S. S. Istoriya russkoy zhenshchiny (The history of the Russian woman) / [soch.] S. S. Shashkova. – 2-ye izd., ispr. i dop. – SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1879. – 352 s.

УДК 792.01:792.071 (Теория и эстетика театра / Работники сцены. Актеры)

## **ВООБРАЖЕНИЕ КАК «ЭКРАН ВНУТРЕННЕГО ВИДЕНИЯ» В ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ АКТЁРА НАД РОЛЬЮ**

© 2023 А. Вученович

*Амела Вученович, доцент кафедры*

*«Режиссура и актёрское мастерство театра кукол»*

*E-mail: skaskamela@mail.ru*

Российский государственный институт сценических искусств

Санкт Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 18.01.2023

Актуальность данного исследования вызвана тем, что понятие воображения, о которой много говорится в психологии, остается неполным вне театрального дискурса, актерско-режиссерского осмысления данной категории. Воображение не спонтанный, автоматически развивающийся процесс, а углублённый, основанный прежде всего на интеллектуальных возможностях актёра через проявление его аналитических способностей, которые напрямую связаны со степенью развития его воображения, что и определяет профессиональное качество актёра. Исследуется алгоритм работы воображения, поэтапного его развития. Приводятся примеры из педагогического опыта автора статьи по активизации воображения студентов – тренинги и задания, развивающие образное мышление и, как следствие, актерское мастерство. Неотъемлемой частью обучения являются задания на память физических действий, где предмет воображаемый, а действия с ним – реальные. Затрагиваются проблемы взаимодействия актера и зрителя в спектаклях театра кукол: роль управления воображением в театральной деятельности. Отсутствие воображения или необдуманый уход в сторону от него приводят к отрицательному результату: вместо «сотворчества», погружения в созданную актёром картину в зрителе пробуждаются отталкивающие его чувства. Воображение имеет особую роль в театре как «трехмерном искусстве».

*Ключевые слова:* театр кукол, воображение, экран внутреннего видения, агглютинация, мастерская Н.П. Наумова РГИСИ

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-44-51

*Введение.* Как известно, актеру при создании роли необходимы не только профессиональные знания, но и то, на чем основывается его талант – воображение. Театральное искусство, в силу своей синкретичности, отличается «трехмерностью», о которой уже писали многие деятели театра. И в этом трёхмерном мире важнейшую роль играет «воображение», без которого не было бы искусства, в частности театра, а значит - ни актёра, ни зрителя. Об этом очень подробно говорится и в своего рода театральной Библии – в трудах великого К.С. Станиславского. Цель статьи – в определении потенциала игры воображения в рамках театральной деятельности, раскрытия его нюансов и методов его активизации. В чём же суть?

*История вопроса.* По утверждению психолога А. Маклакова, «воображение оперирует образами,

поэтому плохо дружит с логикой, а часто вообще не управляется логическим мышлением. Это позволяет сделать вывод о древности воображения как формы психической деятельности человека, а возможно, оно и является тем самым первым отвлеченным мыслительным процессом, который стал доступен нашим далеким предкам» [4]. Слушая музыку, мы можем представлять себе некую картину, то есть переводим звук в визуальность. Неслучайно в садах и школах детям дают задание «нарисовать музыку». Позже в творческих, театральных школах такое занятие может несколько измениться, и теперь задание будет - превратить музыку в пластический номер. Теперь тело «рисует» то, что уши слышат. Кроме того, этот процесс может идти от визуального к звуко-визуальному. На факультете театра кукол в Российском

государственном институте сценических искусств (РГИСИ) профессор, заведующий кафедрой режиссуры и актёрского мастерства театра кукол Николай Петрович Наумов уже многие годы даёт задание студентам режиссёрских курсов сделать

театральную кукольную миниатюру, опираясь на картины Марка Шагала. Из каждой работы получается настоящее «сценическое чудо». «Неживая картина» начинает «говорить, петь, танцевать» (рис. 1).

**Рис. 1.** Актёр Роман Сухоруко в учебной работе режиссёра Дениса Андропова на тему картины «Невеста» М. Шагала (1950). Курс переподготовки режиссёров театра кукол, мастерская Н.П. Наумова РГИСИ, 2023 г. (Actor Roman Sukhoruko in training director Denis Andronov on the theme of the painting "The Bride" by M. Chagall (1950). Retraining course for puppet theater directors, workshop of N.P. Naumov RGISI, 2023)



*Методы исследования:* сравнительный анализ, структурированное наблюдение, педагогический эксперимент с элементами интуитивного моделирования, анкетирование.

*Результаты исследования.* Выразительные средства театра кукол позволяют перенести всё фантастическое, созданное художником, в пространство, объединив в театральном пространстве картину, музыку (звук) и речь в единое целое. Этого бы не случилось без активизации воображения.

По словам К.С. Станиславского, «воображение важнее знания, ибо знание ограничено, воображение же охватывает все на свете, стимулирует прогресс и является источником его эволюции. Строго говоря, воображение — это реальный фактор в научном исследовании» [2]. Творческая личность — это личность способная творить, а творить можно, только опираясь на воображение.

Оно не подразумевается только «Божьим даром». Его необходимо поймать, понять, поступательно развивать и до конца жизни поддерживать его витальность. Воображение, словно орган от витального значения, для творческой личности. Принято различать четыре типа представлений воображения:

- 1) образы людей или предметов окружающего мира;
- 2) исторические образы с предполагаемыми ситуациями и особенностями определённой эпохи;
- 3) сказочные образы, прототипами которых послужили реальные люди, помещению их в предполагаемую ситуацию какой-либо эпохи;
- 4) фантастические образы будущего, взятые из быта, к которым добавляются необычные или нелогичные элементы, отличающие их от реальности.

Последняя, четвёртая группа образов, представляемых воображением, переходит в новое качество, точнее, уходит в мечту или фантазию.

В процессе создания актёром роли все перечисленные группы воображения имеют большое значение. Пользуясь воображением, актёр переносит его на зрителя, в котором предполагает пробудить своё собственное. На этом и основана тяга человека к искусству. Далее следуют все остальные задачи театра: учебная, дидактическая роль – вплоть до главной – катарсиса.

Незаменимая часть этого процесса – **наблюдение**, т.е. способ детального рассмотрения определённого объекта и проведение анализа по нескольким параметрам во времени и пространстве. Видеть всё до мелочей может далеко не каждый человек. Такой процесс называется типизацией, после чего следует акцентирование рассматриваемого объекта.

В процессе наблюдения и накапливания информации актёр сначала бессознательно, а затем и сознательно работает над **типизацией** персонажей, разделяющихся на определённые типы по внешнему виду, профессии, социальному положению, культуре, национальности и т.д. Свой **типаж** актёр формирует благодаря опыту, который у него есть, а также общему и специальному образованию и способности погрузиться в определённый материал. На протяжении всего этого пути актёр должен соблюдать правила, заданные автором и режиссёром. По окончании типизации как более широкого, общего этапа наступает следующий, более детальный и конкретный этап – **акцентирование**. После типизации перед актёром формируется общая и довольно размытая картина, которая должна пройти процесс обработки на пути формирования конкретного образа. Тогда актёр постоянно возвращается к автору и, изучая особенности персонажа, заданные автором, начинает отличать и отделять главные от второстепенных черт личности в предлагаемых обстоятельствах. Таким способом актёр **персонализирует** «объект» и получает выразительную **индивидуальность** роли, которую играет. Чем чётче проработана **индивидуализация** заданного персонажа, тем лучше актёр сыграет роль, тем благодарнее будет восприятие его зрителями.

Воображение — это не спонтанный, автоматически развивающийся процесс, а углублённый, основанный прежде всего на интеллектуальных возможностях актёра через проявление его **аналитических способностей**, которые напрямую связаны со степенью развития его воображения, что и определяет профессиональное качество актёра. На занятиях по актёрскому мастерству для актёров и режиссёров театра кукол мы занимаемся определёнными тренингами, и неотъемлемая часть обучения – память физических действий (ПФД), где предмет воображаемый, а действия с ним – реальные.

Приведем небольшой пример, как тонко проявляется воображение в работе по улучшению и развитию наблюдения и аналитического мышления.

Первое упражнение называется «Круг» и относится к упражнениям без предметов. «Исходное положение: студенты встают, образуя круг. Первый студент произносит одно слово, второй его повторяет и к нему добавляет свое. Слова не должны быть связаны по смыслу. Если кто-то не сможет вспомнить все слова, говорит «далее» и выходит из круга. И так – пока не останется один участник.

Все студенты выполняют задание по-своему. Одна студентка запоминала текст, создавая в своей голове (на «экране внутреннего видения») *«геометрические фигуры»*. Она мысленно проводила линии от какого-либо предмета на сценической площадке, где студенты находились, сопоставляя его с услышанным словом, до следующего предмета, связав его с новым словом. Пример: «потолок» — воображаемая точка наверху, которую потом опускала вниз до «пола» (...)» [3, с. 93]. Выделим здесь термин **«экран внутреннего видения»**, очень чётко объясняющий суть воображения.

Воображение можно разделить на две категории:

- 1) активное или произвольное и пассивное или непроизвольное;
- 2) продуктивное или творческое – репродуктивное или воссоздающее.

**Активное воображение** — это обстоятельства, которые мы придумываем для себя, чтобы

совершить какое-то действие. Пример: близкий человек ушёл из жизни, а в нас сильна потребность с ним общаться. Тогда мы, благодаря способу воображать, представляем его перед собой и с ним разговариваем. Мы в этом случае очень сильно верим в то, что он нас услышит. Похожее случается во время молитвы. В театре, погружаясь в процесс сценического действия, актёр-кукольник воспринимает куклу, изображающую игрового персонажа, вполне живым существом. Это результат нашего, творческого воображения, которое переносится на зрителя. Благодаря своему воображению, возникающему в течение спектакля, зритель начинает верить в то, что кукла действительно может свершать такие действия, как говорить, ходить, садиться, бегать, летать. Произошло «чудо» – оживление куклы. Дальнейшее проявление этого чуда – вступление зрителя (не только маленького) в диалог с персонажами спектакля. Всё это результат работы воображения.

Среди различных видов и форм произвольного воображения принято выделять три вида:

1. Воссоздающее воображение (когда воображаемая картина соответствует в большой степени реальности)
2. Творческое воображение (то же самое, но дополненное оригинальной авторской печатью).

3. Мечта — т.е. картина, которая формируется на основании информации, полученной из реальности, на основе прошлого опыта, однако направленная в будущее.

Основные отличия воображения и мечты (фантазии) в том, что первое связано с памятью о прошлом, а второе направлено на желаемое будущее. Мечта является вершиной воображения и так же, как и воображение, является неотъемлемой частью творческого процесса.

В данной статье особое внимание будет уделено именно творческому воображению.

В отличие от активного, **пассивное воображение**, возникает без волевых усилий и без сознательных намерений человека. Чаще всего это относится к сновидениям, которые играют важную роль в театральном воображении, особенно это касается кукольного театра (рис. 2). В кукольных спектаклях персонажи, как и во сне, могут летать, падать и затем подниматься, как будто ничего не произошло, внезапно появляться и таинственным образом исчезать. Сновидения напрямую связаны с творческим актом. Есть много примеров, когда художники, композиторы, писатели создавали свои произведения на основании увиденного во сне. Вопросы, связанные со сновидениями, всегда интересовали человека.

**Рис. 2.** Из спектакля «Рождественское сновидение», актёрский курс театра кукол Н.П. Наумова, режиссёр-педагог А. Вученович, РГИСИ, 2018 (из личного архива) (From the play "Christmas Dream", the acting course of the puppet theater N.P. Naumova, director-teacher A. Vuchenovich, RGISI, 2018 (from archive))



В Древней Спарте, к примеру, существовали специально назначаемые чиновники – эфоры (надзирающие), которые спали в храмах и должны были видеть сны своих хозяев и утром об этом им сообщать. На основании содержимого таких сновидения часто принимались государственные решения и законы. В театральной жизни эфором может быть каждый из нас.

По утверждению психологов, процесс воображения всегда протекает в неразрывной связи с двумя другими психическими процессами – памятью и мышлением. Говоря о воображении, мы лишь подчеркиваем преобладающее направление психической деятельности. Если перед человеком стоит задача воспроизвести представления вещей и событий, имевших место в его опыте, мы говорим о процессах памяти. Но если те же самые представления воспроизводятся для того, чтобы создать новое сочетание этих представлений, то это суть деятельность воображения.

Непредсказуемость воображения связана с эмоциями и даёт оригинальные образы во всех сферах искусства, но чаще всего в театре и тем более в театре кукол, где в большинстве случаев преобладают придуманные, фантастические персонажи. Воображение оказывает влияние на многочисленные органические процессы в организме, и поэтому оно оказывается в творческом плане даже лечебным. В иных случаях воображение, основанное на негативных эмоциях, может действовать негативно и на зрителя, слушателя.

Например, когда в театральном зале бывает полная темнота или резкие, слишком громкие звуки, зритель, особенно ребёнок, пугаются не потому, что это раздражает его физиологически, а потому, что он в темноте попадает в странный мир, где начинает работать его и так включённое воображение. В его голове начинают появляться разные страшные образы, которые, возможно, как он предчувствует, могут ему навредить. Вспомним слова Ф. Гойи о том, что фантазия, лишённая разума, производит чудовище; соединённая с ним, она – мать искусства и источник его чудес.

В тренинге по актёрскому мастерству есть упражнение «Знакомство» (рис. 3), направленное на развитие у студентов наблюдательности на уровне её внутреннего воображения. Упражнение выполняется с закрытыми глазами. Студент трогает чужие руки с целью понять их особенность и определить, кому принадлежат эти руки. После выполнения упражнения студенты делились своими впечатлениями о человеке, рук которых они касались. Были такие высказывания, что человек, руки которого исследовались, «был испуган», «нервозен», «возбуждён» или наоборот – «расслаблен» и т.д. Одна студентка сообщила, что при касании руками своего коллеги она почувствовала, «будто тёплая вода её обмывает». Вторая студентка призналась, что «испугалась» этого упражнения. Подавая свои руки, она боялась, что они всё расскажут про неё другому человеку.

**Рис. 3.** Упражнение «Знакомство», 2016. Студенты первого актёрского курса театра кукол Н.П. Наумова, педагог А. Вученович. РГИСИ (из личного архива)



Каждый студент воображал что-то очень «необычное», что человеку другой профессии показалось бы достаточно странным.

Неслучайно талант называют божьим даром. И этот дар состоит в каком-то ином восприятии происходящего вокруг нас. Мы, получается, видим то, что другие не смогут увидеть. Потому нам и дано право подняться на сцену, чтобы оттуда сообщить, рассказать актёрским способом, воображаемые картины, для других не видимые, но для мира, в общем, очень или даже чрезвычайно важные. «В процессе творчества воображение является передовым, который ведет за собой самого артиста» [6].

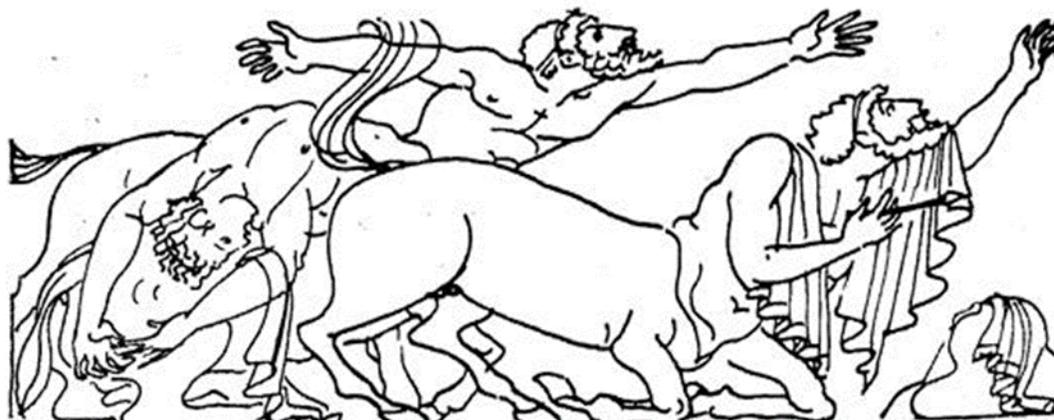
Более того, во время выступлений в больницах для детей, прежде всего больных онкозаболеваниями, доводилось слышать от врачей, что у детей после спектаклей улучшались результаты анализа крови. Большой заслугой работы режиссера и актеров становится наблюдать, например, как лицо малыша (опухоль глаза) из серьёзного становится улыбчивым. Это происходило именно благодаря воображению, возникающему во время игры автора данной статьи с куклой на кровати ребенка в палате. Как это произошло? Будучи актрисой, автор оказался во власти своего воображения, исполняя сцену «Золушка на балу», а мальчик поверил, и в его воображении возникло ощущение, что они с куклой стали друзьями, и таким образом и он, этот ребенок, почувствовал себя частью королевского торжества.

Как писал К.С. Станиславский, «...наша сценическая работа начинается с введения в пьесу и в роль, магического «если бы», которое является рычагом, переводящим артиста из повседневной действительности в, плоскость воображения. Пьеса, роль — это вымысел автора, это ряд магических и других «если бы», «предлагаемых обстоятельств», придуманных им. Подлинной «были», реальной действительности на сцене не бывает, реальная действительность не искусство. (...) Задача артиста и его творческой техники заключается и том, чтобы превращать вымысел пьесы в художественную сценическую быль. В этом процессе огромную роль играет наше воображение. Поэтому стоит подольше остановиться на нем и приглядеться к его функции в творчестве» [6].

В процессе работы над ролью на первом этапе воображения определенные картины появляются в результате типизации и акцентирования. Такие картины являются «пробуждённым прошлым». Только после того мы сможем абстрагировать определённые сегменты найденного общего и по отдельности детально их проанализировать, применяя разные методы. Пример: в спектакле «Влюблённые бабочки» в исполнении китайских студентов актёрского курса, была маленькая и, казалось бы, незаметная роль жены учителя, однако в процессе актёрской работы над ролью она получила признаки нервной и «комендантски настроенной» женщины. По народной легенде она имеет важную функцию в сюжете, сильно влияющую на судьбы главных героев. Но прочесть роль, как всегда, можно по-разному. Студентка, которая водит эту куклу, опирается на пьесу, но она опирается и на звук, и на интонацию голоса, подаваемого студентом в роли рассказчика. На подсознательном уровне и благодаря не только драматургии, но и звуковому направляющему, студентка вспоминает кого-то и помещает его (её) в роль (небольшую теневую куклу - жену учителя). Таким образом, она плод своего воображения помещает в новую ситуацию и новое сочетание. Когда соединено «прошлое и настоящее» в новых обстоятельствах, можем говорить об **агглютинации**, т.е. о создании нового образа, состоящего из разных частей воображения актера. Это самый простой даже самый «мягкий» вид агглютинации. Более выразительные её проявления находим в результатах процесса мечтания, когда возникают совершенно необычные картины, такие как образ кентавра, образ крылатого человека, женщина змея и т.п.

Агглютинация активно используется в искусстве и техническом творчестве (рис. 4). Например, известны советы, которые давал Леонардо да Винчи молодым художникам: если хочешь заставить казаться естественным вымышленное животное, допустим, змею, то возьми для ее головы голову овчарки или легавой собаки, присоединив к ней кошачьи глаза, уши филина, нос борзой, брови льва, виски старого петуха и шею водяной черепахи. В технике, в результате использования агглютинации, созданы, например, автомобиль-амфибия и судно на воздушной подушке.

**Рис. 4.** Образ кентавра как результат деятельности воображения  
(The image of a centaur as a result of the imagination)



В сфере техники, в результате использования агглютинации, т.е. соединения несоединяемого, созданы, например, самолёт, автомобиль-амфибия, судно на воздушной подушке. Об этом интересно высказался Альберт Эйнштейн: логика приведет вас из пункта А, а в пункт В, а воображение приведет вас куда угодно.

Наподобие этих фантастических персонажей часто встречаем решённые актёрские роли в театре и особенно в кукольном театре, где художник как главный субъект этого процесса дополняет определённую роль своим творческим видением. Актёр-кукольник, кроме автора пьесы и режиссёра, свою роль создаёт, непременно включая заданную художником визуализацию персонажа, которого играет. Воображение у кукольников должно быть много более развитое, чем у драматического актёра. Когда говорят, что кукольники – «взрослые дети», скорее всего имеется в виду их способность воображать. Действительно, иначе как бы кукольник мог сыграть «поющую капусту», «злую морковь» и пр.

Авторы книги «Как стать гением» Г. Альтшулер и И. Вертким на этот вопрос отвечают так: «Творческая личность должна проявиться как можно раньше. Идеальное время в возрасте 5-7–10-12 лет, чем в 55 и старше. Хотя шансы остаются, пока человек жив. Встреча с чудом – что это такое?» [1, с. 158].

Возможно, авторы имели в виду ярко выраженное воображение в детском возрасте, которое

позже часто теряется, так как люди начинают заниматься чем-то, где воображение перестает быть важным.

А театр, и особенно кукольный театр, это действительно-настоящее чудо. Тем более для ребёнка, который именно в кукольном театре встречается с миром, похожим на его мир. Чудом можно называть и картину, и музыку, и книга, но театр – это трёхмерное чудо.

*Выводы.* Таким образом, практический опыт является основанием для работы воображения, но этот опыт должен быть особым, должен заинтересовать своей необычностью. Но только ли «чудо» необходимо для запуска воображения, и особенно творчества? Чтобы из таланта произошла магия творчества и превратилась в чудо театрального действия, необходима постоянная непрерывная работа. В небольшой анкете на тему «Воображение: что это такое?», предложенной студентам первого курса специальности «режиссёр театра кукол», особенно интересным оказался ответ, в котором содержится глубокий смысл и с точки зрения творческой личности, и с точки зрения зрителя: «Театр должен действовать на воображение, а не на нервы» (студент 1 курса режиссуры театра кукол, 2019 год, РГИСИ). Отсутствие воображения или необдуманый уход в сторону от него приводят к отрицательному результату: вместо «сотворчества», погружения в созданную актёром картину в зрителе пробуждаются отталкивающие его чувства.

1. Альтшуллер, Г. С., Вёрткин, И. М. Как стать гением. Жизненная стратегия творческой личности. – Минск: «Беларусь», 1994. – 479 с.
2. Альберт Эйнштейн: "Воображение — это реальный фактор в научном исследовании" [Электронный ресурс]. – URL: <https://philologist.livejournal.com/8670227.html> (дата обращения: 12.01.2023).
3. В профессиональной школе кукольника: сборник статей. Вып. V. - СПб., РГИСИ, 2021. – 308 с.
4. Маклаков, А. Психические процессы. Воображение. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mir-logiki.ru/voobrazenie-v-psihologii-ego-funkcii-i-sposoby-razvitiya> (дата обращения: 12.01.2023).
5. Станиславский, К. С. Работа актёра над собой. — М.: АСТ, 2020. – 480 с.
6. Станиславский, К. Работа актёра над собой в творческом процессе воплощения / К. С. Станиславский [Электронный ресурс]. – URL: <https://mybook.ru/author/konstantin-stanislavskij/rabota-aktera-nad-soboj/> (дата обращения: 12.01.2023).

## IMAGINATION AS "INTERNAL VISION SCREEN" IN THE CREATIVE PROCESS OF THE WORK OF THE ACTOR ON THE ROLE

© 2023 A. Vucenovic

*Amela Vucenovic, Associate Professor of the Department*

*"Directing and Acting of the Puppet Theater"*

*E-mail: skaskamela@mail.ru*

*Russian State Institute of Performing Arts*

*St. Petersburg, Russia*

The relevance of this study is due to the fact that the concept of imagination, which is much talked about in psychology, remains incomplete outside of theatrical discourse, actor's and director's understanding of this category. Imagination is not a spontaneous, automatically developing process, but an in-depth process based primarily on the intellectual capabilities of the actor through the manifestation of his analytical abilities, which are directly related to the degree of development of his imagination, which determines the professional quality of the actor. The algorithm of the work of the imagination, its phased development is investigated. Examples are given from the pedagogical experience of the author of the article on activating the imagination of students - trainings and tasks that develop figurative thinking and, as a result, acting skills. An integral part of learning is tasks for the memory of physical actions, where the subject is imaginary, and actions with it are real. The problems of interaction between the actor and the spectator in the performances of the puppet theater are touched upon: the role of imagination control in theatrical activity. Lack of imagination or thoughtless departure from it leads to a negative result: instead of "co-creation", immersion in the picture created by the actor, repulsive feelings awaken in the viewer. Imagination has a special role in theater as a "three-dimensional art".

*Key words:* puppet theatre, imagination, inner vision screen, agglutination, N.P. Naumova RGISI

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-44-51

1. Al'tshuller, G. S., Vortkin, I. M. Kak stat' geniyem. Zhiznennaya strategiya tvorcheskoy lichnosti (How to become a genius. Life strategy of a creative person). – Minsk: «Belarus'», 1994. – 479 s.
2. Al'bert Eynshteyn: "Voobrazheniye — eto real'nyy faktor v nauchnom issledovanii" (Imagination is a real factor in scientific research) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://philologist.livejournal.com/8670227.html> (data obrashcheniya: 12.01.2023).
3. V professional'noy shkole kukol'nika: sbornik statey (In the professional school of the puppeteer: a collection of articles). Вып. V. - СПб., РГИСИ, 2021. – 308 с.
4. Maklakov, A. Psikhicheskiye protsessy. Voobrazheniye (Mental processes. Imagination). [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://mir-logiki.ru/voobrazenie-v-psihologii-ego-funkcii-i-sposoby-razvitiya> (data obrashcheniya: 12.01.2023).
5. Stanislavskiy, K. S. Rabota aktora nad soboy (The work of an actor on himself). — М.: АСТ, 2020. – 480 с.
6. Stanislavskiy, K. Rabota aktera nad soboy v tvorcheskom protsesse voploshcheniya (An actor's work on himself in the creative process of incarnation) / K. S. Stanislavskiy [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://mybook.ru/author/konstantin-stanislavskij/rabota-aktera-nad-soboj/> (data obrashcheniya: 12.01.2023).

УДК 130.2: 821.161.1 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения (Цивилизация. Культура. Прогресс. Национальная идентичность и взаимодействие культур / Русская литература)

**АПОФАТИКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ:  
ТРАДИЦИИ СКОМОРОШЕСТВА В СТИХОТВОРЕНИИ С.А. ЕСЕНИНА  
«Я ОБМАНЫВАТЬ СЕБЯ НЕ СТАНУ...»**

© 2023 М.А. Дударева

*Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии,  
кандидат филологических наук,  
доцент кафедры русской литературы  
E-mail: [marianna.galieva@yandex.ru](mailto:marianna.galieva@yandex.ru)*

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет  
им. Н.И. Лобачевского  
Нижний Новгород, Россия

Статья поступила в редакцию 18.12.2022

Объектом статьи выступают традиции скоморошества в русской культуре. Предметом исследования является амбивалентный образ мглы, феномен сумерек в русской поэзии, который связан с перевернутой действительностью, миром наоборот. Материалом для статьи служит творчество С.А. Есенина, который по праву считается одним из самых фольклорных поэтов начала XX в. В центре культурфилософского анализа — стихотворение из цикла «Москва кабацкая», а именно «Я обманывать себя не стану...». Это стихотворение внутренне построено по принципу взаимодействия двух типов действительности, феноменального и ноуменального начала, рационального и стихийного в искусстве. Большое внимание уделяется проблеме трансформации традиций скоморошества в творчестве поэта, феномен которого связан с образом мглистого сердца, света не вечернего, обозначающего инвертированную реальность, ритуальный хаос. Исследуются феномены мглы, света вечернего и не вечернего, которые связаны с миром наоборот, то есть с перевернутой действительностью и танатологическим текстом культуры. Методология исследования сводится к целостному онтогерменевтическому анализу поэтических текстов С.А. Есенина. Результаты работы могут быть интересны филологам, включающим литературу в пространство большого диалога культур, а также могут быть использованы в преподавании курсов по культурологии, русской философии.

*Ключевые слова:* русская культура и литература, цикл «Москва кабацкая», поэтика С.А. Есенина, архетип, традиция скоморошества, трикстер, апофатика, феномен мглы  
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-52-57

*Введение.* Художественная культура начала некалендарного XX в. (выражение А. Ахматовой из «Поэмы без героя») была глубинно инспирирована фольклорной традицией. На это есть несколько причин. Во-первых, первые десятилетия начала прошлого столетия энически пришлись на конец Нового времени, когда трансцендентное отношение к бытию угасало, людей все больше стала интересовать идея возможного физического бессмертия, выразившаяся в устремлениях человечества «упразднить смерть» средствами науки и техники [13, с. 19–20], и художники слова, пассионарии по своей природе, все-таки пытались противостоять этому натиску цивилизации, урбанизации,

вырваться из *каменных рук шоссе* (цитата из «Москвы кабацкой» С.А. Есенина). Неслучайно в порубежный период писал о кризисе реализма, позитивизма и критик Д.С. Мережковский, находясь в поисках сакральных оснований мира. В своей лекции «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» он отмечал, что современные писатели ощутили кризис реализма, мертвенность позитивизма и потребность в обновлении эстетической системы [14, с. 46–51]. Во-вторых, для русской словесной культуры в целом характерен синтез устного народного слова и авторского слова, что теоретически можно представить в виде триады *миф — фольклор — литература*.

Поэты Серебряного века обратились к архаической культуре, к древней связи между метафорой и мифом. А. Блок представил эту связь в статье «Поэзия заговоров и заклинаний», предназначенной для академического учебного издания под редакцией известного фольклориста и учителя поэта Е.В. Аничкова, К. Бальмонт — в трактате «Поэзия как волшебство», а С. Есенин — в философском трактате «Ключи Марии» [7]. В теоретическом аспекте также в начале XX в. размышляла об этом О.М. Фрейденоберг, указывая на то, что метафора — это осколок мифа [19, с. 118–119].

Из всех многомерных явлений мира народной культуры художники слова, во-первых, интуитивно тянулись к сказкам (заметка В. Хлебникова «О пользе изучения сказок» русского народа; лекция Е.Н. Трубецкого о тридевятом царстве и его поисках в народной культуре «Иное царство и его искатели в русской народной сказке»). Во-вторых, обращались к традициям скоморошества, народного театра, что позволяло им постигнуть тайну перевоплощения, *травести*. Вспомним легендарную желтую кофту В. Маяковского, которая являлась символом-знаком перевоплощения, оборачивания чем-то или кем-то иным, что, кстати, потом апофатически, то есть непостижимо, отозвалось в его ранних поэмах и послеоктябрьском

творчестве (образы облака в штанах, людогося, человека-коня [8]).

*История вопроса.* Кто такой скоморох в русской культурной традиции? В первую очередь мы вспоминаем народный театр Петрушки, отличительным символом которого является красный колпак и привздернутый нос: эти две детали имеют высокий *семиотический статус*, они выступают признаками ритуального хаоса, создаваемого Петрушкой. В этой связи вспоминается одно наблюдение о шуточном тоне протокола братьев по перу из литературного общества «Арзамас», среди положений которого было надевание красного колпака на провинившегося, то есть такое молчаливое окопачивание, одурачивание человека, но и признание его *своим*: «Каждый смотрел на предлежащую ему бумагу глазами любовника. Казалось, что он подписывал контракт с судьбой, которая в Новом Арзамасе предлагала ему все лучшие блага жизни: дружбу верных товарищей на всю жизнь, жареного гуся один раз в неделю, твердость духа в изгнании, красный колпак, сладкую вражду Беседы и пр.» [2, с. 85]. Однако, кроме увеселительной, развлекательной функции, у скоморошества есть и другие, более глубокие основания в русской культуре. Скоморохи *ходили по дворам*, их приход ассоциировался с приходом духов-предков, которым необходимо было подать пищу, дары, чтобы год был успешным:

Не хошь дарить — ходи ты с нами,  
Христос воскрес, сын Божий!  
Кий волочить, грязи толочить,  
Христос воскрес, сын Божий!  
Собак дразнить, людей смешить,  
Христос воскрес, сын Божий! [15, с. 223]

Таким образом, они как культурные герои были вписаны в обрядность *космического годового цикла*. Кроме того, скоморошество тесно связано с волочебничеством и юродством, на что обращали внимание фольклористы: «Их пути скрещивались с каличьими, порождая творческие контакты» [6, с. 155]. Скоморохи являются строителями хаоса, но этот хаос носит ритуальный характер, а сам скоморох выполняет функции своего рода благородного трикстера, дающего представления не только об антимире, инвертированной реальности, но и об иномире, поиске «иного царства», поскольку его действия всегда связаны с идеалом *красоты поднебесной*, пусть и с обратным коррелятом,

«но это была лишь форма ее бытования с “обратным” знаком, подчеркивающая ее истинное значение и действительное величие» [11, с. 98]. В этой связи стоит обратить пристальное внимание на творчество С.А. Есенина, который так самовыражался: «А еще очень невредно прикинуться дурачком. Шибко у нас дурачка любят» [12, с. 312]. Однако это дурачество, хулиганство, балагурство идет не столько от избытка чувств, имея под собой внешние основания, сколько от корневого для русской культуры явления скоморошества, от традиций русской сказки, где главный герой Иван-дурак пускается на поиски идеала, вещей невесты, волшебного предмета на «тот свет», то есть в «иное царство».

У поэта есть раннее стихотворение с характерным названием «Калики», где описывается обряд *хождения по дворам*, а калики также называются скоморохами. Но дело не столько во внешней ориентации на явления народной культуры, стилизации и заимствованиях, сколько в органическом усвоении этих явлений. Поздний цикл / книга поэта «Москва кабацкая» волнует литературоведов и сегодня, ученые много пишут о структуре, композиции этой вещи [1], пытаюсь разобраться, почему так усердно работал над ней поэт, совершая много правок, готовя ее к изданию шесть раз. Однако большое внимание обычно уделяется подразделу «Любовь хулигана» и ударному стихотворению «Не жалею, не зову, не плачу...» [5]. Книга

имеет четкую структуру, состоит из 18 стихотворений, входящих в четыре раздела. Основной раздел открывается стихотворением «Я обманывать себя не стану...», о котором пишут обычно вскользь, указывая на «двойственное состояние души, желание разобраться в самом себе, постоянный душевный поиск...» [1, с. 105]. Так, А.А. Алексеева, обращаясь к этому стихотворению, отмечает: «Лирический герой смирился со своей пропащей жизнью, с участью гуляки и хулигана, таким образом вписав себя в ряды людей, потерявших себя и смысл своей жизни» [1, с. 105]. Но так ли однозначны образы стихотворения, построенного на вопросах-вопросаниях?

*Результаты исследования.*

Я обманывать себя не стану,  
Залегла забота в сердце мглистом.  
Отчего прослыл я шарлатаном?  
Отчего прослыл я скандалистом? [10, т. 1, с. 165]

Эти вопросы, выражаясь языком онтологии, *предельны* по своей сущности и не требуют сиюминутного ответа или вовсе ответа. Но в первой строфе интересна и другая деталь, образ *мглистого сердца*. Очень трудно представить колористику мглы. Мы более или менее понимаем излюбленный поздний есенинский образ золотой головы, сравниваемой с розой («Цветы», 1924), образ черного человека (поэма «Черный человек», 1925), светлый образ Анны Снегиной (поэма «Анна Снегина», 1925), но явление мглы как таковое даже с физической природной точки зрения представить трудно. Мы ощущаем мглу апофатически. В словаре В.И. Даля, которым пользовался поэт, находим следующее описание: «помрачение воздуха, испарения, сгущающие воздух, делающие его тусклым, мало прозрачным; сухой туман, дым и чад, нагоняемые в засуху от лесных паров» [с. 317]. Как это представлено у других поэтов? Например, у Е.А. Боратынского мгла — признак осени (стихотворение «Осень»). В.Т. Фаритов обращается к образам мглы у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Н. Гумилева и приходит к следующему выводу: «Созидаемый и восстающий во мгле храм — это символ самостановления, которое осуществляется путем перманентного умирания и рождения, путем “превращения через сотни душ” (“Verwandlung durch hundert

Seelen”)» [18, с. 87]. В этом контексте вспоминается актуальный для русской словесной культуры образ горных вершин *во мгле*, которые созерцает путник в ночи в стихотворении Гете, переведенном М.Ю. Лермонтовым («Горные вершины...»).

Мгла — не просто символ-знак, это ощущение смерти, *sensus mortis*, восприятие смерти; она связана с сумерками в мировой культуре. И мглу, и сумерки можно описать как *временное* отсутствие света. Культурологи Н.В. Брагинская и А.И. Шмаина-Великанова в своей совместной работе об апофатике света пишут о явлении света вечернего и не вечернего, что онтологически одно и то же [4]. Русский философ В. Розанов в труде «Сумерки просвещения», размышляя о разных типах образования, от корней, от народа и от государства, тоже точно описывает это предсумеречное состояние в культуре: «В таких сумерках, когда небо не освещается ни солнцем, ни луной и звездами, чтобы ни произошло на земле, на ней не будет темнее» [16, с. 23]. Это состояние — ожидания, разрешения ситуации в пользу жизни или смерти.

Так, и образ *мглистого сердца* у С.А. Есенина — символ вечной поруки жизни и смерти, трансформации, инвертированной действительности, сердца, готового принять по-пушкински («Руслан и Людмила») мировую полночь.

Если бы проблема была в мрачном сердце героя, смирившегося со своей участью гуляки и шарлатана, отрешившегося от людей, то в конце

стихотворения нас бы ожидал другой итог, но этот образ не исчез, с помощью его создается кольцевая композиция и выход из болезни:

И теперь уж я болеть не стану.  
Прояснилась омут в сердце мглистом.  
Оттого прослыл я шарлатаном,  
Оттого прослыл я скандалистом. [10, т. 1, с. 166]

Что такое мгла онтологически? Это важный культурный код, или *культурное априори*, для русского космо-психо-логоса. Она состоит из света вечернего и невечернего одновременно. Этот образ у С.А. Есенина амбивалентен, он настраивает читателя на другое, дорациональное видение мира. Собственно, тем же занимается и скоморох, Петрушка, иногда вызывающий состояние шока, абсурда у зрителей. Но за каждым жестом кроется логика *ритуального поведения*. Так, например, скоморохи *водили козу или медведя*, облачались в их шкуры, но не

только для того, чтобы рассмешить публику, в этом действе был сокрыт глубокий сакральный смысл, связанный с аграрной солнечной культурой предков. У С.А. Есенина и в раннем творчестве (поэма «Кобыльи корабли»), и в позднем (цикл «Москва кабацкая», поэма «Пугачев») встречаем много звериной символики, но дело даже не в этом — лирический герой готов принести лучшее зверям, приручить их, накормить их, отдаваясь даже на растерзание этому «иному», нижнему миру:

Если голод с разрушенных стен  
Вцепится в мои волосы, —  
Половину ноги моей сам съем,  
Половину отдам вам высасывать. [10, т. 2, с. 79]

Так выглядит архитектура сакрального мира в поэтике С.А. Есенина. Но в этом антиповедении сказывается мир *наоборот*, веселый ритуальный хаос — это своего рода «пощечина общественному вкусу», которую давал своей желтой кофтой и В. Маяковский, водивший на цепи Наполеона как мопса в своей ранней поэме «Облако в штанах» (семиотически этот жест приравнивается к вождению козы скоморохами [8]).

*Выводы.* Группа «Альфа» во главе с известным музыкантом С. Сарычевым в 1980-е гг. исполнила композицию на стихотворение С.А. Есенина «Я обманывать себя не стану», редуцировав последнюю онтологически важную строфу. Омут в *сердце мглистом* лирического героя все-таки прояснилась, он принял на себя роль озорника, дурака, скомороха. Мутность пушкинских «Бесов», на которых профетически откликнулся поэт в конце Нового времени [9], если и не исчезла вовсе, то была принята, а не отодвинута в «угол дальний». У известного историка, представителя школы «Анналов» Ф. Арьеса, исследовавшего культуру смерти, образы смерти в Европе, есть красивая, но точная метафора «загнанной в дальний угол смерти», которая

больше онтологически не интересует метафизически отрешенного человека Нового времени: «Человек Нового времени начинает испытывать отстраненность от момента физической смерти...» [3, с. 273]. Однако если совершить *посыл в смерть*, о чем пишет С.А. Есенин в «Ключах Марии», как бы пристально взглянуть в нее, принять, то она станет откровением. Сердце мглистое — амбивалентный образ сердца, которое готово к принятию посылов, знаков «того мира», сердце, озаряемое божественным лучом, ведущим к прояснению, просветлению. Это также образ апофатический, связанный с инвертированной реальностью, явлением скоморошества, поскольку скоморох — тот человек, который переворачивает действительность, меняя местами черное и белое, низ и верх. Омут в сердце мглистом — это многомерный образ смерти и возрождения, вечного умирания и воскресения. Это стихотворение об иномирной действительности, царстве зверя, которое можно преодолеть, только посетив его, приобщившись к нему, как делает это скоморох, Иван-дурак в русской сказке, отправляясь на поиски «инога царства».

1. Алексеева, А. А. «Москва кабацкая» С.А. Есенина как художественное единство // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. — 2015. — № 3. — С. 103–106.
2. Арзамас и арзамасские протоколы. — Л.: Издательство писателей, 1933. — 306 с.
3. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти. — М.: Прогресс — Прогресс-Академия, 1992. — 528 с.
4. Брагинская, Н.В., Шмаина-Великанова, А.И. Свет вечерний и свет невечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. — С. 73–92.
5. Быкова, А. Л., Пяткин, С. Н. «Не жалею, не зову, не плачу...» как заключительное стихотворение книги С.А. Есенина «Москва кабацкая» // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 2 (33). — С. 243–245.
6. Власова, З. И. Скоморохи и фольклор. — СПб.: Алетейя, 2001. — 524 с.
7. Дударева, М. А., Арипова, Д. А. Сакральная риза поэзии в статьях К.Д. Бальмонта и С.А. Есенина: культурологический комментарий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2022. — Т. 24, № 85. — С. 47–51.
8. Дударева, М. А., Никитина, В. В. Апофатическая и реальная действительность в поэтике В.В. Маковского (о колоративе красный и желтый) // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. — 2018. — Т. 56, № 3. — С. 43–50.
9. Дударева, М. А. Пушкинское присутствие в творчестве С.А. Есенина: культурологический комментарий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2022. — Т. 24, № 87. — С. 62–70.
10. Есенин, С. А. Собр. соч. в 7 т. — М.: Наука; Голос, 1995. — Т. 1. — 672 с.
11. Кузьмичев, И. К. Лада. — М.: Молод. гвардия, 1990. — 302 с.
12. Мариенгоф, А. Б. Воспоминания о Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. — М.: Худ. лит., 1986. — Т. 1. — С. 310–323.
13. Масинг-Делич, А. Упразднение смерти. Миф о спасении в русской литературе XX века. — СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. — 464 с.
14. Мережковский, Д. С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы // Поэтические течения в русской литературе XIX — начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика: Хрестоматия. — М.: Высш. шк., 1988. — С. 46–51.
15. Обрядовая поэзия: Календарный фольклор. — М.: Русская книга, 1997. — 576 с.
16. Розанов, В. В. Сумерки просвещения // Собрание сочинений. Т. 28. Эстетическое понимание истории. — М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. — С. 1–82.
17. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. — СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1881. — Т. 2. — 807 с.
18. Фаритов, В. Т. Поэтическое творчество как воля к вечному возвращению: воображение и память // Litera. — 2017. — № 3. — С. 80–89.
19. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра: Период античной литературы. — Л.: Гослитиздат, 1936. — 454 с.

**АПОФАТИСМ OF RUSSIAN CULTURE:  
TRADITIONS OF BUFFOONERY IN S.A. YESENIN'S POEM  
“I WILL NOT DECEIVE MYSELF...”**

© 2023 M.A. Dudareva

*Marianna A. Dudareva, Doctor of Culturology, PhD in Philology,  
Associate Professor of the Department of Russian Literature*

E-mail: [marianna.galieva@yandex.ru](mailto:marianna.galieva@yandex.ru)

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod  
Nizhny Novgorod, Russia

The object of the article is the tradition of buffoonery in Russian culture. The subject of the research is the ambivalent image of dusk, the phenomenon of twilight in Russian poetry, which is associated with inverted reality, the antithetic world. The material for this article is represented by the creative heritage of S.A. Yesenin who is rightfully considered to be one of the best folklore poets of the early 20th century. The cultural-philosophical analysis is centred on a poem from the cycle “Moskva Kabatskaya” [Moscow of Taverns], namely “I will not deceive myself...”. This poem is internally structured according to the principle of interaction between two types of reality in art – the phenomenal and the noumenal, the rational and the spontaneous. Much attention is paid to the problem of transformation of the buffoonery tradition in

the poet's works, the latter being associated with the image of murky heart, nocturnal light denoting the inverted reality, the ritual chaos. The paper explores the phenomena of gloom, of vespertinal and unfading light which are linked with the antithetic world, i.e. with inverted reality and the thanatological text of culture. The research methodology involves the holistic ontological-hermeneutic analysis of S.A. Yesenin's poetic texts. The research results may be of interest for philologists tending to include literature in the space of a great dialogue of cultures and may also be used in courses on cultural studies and Russian philosophy.

*Keywords:* Russian culture and literature, "Moskva Kabatskaya" cyclus, S.A. Yesenin's poetics, archetype, buffoonery tradition, trickster, apophaticism, image of dusk

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-52-57

1. Alekseeva, A. A. «Moskva kabackaya» S.A. Esenina kak hudozhestvennoe edinstvo ("Moscow Tavern" by S.A. Yesenin as an artistic unity) // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. — 2015. — № 3. — S. 103–106.
2. Arzamas i arzamasskie protokoly (Arzamas and Arzamas protocols). — L.: Izdatel'stvo pisatelej, 1933. — 306 s.
3. Ar'es, F. CHelovek pered licom smerti (Man in the face of death). — M.: Progress — Progress-Akademiya, 1992. — 528 s.
4. Braginskaya, N. V., Shmaina-Velikanova, A. I. Svet vechernij i svet nevechernij (Evening light and non-evening light) // Dva venka: Posvyashchenie Ol'ge Sedakovej. — M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2013. — S. 73–92.
5. Bykova, A.L., Pyatkin, S.N. «Ne zhaleyu, ne zovu, ne plachu...» kak zaklyuchitel'noe stihotvorenie knigi S.A. Esenina «Moskva kabackaya» ("I don't regret, I don't call, I don't cry ..." as the final poem of the book by S.A. Yesenin "Moscow Tavern") // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. — 2012. — № 2 (33). — S. 243–245.
6. Vlasova, Z. I. Skomorohi i fol'klor (Buffoons and folklore). — SPb.: Aletejya, 2001. — 524 s.
7. Dudareva, M. A., Aripova, D. A. Sakral'naya rizoma poezii v stat'yah K.D. Bal'monta i S.A. Esenina: kul'turologicheskij kommentarij (The sacred rhizome of poetry in the articles of K.D. Balmont and S.A. Yesenin: cultural commentary) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. — 2022. — T. 24, № 85. — S. 47–51.
8. Dudareva, M. A., Nikitina, V. V. Apofaticheskaya i real'naya dejstvitel'nost' v poetike V.V. Makovskogo (o kolorative krasnyj i zheltyj) 9 Apophatic and real reality in the poetics of V.V. Makovsky (on the coloring red and yellow) // Uchenye zapiski Huzhdanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. — 2018. — T. 56, № 3. — S. 43–50.
9. Dudareva, M. A. Pushkinskoe prisutstvie v tvorchestve S.A. Esenina: kul'turologicheskij kommentarij 9 Pushkin's presence in the work of S.A. Yesenin: cultural commentary) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. — 2022. — T. 24, № 87. — S. 62–70.
10. Esenin, S.A. Sobr. soch. v 7 t. (Collected works in 7 volumes). — M.: Nauka; Golos, 1995. — T. 1. — 672 s.
11. Kuz'michev, I. K. Lada (Lada). — M.: Molod. gvardiya, 1990. — 302 s.
12. Mariengof, A. B. Vospominaniya o Esenine (Memories of Yesenin) // S.A. Esenin v vospominaniyah sovremennikov. — M.: Hud. lit., 1986. — T. 1. — S. 310–323.
13. Masing-Delich, A. Uprazhnenie smerti. Mif o spasenii v russkoj literature XX veka (The abolition of death. The myth of salvation in Russian literature of the XX century). — SPb.: Academic Studies Press / BiblioRossika, 2020. — 464 s.
14. Merezhkovskij, D. S. O prichinah upadka i novyh techeniyah sovremennoj russkoj literatury (On the causes of the decline and new trends in modern Russian literature) // Poeticheskie techeniya v russkoj literature XIX — nachala XX veka: Literaturnye manifesty i hudozhestvennaya praktika: Hrestomatiya. — M.: Vyssh. shk., 1988. — S. 46–51.
15. Obryadovaya poeziya: Kalendar'nyj fol'klor (Ritual poetry: Calendar folklore). — M.: Russkaya kniga, 1997. — 576 s.
16. Rozanov, V. V. Sumerki prosveshcheniya (Twilight of Enlightenment) // Sobranie sochinenij. T. 28. Esteticheskoe ponimanie istorii. — M.: Respublika; SPb.: Rostok, 2009. — S. 1–82.
17. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka V.I. Dal'a (Explanatory dictionary of the living Great Russian language V.I. Dahl). — SPb.; M.: Tip. M.O. Vol'fa, 1881. — T. 2. — 807 s.
18. Faritov, V. T. Poeticheskoe tvorchestvo kak volya k vechnomu vozvrashcheniyu: voobrazhenie i pamyat' (Poetic creativity as the will to eternal return: imagination and memory) // Litera. — 2017. — № 3. — S. 80–89.
19. Frejdenberg, O. M. Poetika syuzheta i zhanra: Period antichnoj literatury (Poetics of plot and genre: The period of ancient literature). — L.: Goslitizdat, 1936. — 454 s.

УДК 316.74 (Институты культуры)

## СОСТОЯНИЕ ГАСТРОНОМИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

© 2023 В.А. Ермолаев

Ермолаев Владимир Александрович, доктор технических наук, доцент,  
профессор кафедры «Биотехнологии и производства продуктов питания»

E-mail: [ermolaevvla@rambler.ru](mailto:ermolaevvla@rambler.ru)

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия  
Кемерово, Россия

Статья поступила в редакцию 07.02.2023

В предложенном исследовании автором проведен подробный анализ определенных социальных потребностей. В связи с тем, что социальная потребность – это некая необходимость, полагаем, что гастрономия также является необходимостью, неся в себе определенный культурный код, каждого индивида в социальной идентификации. Следовательно, гастрономия – это потребность социума и одновременно его сущностная характеристика. В целом, говоря о потребностях, надо сказать, что их взаимосвязанный набор определяется тем обществом, в котором находится человек. Даже идентичные наборы потребностей у индивидов, принадлежащих к различным социумам или даже социальным группам, имеют неодинаковое содержание. Таким образом, здесь можно говорить о том, что и гастрономическая культура, как потребность, определяется обществом, при этом гастрономия – это не личная потребность, а общественная, продиктованная принадлежностью индивида к социальной группе или целому обществу. Осуществляя действия по реализации и удовлетворению указанной гастрономической потребности, человек одновременно развивает ее, дополняя какими-либо элементами, но строго в рамках заданного. К слову, выход за рамки определенной культуры, расширение ее границ, может быть истолковано двояко – как уход от традиций, либо как просто их масштабирование. Говоря о современном состоянии гастрономической культуры, автор определяет две ее сущностные характеристики – глобализацию и технологизацию (замена традиционного на техногенное и рационализированное). Эти характеристики формируют, во-первых, новое коллективное сознание и память, а во-вторых, являются предпосылкой трансформации существующих практик питания, основанных на потребностях человека, и ответвлением новых пищевых стратегий.

*Ключевые слова:* социальная потребность, гастрономия, культура, культурный код, развитие человечества, социальная идентификация, глобализация, технологизация  
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-58-63

*Введение.* Потребности социума всегда были в центре внимания ученых, особенно в последнее время, когда глобализация в качестве социокультурного контекста стала показателем развития, в том числе экономики, информационных технологий, а также системы ценностей и национальных культур.

Потребности социума являются основой любого процесса развития. При этом важно найти ту совокупность таких потребностей, которая была бы актуальна для каждого общества. Полагаем, что в перечень потребностей должна входить культура, в частности, гастрономическая, поскольку она взаимосвязана с такими базовыми потребностями, как необходимость в пище и необходимость социальной идентификации. Это подтверждают исследования ряда авторов. В частности, И.В. Сохань говорит о

гастрономической культуре как о феномене, который определяет биологические потребности в культурном значении. Это связано с тем, что пища, являющаяся базовой потребностью человека, не может сводиться к простому выражению в материальном мире, представляя пространство для культурной символизации [11; 12].

*История вопроса.* Пересечения гастрономической культуры с социальными потребностями происходят по линии потребления, характер которого может отличаться даже в пределах одного сообщества [15]. В процессе потребления у людей складываются определенные взаимоотношения, которые трансформируются в сложную систему потребления. Еще П. Бурдьё писал, такая система определяет особенности реализации предпочтений сообщества, которые

основываются на совокупности социальных отношений (габитусе) [2]. Такие отношения, с точки зрения указанного исследователя, являются в свою очередь источником действия людей, взаимодействующих в рамках определенного социума.

Поскольку предпочтения людей формируют культуру общества, то можно говорить о том, что социальные потребности необходимо исследовать с точки зрения социальных культурных традиций. То есть взаимодействие людей в сообществе, их совместная деятельность и ценности определяют совокупность потребностей социального значения, обуславливающих поведение людей. Как полагал Вильгельм Дильтей, общественные потребности являются отражением социокультурных практик, обусловленных социокультурным контекстом [4, с. 81]. Совершая каким-либо действия индивидуального характера, люди обычно стремятся к удовлетворению потребностей различного вида – общественных, групповых, личностных, содержание которых обусловлено целями функционирования каждого человека в рамках общества.

Таким образом, под социальной потребностью надо понимать социальную необходимость, которая культурно наполняет личность, принимая форму определенного поведения человека в обществе. Используя подобное определение в отношении конкретного человека, можно сказать, что удовлетворение социальных потребностей обусловлено сформированными нормами, ценностями и принципами, совокупность которых индивид реализует в своих интересах [5].

С точки зрения социологии, социальные потребности есть не что иное, как сформированные за определенный период потребности, возникшие как результат социального взаимодействия группы людей в области общественной деятельности, реализации и обеспечении социальных прав, творчестве, самовыражении и др. Так, например, если говорить о необходимости человека принадлежать к определенной семье, то есть осознавать себя частью этой семьи, то имеется в виду необходимость воспроизводства, а потребность быть включенным в некоторую гастрономическую культуру – необходимость принадлежать к определенному обществу. Здесь можно говорить о том, что источник, определяющий социальные потребности, является единым и постоянным для различных сфер общественной жизни.

При этом социальная потребность может рассматриваться в качестве необходимости обеспечивать для себя определенный образ жизни, включающий поведение в обществе в конкретных условиях, что определяет и развитие общества, и его функционирование [9, с. 95].

С этой точки зрения социальные потребности можно рассматривать как противоречие, которое возникает между объективной реальностью и субъективной действительностью. Разрешаясь, противоречие порождает формирование определенных потребностей, культуры, присущей конкретному сообществу [8, с. 113].

Неотъемлемый источник общественных потребностей, как отмечает ряд исследователей, состоит именно в процессе деятельности человека, который является полноправным членом (представителем) конкретного гражданского общества [13]. То есть деятельность индивидуума представляет собой некоторую преобразовательную активность, которая нужна прежде всего в целях создания определенных средств максимально полного удовлетворения имеющихся у этого человека потребностей. Вместе с тем деятельность индивидуума представляет собой имеющийся у него социокультурный опыт, который реализован в реальных условиях. В данной ситуации можно вести речь о так называемой универсальной социальной деятельности.

Стоит сказать о том, что социальные (общественные) потребности объединяют членов общества в конкретные социальные группы, в чем, по большому счету, и заключаются их специфические особенности. Вместе с тем потребности той или иной группы людей никак не могут быть уподоблены или идентифицированы с потребностями какого-то отдельного человека, который является членом этой социальной группы. Это обусловлено, во-первых, следующим: именно потребности всех без исключения представителей группы (то есть, каждого отдельного человека, включенного в нее) формируют общую (совокупную) групповую потребность. Во-вторых, это обусловлено тем, что общая (совокупная) групповая потребность порождает какие-то другие, новые потребности человека, которые, так или иначе, имеют свою специфическую черту, в сравнении с общей потребностью. Однако группа предписывает, что человек, являющийся ее членом, должен неукоснительно и в полной мере выполнять все выдвигаемые ею требования, в чем, по

большому счету, и проявляется вся глубина диалектики социальных интересов, а также социальных потребностей какого-то отдельного человека (отдельной личности) и социальной группы в целом, куда этот человек непосредственно входит.

Итак, анализируя гастрономию с точки зрения социальной потребности, можно сделать выводы, что, во-первых, она является потребностью индивида быть включенным в определенное сообщество, то есть определяет необходимость социальной идентификации, а во-вторых, гастрономия в динамике – это культурный капитал социума, причем этот капитал предопределяет поведение людей в повседневной жизни, а также может в качестве коллективного бессознательного передаваться из поколения в поколение. Каждый индивид, являясь частью того или иного социума, предпринимает какие-либо действия для удовлетворения своих потребностей, в том числе потребности в отнесении себя к социальной группе, обладающей определенной гастрономической культурой. Осуществляя действия, человек не только реализует эту культуру, но и развивает ее.

*Методы исследования:* компаративный (изложение культурных процессов в синхроническом и диахроническом измерении) и синхронный (исследование культурных объектов в одном периоде, но с различных сторон) специальные методы.

*Результаты исследования.* Гастрономическая культура как объект исследования, в последние десятилетия XX в. рассматриваемая преимущественно фрагментарно, стала изучаться более комплексно, что привело к формированию такого исследовательского направления, как food studies, условно называемый И.В. Сохань третьим этапом анализа гастрономической культуры [12]. Как следует из практики, в рамках этого течения объединились ученые различных научных областей знания, поскольку гастрономическая культура требует комплексного исследования, а монодисциплинарные подходы показали свою несостоятельность. Данный подход может быть ограничен только философской рефлексией, рассматривающей гастрономические практики в качестве целостного явления в условиях постоянного коммуницирования личности с самим собой.

Если традиционная гастрономическая культура гарантировала высокую степень предсказуемости телесного опыта, то в современной гастрономической культуре эта степень низкая, что определено пищевыми технологиями, не только позволяющими достигнуть пищевого разнообразия при помощи полуфабрикатов, но и сильно видоизменяющими природный состав пищи.

Что касается разнообразия, то здесь стоит сказать, что в данном случае произошло изменение соотношения внешней и внутренней пищи, воплощенной, соответственно, в публичном и домашнем пространствах. В большей степени данный фактор связан с гендерными трансформациями – занятостью женщины в различных общественных сферах, – что и повлияло на формирование кулинарного тела современной культуры, под которым можно понимать совокупность всего природного, что после соответствующей обработки стало восприниматься в качестве человеческой пищи [10].

Еще одним из видов технологий является создание генетически модифицированных организмов (ГМО), оказывающих влияние на современную гастрономическую культуру, когда отношение к таким продуктам формируется «с нуля», то есть база в виде коллективной памяти отсутствует. При этом гастрономические практики вынуждены трансформироваться под влиянием внедрения новых пищевых технологий, учитывая не только возможность альтернативы обычным продуктам, но и полной их замены на генномодифицированные продукты (ГМП): кукуруза, сахарная свекла, хлопок и многие другие.

Надо сказать, что влиянию генетически модифицированных продуктов на здоровье человека посвящено немало исследований, среди которых можно назвать статьи Л.С. Зобниной с соавторами [6], Н.М. Кольчева с соавторами [3], А.Н. Алексеевой и А.П. Елохина [1], А.Н. Королевой [7] и многих других. Однако в данных работах не отмечается принципиальное отношение к ГМО – применение результатов генной инженерии возможно, как полагают авторы, только при существовании однозначных доказательств безвредного применения продуктов с указанными организмами.

Поскольку мнения насчет ГМО неоднозначны в обществе [14], можно предположить,

что люди, положительно относящиеся к подобным научным достижениям, будут покупать однозначно продукцию с ГМО, а население, которое негативно относится к модифицированным источникам питания, будет вынуждено тщательно отбирать продукты и при отсутствии необходимого для практики питания товара заменять его на другой, что может быть связано с изменением подходов к культуре питания в рамках какой-либо пищевой стратегии.

В связи с этим можно даже обозначить потенциальную гастрономическую практику питания, исключающую использование продуктов, где хотя бы один из компонентов является ГМО.

Можно заключить, что современное состояние гастрономической культуры, с одной стороны обозначенной глобализацией, а с другой – новейшими достижениями науки, становится базой определенной нормы гастрономического поведения и определяет новые формы телесности. Так, императив стройного тела на сегодняшний день в конфликте со многими существующими гастрономическими практиками, а с другой стороны – обуславливают появление стратегий, подразумевающих диетологическую составляющую.

Следует заключить также, что практика потребления пищи как в форме фастфуда, так и на фоне существования ГМО, регистрирует новые способы не только гастрономических коммуникаций, но и взаимодействия человека и власти, нового гендерного порядка и т.д. [16-18].

Таким образом, потребность общества в приспособлении к современности и дальнейшему выживанию в рамках реализующихся практик

(существующих стратегий питания, скорректированных на современные достижения и глобализацию) является, по мнению автора, социальной потребностью общества в потреблении и развитии. Меняющиеся нормы телесности, наполнение тела кулинарной культуры, инициация новых гастрономических практик – это далеко не полный перечень современных форм социальных потребностей общества, выраженных посредством гастрономической культуры.

*Выводы.* Гастрономию, или гастрономическую культуру, можно рассматривать как потребность людей в социальной идентификации, а также в качестве культурного динамического капитала, который обуславливает поведение людей и, накапливаясь, передается следующему поколению, воспринимающему таким же образом гастрономическую культуру как социальную потребность.

Кроме того, гастрономическая культура может удовлетворяться в различных формах, которые зависят от социального наполнения в обществе, отражая сущностные, культурно-принадлежностные его характеристики.

Современное состояние гастрономической культуры, выраженное, на взгляд автора, двумя характеристиками – глобализацией и технологизацией (замена традиционного на техногенное и рационализированное), формирует, во-первых, новое коллективное сознание и память, что, безусловно, будет влиять в дальнейшем на развитие общества, а, во-вторых, является предпосылкой трансформации существующих практик питания, основанных на потребностях человека, и ответвлением новых стратегий.

1. Алексеева, А. Н. Влияние генетически модифицированных продуктов на здоровье человека / А.Н. Алексеева, А.П. Елохин // Евразийский Союз ученых. – 2016. – № 5-1 (26). – С. 133-137.
2. Бурдые, П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – №2. – С. 44-59.
3. Генетически модифицированные организмы как современный аспект геномной инженерии, значение для человечества / Н.М. Колычев, Е.М. Крыжановская, Р.А. Талшипов, В.В. Семченко // Динамика систем, механизмов и машин. – 2014. – № 6. – С. 84-87.
4. Дильтей, В. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 1. Введение в науки о духе / Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова; Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 762 с.
5. Ершов, Д. О. Формы проявления социальных потребностей и способы их оценки // Вестник Поволжского института управления. – 2014. – № 4 (43). – С. 93-99.
6. Зобнина, Л. С., Прошко, Л. А., Машанов, А. И. Генетически модифицированные источники пищи // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2009. – № 9 (36). – С. 151-154.
7. Королева, А. Н. Генетически-модифицированные организмы: вред или польза // Территория инноваций. – 2018. – № 12 (28). – С. 33-40.
8. Марченко, Т. А. Потребность как социальное явление. – М., 1990. – 340 с.
9. Рабочая книга социолога / отв. ред. Г.В. Осипов. – М., 2008. – 612 с.

10. Сохань, И. В. Женщина и гастрономический код культуры // Женщина в российском обществе. – 2010. – № 4 (57). – С. 50-60.
11. Сохань, И. В. Как исследовать гастрономическое? К вопросу о дефинициях и подходах // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 1 (9). – С. 99-109.
12. Сохань, И. В. Трансформации современной гастрономической культуры и тоталитет фастфуда // Экономическая социология. – 2013. – Т. 14. – № 5. – С. 171-178.
13. Шагиева, Л. А. Сущность и структура социального потенциала общества // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 4. – С. 1391-1394.
14. Широкалова, Г. С. Вера как регулятор отношения к гм-продуктам // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы XV Международной научной конференции: в 2-х частях. Издательство: Ивановский государственный университет (Иваново). – 2016. – С. 663-670.
15. Kennedy, G., Nantel, G., Shetty, P. Globalization of food systems in developing countries: a synthesis of country case studies // Globalization of food systems in developing countries: impact on food security and nutrition. – Rome, 2004. – № 83. – Pp. 1-26.
16. Mendez, M., Popkin, B. Globalization, urbanization and nutritional change in the developing world // Globalization of food systems in developing countries: impact on food security and nutrition. – Rome, 2004. – № 83. – Pp. 55-80.
17. Ruel, M., Garrett, J. Features of urban food and nutrition security and considerations for successful urban programming // Globalization of food systems in developing countries: impact on food security and nutrition. – Rome, 2004. – № 83. – Pp. 27-54.
18. Schmidhuber, J. The growing global obesity problem: some policy options to address it // Globalization of food systems in developing countries: impact on food security and nutrition. – Rome, 2004. – № 83. – Pp. 81-98.

## **THE STATE OF GASTRONOMY AS A REFLECTION OF THE NEEDS IN SOCIETY**

© 2023 V.A. Ermolaev

*Vladimir A. Ermolaev, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor,  
Professor of the Department of Biotechnology and Food Production*

*E-mail: [ermolaevvla@rambler.ru](mailto:ermolaevvla@rambler.ru)*

*Kuzbass State Agricultural Academy  
Kemerovo, Russia*

In the proposed study, the author conducted a detailed analysis of the needs in society or, in other words, social needs. Having determined that a social need is a kind of necessity, we believe that gastronomy is also a necessity, carrying a certain cultural code, of each individual in social identification. Consequently, gastronomy is a need of society and at the same time its essential characteristic. In general, speaking of needs, it must be said that their interrelated set is determined by the society in which a person is located. Even identical sets of needs of individuals belonging to different societies or even social groups have different contents. Thus, here we can say that gastronomic culture, as a need, is determined by society, while gastronomy is not a personal need, but a social one, dictated by the individual's belonging to a social group or the whole society. By carrying out actions to realize and satisfy the specified gastronomic need, a person simultaneously develops it, supplementing it with some elements, but strictly within the given framework. By the way, going beyond a certain culture, expanding its borders, can be interpreted in two ways – as a departure from traditions, or as simply scaling them. Speaking about the current state of gastronomic culture, the author defines its two essential characteristics – globalization and technologization (replacing the traditional with man-made and rationalized). These characteristics form, firstly, a new collective consciousness and memory, and, secondly, are a prerequisite for the transformation of existing nutrition practices based on human needs and the offshoot of new food strategies.

*Keywords:* social need, gastronomy, culture, cultural code, human development, social identification, globalization, technologization

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-58-63

1. Alekseyeva, A. N. Vliyaniye geneticheskikh modifitsirovannykh produktov na zdorov'ye cheloveka (Influence of genetically modified products on human health) / A.N. Alekseyeva, A.P. Elokhin // Evraziyskiy Soyuz uchenykh. – 2016. – № 5-1 (26). – С. 133-137. (In Russ.).
2. Burd'ye, P. Struktura, gabitus, praktika (Structure, habitus, practice) // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 44-59. (In Russ.).

3. Geneticheski modifitsirovannyye organizmy kak sovremennyy aspekt gennoy inzhenerii, znachenie dlya chelovechestva (Genetically modified organisms as a modern aspect of genetic engineering, significance for humanity) / N.M. Kolychev, E.M. Kryzhanovskaya, R.A. Talshipov, V.V. Semchenko // *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin.* – 2014. – № 6. – S. 84-87. (In Russ.).
4. Dil'tey, V. Sobraniye sochineniy v 6 tomakh. T. 1. Vvedeniye v nauki o dukhe (Collected works in 6 volumes. V. 1. Introduction to the sciences of the spirit) / Pod red. A.V. Mikhaylova i N.S. Plotnikova; Per. s nem. pod red. B.C. Malakhova. – M.: Dom intellektual'noy knigi, 2000. – 762 s. (In Russ.).
5. Ershov, D. O. Formy proyavleniya sotsial'nykh potrebnostey i sposoby ikh otsenki (Forms of manifestation of social needs and methods of their assessment) // *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya.* – 2014. – № 4 (43). – S. 93-99. (In Russ.).
6. Zobnina, L. S., Proshko, L. A., Mashanov, A. I. Geneticheski modifitsirovannyye istochniki pishchi (Genetically modified food sources) // *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta.* – 2009. – № 9 (36). – S. 151-154. (In Russ.).
7. Koroleva, A. N. Geneticheski-modifitsirovannyye organizmy: vred ili pol'za (Genetically modified organisms: harm or benefit) // *Territoriya innovatsiy.* – 2018. – № 12 (28). – S. 33-40. (In Russ.).
8. Marchenko, T. A. Potrebnost' kak sotsial'noye yavleniye (Need as a social phenomenon). – M., 1990. – 340 s. (In Russ.).
9. Rabochaya kniga sotsiologa (Working book of a sociologist) / otv. red. G.V. Osipov. – M., 2008. – 612 s. (In Russ.).
10. Sokhan' I.V. Zhenshchina i gastronomicheskiy kod kul'tury (Woman and the gastronomic code of culture) // *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve.* – 2010. – № 4 (57). – S. 50-60. (In Russ.).
11. Sokhan', I. V. Kak issledovat' gastronomicheskoye? K voprosu o definitsiyakh i podkhodakh (How to explore the gastronomic? On the issue of definitions and approaches) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye.* – 2013. – № 1 (9). – S. 99-109. (In Russ.).
12. Sokhan', I. V. Transformatsii sovremennoy gastronomicheskoy kul'tury i totalitet fastfuda (Transformations of modern gastronomic culture and fast food totality) // *Ekonomicheskaya sotsiologiya.* – 2013. – T. 14. – № 5. – S. 171-178. (In Russ.).
13. Shagiyeva, L. A. Sushchnost' i struktura sotsial'nogo potentsiala obshchestva (The essence and structure of the social potential of society) // *Vestnik Bashkirskogo universiteta.* – 2015. – T. 20. – № 4. – S. 1391-1394. (In Russ.).
14. Shirokalova, G. S. Vera kak regulyator otnosheniya k gm-produktam (Religion as a regulator of attitudes towards GM products) // *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii KhKh-XXI vekov. Materialy XV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: v 2-kh chastyakh. Izdatel'stvo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet (Ivanovo).* – 2016. – S. 663-670. (In Russ.).
15. Kennedy, G., Nantel, G., Shetty, P. Globalization of food systems in developing countries: a synthesis of country case studies // *Globalization of food systems in developing countries: impact on food security and nutrition.* – Rome, 2004. – № 83. – Pp. 1-26. (In Eng.).
16. Mendez, M., Popkin, B. Globalization, urbanization and nutritional change in the developing world // *Globalization of food systems in developing countries: impact on food security and nutrition.* – Rome, 2004. – № 83. – Pp. 55-80. (In Eng.).
17. Ruel, M., Garrett, J. Features of urban food and nutrition security and considerations for successful urban programming // *Globalization of food systems in developing countries: impact on food security and nutrition.* – Rome, 2004. – № 83. – Pp. 27-54. (In Eng.).
18. Schmidhuber, J. The growing global obesity problem: some policy options to address it // *Globalization of food systems in developing countries: impact on food security and nutrition.* – Rome, 2004. – № 83. – Pp. 81-98. (In Eng.).

УДК 725:316.6 (Общественные и промышленные здания. Гражданская архитектура и гражданское строительство в целом / Социальная психология)

## **АРХИТЕКТУРА И ДИЗАЙН ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСОВ**

© 2023 Т.В. Каракова

*Каракова Татьяна Владимировна, доктор архитектуры,  
профессор, заведующая кафедрой «Дизайн»*

*E-mail: t.karakowa@mail.ru*

Самарский государственный технический университет  
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 09.01.2023

Современная функционально-планировочная среда мегаполисов претерпевает существенные изменения под влиянием реструктуризации системы потребностей населения. Новые формы осуществления территориально-пространственных связей, форм проведения досуга, получения впечатлений от культурно-развлекательных мероприятий, активное использование новых форматов торгового обслуживания и общественного питания, а также возможность реализации широкой палитры социокультурных и торгово-бытовых потребностей, стимулируют массы населения к посещению торгово-развлекательных центров и мест сосредоточения объектов обслуживания на торговых улицах городов. Формирование в городе важнейших функционально-планировочных узлов и пространственных каналов во многом зависит сегодня от характера и интенсивности связей населения, характеризующих его пространственное и потребительское поведение. Активное включение междисциплинарной информации о социально-психологическом и экономическом контексте этого явления становится прерогативой формирования банка предпроектной информации для архитектора и дизайнера среды в ходе разработки и реализации программ совершенствования городской среды и важнейших объектов социокультурного и торгово-бытового обслуживания населения. В статье рассматривается роль торговых улиц как мощного инструмента в социально-функциональной и композиционно-пространственной реабилитации периферийных районов города, повышения их потребительской ценности, инвестиционной и туристической привлекательности.

*Ключевые слова:* мегаполис, город, общественные центры, архитектура и городской дизайн, торгово-развлекательные центры, торговая улица, психологический комфорт, пространственное и потребительское поведение, сектора экономики, нетоварные магниты  
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-64-69

*Введение.* Развитие российского мегаполиса в условиях постиндустриальной парадигмы характеризуется актуализацией задач формирования общественных, социально значимых пространств нового качества и функционального содержания. Придание городу и его важнейшим общественным центрам аутентичности и инвестиционной привлекательности связано в первую очередь с изучением и аргументацией изменившейся структуры потребностей горожан, их потребительского и пространственного поведения. Условия конкурентного развития городов, их центров, объектов социокультурного и бытового обслуживания ставят перед архитекторами и дизайнерами новые цели по разработке программ совершенствования город-

ской среды и важнейших объектов, концентрирующих такие функции обслуживания как торговые, культурно-развлекательные, рекреационно-познавательные и пр. [2, с. 133-137, 18]. При этом необходимым условием является процесс гуманизации общественных пространств, направленный на создание максимально комфортных условий этих территорий для разных групп населения, на достижение физического и психологического комфорта [3, с. 45-50].

*История вопроса.* Как показывают многочисленные исследования междисциплинарного характера, архитектура и дизайн городской среды наиболее активно реагирует на изменения психологических и материально-пространственных проявлений потребностей населения,

спроса в услугах и товарах, формирования новых центров притяжения населения и, как следствие, локализации новых направлений в функционально-планировочной структуре города в целом, а также – в рамках отдельного объекта обслуживания [13, с. 289-297]. Социальное поведение горожан анализируется сегодня посредством атрибутивных характеристик индивидов, а также локаций общественных социально значимых узлов. На передний план выдвигаются нормы поведения и моральные ценности, а структурные характеристики социальных отношений. Рассматривая такой сложный организм, как «город-мегаполис», следует отметить, что имеется в виду пространственное поведение его жителей, их удовлетворенность материальной средой, уровнем потребительской культуры, эстетическими и экологическими характеристиками среды. Важнейшими оценочными показателями материально-пространственного комплекса города выступают плотность застройки и обслуживающих функций, преемственность в развитии планировочной структуры города. В целом, его необходимо рассматривать как сетевое пространство, представляющее собой совокупность позиций, ролей, отношений, потоков ресурсов и населения в контексте эволюции средового сознания горожан [5, с. 82-88].

*Методы исследования.* Одним из ключевых направлений изучения современных тенденций функционирования города-мегаполиса как системы материализованных связей населения и реализации его потребностей является экономическая социология, рассматривающая такие определения, как «актор, сеть, поля, социальные контакты». Среди знаменитых ученых, посвятивших свои труды исследованию коммуникативных структур в социальной жизни горожан, стали П. Бурдьё, О. Тоффлер, Б. Латур, М. Кастельс, А. Маршалл, Ж-Б. Сэй, А. Фишер, Д. Белла и др.

Так, например, А. Латур подчеркивает, что социологию следует понимать не только как распределение связей между людьми, но и как сложное их взаимоотношение с материальными объектами, достижениями науки и изобретений, технологий, «объективированных в окружающем мире». При этом необходимо адаптировать понятие «сеть» (в трактовке Б. Латура и М. Кастельса) как комплексную структуру коммуникации и как один из анатомических принципов, описывающих устройство современного общества, к материально-пространственной

сети функциональных объектов городского социума [9, 6]. Сегодня городское пространство представляет собой систему взаимопересечения экономического, социального, урбанистического, природно-экологического, архитектурно-композиционного функциональных полей с активным подключением социальных территориально-пространственных и функциональных связей, формирующих материальное воплощение узлов и центров в планировочной структуре мегаполиса [1, с.130-175; 7, с. 259-263].

Смена вектора развития экономики от «производства и потребления товаров» к «производству и потреблению товаров и услуг» стала предметом научных изысканий во второй половине XX-го века в трудах таких теоретиков экономики как А. Фишер, Д. Белла и О. Тоффлер. Дальнейшее развитие мировой экономики продемонстрировало, что на смену третичного сектора экономики, связанного с развитием инфраструктурных отраслей, благоустройства территории городов, расширением палитры услуг социокультурного и бытового назначения приходит четвертичный сектор с развитием производства услуг и самих технологий. Активизация потребностей населения и изменение их содержания характеризуют данный этап как рост качественных услуг в сфере производства технологий, научного знания и образования [11, с. 220-229; 8, с.25-31]. Этот фактор предопределил значительные перемены в потребительских настроениях жителей городов, в формах реализации и номенклатуре услуг, а также в функционально-планировочных принципах, положенных в основу проектирования современных объектов социокультурного и торгово-бытового обслуживания населения.

*Результаты исследования.* Городская среда и характер функциональных объектов, аккумулирующих торговые, культурно-развлекательные, рекреационно-познавательные и прочие цели посещения жителями мегаполисов, становятся индикаторами степени провинциальности города, а также уровня его развития и менталитета жителей. Одними из ключевых объектов такой концентрации функций являются сегодня торгово-развлекательные центры, получившие широкое распространение в крупнейших и крупных городах. Сложившаяся на сегодняшний день практика проектирования торговых объектов различного уровня должна совершенствоваться с помощью привлечения обширного

банка междисциплинарной информации, посвященной исследованию современных тенденций изменения социального и пространственного поведения горожан и структуры потребностей, потребления товаров и услуг, а также учету неизбежного перехода от статичного к динамичному пониманию городских коммуникационных связей населения и пространственной инфраструктуры города [16; 17; 15, с. 587-596; 11].

Принимая во внимание тот факт, что услуга материализуется в объекте архитектуры и интенсифицирована в современном городе, важнейшей информацией для осуществления процесса проектирования объектов обслуживания является анализ самого понятия «услуга» и изучение особенностей построения функционально-планировочного каркаса сети, в рамках которого она осуществляется на уровне социальных, экономических, потребительских и пространственных взаимоотношений человека и пространства.

Первые научные исследования, позволившие сформулировать концепцию услуг, появились в Европе в середине XX в. Особый интерес представляла концепция формирования «Общества потребления», в котором доминирует иррациональное удовлетворение потребностей человека с целью определения и утверждения социального положения в иерархии общества [12]. Исследование сферы услуг и потребления в России сформировалось в 90-х гг. прошлого века, послужив основанием для разработки не только новых форматов торговли, но и определения локации этих объектов в планировочной структуре города. Исследования показали, что сложившаяся классификация потребностей в сфере получения материальных благ (товаров) предопределена рядом стадий, когда происходит: а) осознание необходимости приобретения товара, или услуги; б) минимизация временных затрат на приобретение товара или услуги; в) комплексное решение возникших задач в ходе реализации потребности приобретения товара, или услуги; г) приобретение товара или услуги в объектах с высоким уровнем обслуживания, использованием современных технологий и аутентичными эстетическими характеристиками.

Изменения психологических установок и функционально-пространственного поведения

жителей мегаполиса предопределили тот факт, что в XXI в. гигантскими темпами развиваются потребности, выходящие за рамки объективно необходимых для жизнедеятельности человека. Для описания этого явления в научный обиход было введено понятие «формирование полипотребностей», аккумулирующее осуществление материальных и нематериальных задач, решаемых посетителями торгово-развлекательных центров, предлагающих широкий спектр дополнительных к торговле функций рекреации, зрелищ, питания, выставочных мероприятий и пр. [4, с.129-142]. Данное явление охватило практически все развитые страны мира и показало высокие темпы развития в современной России. Представленные функции создают в масштабе торгово-развлекательного центра нетоварные магниты, активно привлекающие население и посетителей, проводящих в этих объектах от 6 до 8 часов в воскресные и праздничные дни вместе с семьями.

Сегодня можно наблюдать активизацию культурно-образовательных и развлекательных функций в крупных торговых центрах, представляющих функционально-планировочные возможности для проведения новых форм досуга населения различного социального, демографического и материального статуса, что, безусловно, ставит перед архитекторами и дизайнерами задачи совершенствования процесса проектирования объектов ритейла разного масштабного уровня (от крупнейших торгово-развлекательных центров регионального и городского уровня до центров-клубов районного масштаба) с учетом современных тенденций изменения потребительского и пространственного поведения жителей мегаполиса.

Помимо таких центров активную роль играют сегодня транзитные пространства городов-мегаполисов, представляющие собой функционально-пространственные коридоры локализации социальной жизни горожан и торгового обслуживания. Мировая практика архитектуры и дизайна располагает массой примеров развития торгового формата "стрит-ритейла", что напрямую связано с привлечением гостей и жителей города, а также повышением потребительских качеств территории и ее инвестиционной привлекательности. В отличие от передовых крупных форматов коммерческой торговли недвижимости, таких как ритейл-парки, аутлет-

центры, сток-центры и прочие, размещение которых предполагает значительные площади за пределами города, торговые улицы характеризуются более камерным масштабом и локацией в различных районах города от центра до периферии [10].

*Выводы.* Проведенная специалистами оценка привлекательности торговых центров ряда российских мегаполисов показала, что системный анализ территориально-планировочной зоны локации центра, его транспортной доступности, спектра предоставляемых услуг и разнообразия функций, уровня обслуживания и номенклатуры товаров определяют дифференциацию посетителей на следующие группы: 1) целевые посетители, ориентированные на реализацию конкретной цели посещения (30%); 2) посетители, ориентированные на реализацию минимального пакета дополнительных функций (40%) и 3) посетители, предусматривающие в одном посещении торгово-развлекательного

центра реализацию максимального пакета функций (30%) [14]. Следует отметить, что это соотношение активно меняется в сторону возрастания в процентном отношении третьей группы потребителей от общего числа посетителей торгово-развлекательного центра российского города-мегаполиса. Помимо развития таких центров формирование торговых улиц может не только создать комфортные условия для обслуживания населения, но и стать мощным инструментом в социально-функциональной и композиционно-пространственной реабилитации периферийных районов города, повышения их потребительской ценности, инвестиционной и туристической привлекательности. Решение этих задач является неотъемлемой составляющей процесса архитектурного и дизайн-проектирования, охватывающего создание комфортной среды на уровне объектной и территориально-пространственной разработки.

1. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / Бурдые П.; пер. с франц. – М.: Институт экспериментальной социологии: СПб: Алетейя, 2005. – 576 с.
2. Воронцова, Ю. С., Каракова, Т. В. Значение визуальных эффектов в коммуникационных пространствах крупных торговых центров / Ю.С. Воронцова, Т.В. Каракова // Приволжский научный журнал. — 2016. — №2 (38). — С.133-137.
3. Волкова, А. В., Глушенкова, К. В., Петрова, Е. Н. Гуманизация общественных пространств как способ повышения качества городской среды/ А.В. Волкова, К.В. Глушенкова, Е.Н. Петрова [Электронный ресурс] // Успехи современного естествознания. – 2021. – № 1. – С. 45-50. — URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=37563> (дата обращения: 18.11.2022).
4. Важенина, И. С. Возвышение потребностей: противоречивая трансформация / И.С. Важенина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. — №32 (38). – С. 129-142.
5. Князева, Е. И. Сетевая теория в современной социологии / Е. И. Князева // Социология. — 2006. — № 2. — С. 82-88.
6. Кастельс, М. Власть коммуникации: перевод с английского / М. Кастельс [Электронный ресурс]. — М.: «Высшая школа экономики», 2016. – 564 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009375271> (дата обращения: 19.12.2022).
7. Каракова, Т. В., Барова, К. Д. Среда жилых районов города как реагент отношения «субъект – архитектурное пространство» / Т.В. Каракова, К.Д. Барова // Известия Самарского научного центра РАН. — 2015. – Т. 17. — № 1. — С. 259-263.
8. Кукушкин, С. Н. Четырехсекторная модель экономики / С.Н. Кукушкин // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. – 2020. — Т. 17. — № 1 (109). — С. 25-31.
9. Латур, Б. Пересборка социального / Бруно Латур. – М.: Издательский дом Высшей Школы Экономики, 2014. – 384 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006773604> (дата обращения: 10. 11.2022).
10. Менис, С. Будущее торговых центров за интерактивными решениями [Электронный ресурс]. — URL: [http://www.arendator.ru/articles/157538-sergej\\_menis\\_buducshee\\_torgovyh\\_centrov\\_za\\_interaktivnymiresheniyami](http://www.arendator.ru/articles/157538-sergej_menis_buducshee_torgovyh_centrov_za_interaktivnymiresheniyami) (дата обращения 20.12.2022).
11. Насырова С. И. Модель удовлетворения потребностей в экономике, ориентированной на человека/ С.И. Насырова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2021. — Т.11. — № 5. — С. 220–229.
12. Нотман, О. В., Багирова, А. П. Привлекательность общественных пространств мегаполиса в оценках его жителей (на примере ТРЦ и парковых зон Екатеринбурга) / О.В. Нотман, А.П. Багирова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 6. — С. 347–364.
13. Панкина, М. В. Дизайн городской среды как средство формирования экологической модели поведения/ М.В. Панкина // Культура и цивилизация. — 2017. — Т.24. — № 7. - С. 289-297.
14. Соломатина, Е. Н. Теоретико-методологические аспекты изучения потребления и потребительских практик в современной социологии/ Е.Н. Соломатина [Электронный ресурс]. // ОБЩЕСТВО: СОЦИОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ,

- ПЕДАГОГИКА. — 2019. — №10(66). — С. 45-49. — URL: <https://teoretiko-metodologicheskie-aspekty-izucheniya-potrebleniya-i-potrebitelskih-praktik-v-sovremennoy-sotsiologii.pdf> (дата обращения: 15.12.2022).
15. Bruz, V. V. Economics and public administration in modern russia: problems and solutions / V. V. Bruz [Electronic resource] // International Transaction Journal of Engineering, Management, & Applied Sciences & Technologies. -2019. Vol. 10 (4). - P. 587–596. — URL: <https://tuengr.com/V10/587.pdf> (дата обращения: 9.12.22).
16. Burukhina, O. S., Serbin, S. A., Vartanyan, S. V., Maltceva, I. N. Modern tendencies in design of public spaces in term of sustainable development / O.S. Burukhina, S.A. Serbin., S.V. Vartanyan, I.N. Maltceva [Electronic resource] // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. — 2019. — Vol. 481. — Iss. 1. — 12040. — URL: <http://www.scopus.com/inward/record.url?partnerID=8YFLogxK&scp=85063810166> (дата обращения: 5.12.22).
17. Cultural and creative ecosystems/The Value of Culture and the Creative Industries in Local Developmen [Electronic resource]. // OECD- 2019- P. 11-15. — URL: <https://www.oecd.org/cfe/leed/2018-SACCI-Handbook.pdf> (дата обращения: 20.12.22).
18. Karakova, T. V., Zaslavskaya, A. Y., Smolenskaya, E.O. City branding. features of urban image design / T.V. Karakova, A.Y. Zaslavskaya, E.O. Smolenskaya // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. International Conference on Civil, Architectural and Environmental Sciences and Technologies, CAEST. С. 012040 [Electronic resource]. — URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/775/1/012040/pdf> (дата обращения: 5.12.2022).

## **ARCHITECTURE AND DESIGN OF THE URBAN ENVIRONMENT IN THE CONTEXT OF CHANGING THE SPATIAL BEHAVIOR OF RESIDENTS OF MEGACITIES**

© 2023 T.V. Karakova

*Tatyana V. Karakova, Doctor of Architecture, Professor,  
Head of the Department of Design  
E-mail: t.karakowa@mail.ru  
Samara State Technical University  
Samara, Russia*

The modern functional and planning environment of megacities is undergoing significant changes under the influence of the restructuring of the system of needs of the population. New forms of territorial and spatial relations, forms of leisure activities, impressions from cultural and entertainment events, the active use of new formats of trade services and public catering, as well as the possibility of implementing a wide range of socio-cultural and commercial and household needs along the way, stimulate the masses of the population to visit shopping and entertainment centers and places of concentration of service facilities on shopping streets of cities. The formation of the most important functional planning nodes and spatial channels in the city largely depends today on the nature and intensity of the population's connections that characterize its spatial and consumer behavior. The active inclusion of interdisciplinary information about the socio-psychological and economic context of this phenomenon becomes the prerogative of forming a bank of pre-project information for the architect and designer of the environment during the development and implementation of programs to improve the urban environment and the most important objects of socio-cultural and commercial services of the population. The article examines the role of shopping streets as a powerful tool in the socio-functional and compositional-spatial rehabilitation of peripheral areas of the city, increasing their consumer value, investment and tourist attractiveness.

*Key words:* megapolis, city, community centers, architecture and urban design, shopping and entertainment centers, shopping street, psychological comfort, spatial and consumer behavior, economic sectors, non-commodity magnets

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-64-69

1. Burd'ye, P. Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki (Social space: fields and practices) / Burd'ye P.; per. s frants. – M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii: SPb: Aleteyya, 2005. – 576 s.
2. Vorontsova, Yu. S., Karakova, T. V. Znachenije vizual'nykh effektov v kommunikatsionnykh prostranstvakh krupnykh torgovykh tsentrov (Significance of visual effects in the communication spaces of large shopping centers) / Yu.S. Vorontsova, T.V. Karakova // Privolzhskiy nauchnyy zhurnal. — 2016. — №2 (38). — S.133-137.
3. Volkova, A. V., Glushenkova, K. V., Petrova, Ye. N. Gumanizatsiya obshchestvennykh prostranstv kak sposob povysheniya kachestva gorodskoy sredy (Humanization of public spaces as a way to improve the quality of the urban environment) / A.V. Volkova, K.V. Glushenkova, Ye.N. Petrova [Elektronnyy resurs] // Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya. – 2021. – № 1. – S. 45-50. — URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=37563> (data obrashcheniya: 18.11.2022).

4. Vazhenina, I. S. Vozvysheniye potrebnoyey: protivorechivaya transformatsiya (Rise of needs: contradictory transformation) / I.S. Vazhenina // *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz.* – 2015. – №32 (38). – S. 129-142.
5. Knyazeva, Ye. I. Setevaya teoriya v sovremennoy sotsiologii (Network theory in modern sociology) / Ye. I. Knyazeva // *Sotsiologiya.* – 2006. – № 2. – S. 82-88.
6. Kastel's, M. Vlast' kommunikatsii (The power of communication) / perevod s angliyskogo / M. Kastel's [Elektronnyy resurs]. – M.: «Vysshaya shkola ekonomiki», 2016. – 564 s. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009375271> (data obrashcheniya: 19.12.2022).
7. Karakova, T. V., Barova, K. D. Sreda zhilykh rayonov goroda kak reagent otnosheniya «sub"yekt – arkhitekturnoye prostranstvo (Environment of residential areas of the city as a reagent of the relationship “subject - architectural space) / T.V. Karakova, K.D. Barova // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2015. – T. 17. – № 1. – S. 259-263.
8. Kukushkin, S. N. Chetyrekhsektornaya model' ekonomiki (Four-sector model of the economy) / S.N. Kukushkin // *Vestnik REU im. G. V. Plekhanova.* – 2020. – T. 17. – № 1 (109). – S. 25-31.
9. Latur, B. Peresborka sotsial'nogo (Reassembly of the social) / Bruno Latur. – M.: Izdatel'skiy dom Vyshey Shkoly Ekonomiki, 2014. – 384 s. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006773604> (data obrashcheniya: 10. 11.2022).
10. Menis, S. Budushcheye torgovykh tsentrov za interaktivnymi resheniyami (The future of shopping centers behind interactive solutions) [Elektronnyy resurs]. – URL: [http://www.arendator.ru/articles/157538-sergej\\_menis\\_budushcheye\\_torgovykh\\_tsentrov\\_za\\_interaktivnymi\\_resheniyami](http://www.arendator.ru/articles/157538-sergej_menis_budushcheye_torgovykh_tsentrov_za_interaktivnymi_resheniyami) (data obrashcheniya 20.12.2022).
11. Nasyrova S. I. Model' udovletvoreniya potrebnoyey v ekonomike, oriyentirovannoy na cheloveka (A model for satisfying needs in a human-oriented economy) / S.I. Nasyrova // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment.* – 2021. – T.11. – № 5. – S. 220–229.
12. Notman, O. V., Bagirova, A. P. Privlekatel'nost' obshchestvennykh prostranstv megapolisa v otsenkakh yego zhiteley (na primere TRTS i parkovykh zon Yekaterinburga) (The attractiveness of public spaces of a metropolis in the assessments of its residents (on the example of the shopping mall and park areas of Yekaterinburg) / O.V. Notman, A.P. Bagirova // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny.* – 2018. – № 6. – S. 347–364.
13. Pankina, M. V. Dizayn gorodskoy sredy kak sredstvo formirovaniya ekologicheskoy modeli povedeniya (Design of the urban environment as a means of forming an ecological model of behavior) / M.V. Pankina // *Kul'tura i tsivilizatsiya.* – 2017. – T.24. – № 7. - S. 289-297.
14. Solomatina, Ye. N. Teoretiko-metodologicheskiye aspekty izucheniya potrebleniya i potrebitel'skikh praktik v sovremennoy sotsiologii (Theoretical and methodological aspects of the study of consumption and consumer practices in modern sociology) / Ye.N. Solomatina [Elektronnyy resurs] // *OBSHCHESTVO: SOTSIOLOGIYA, PSIKHOLOGIYA, PEDAGOGIKA.* – 2019. – №10(66). – S. 45-49. – URL: <https://teoretiko-metodologicheskie-aspekty-izucheniya-potrebleniya-i-potrebitelskikh-praktik-v-sovremennoy-sotsiologii.pdf> (data obrashcheniya: 15.12.2022).
15. Bruz, V. V. Economics and public administration in modern russia: problems and solutions / V. V. Bruz [Electronic resource] // *International Transaction Journal of Engineering, Management, & Applied Sciences & Technologies.* -2019. Vol. 10 (4). - P. 587–596. – URL: <https://tuengr.com/V10/587.pdf> (date of access: 9.12.22).
16. Burukhina, O. S., Serbin, S. A., Vartanyan, S. V., Maltceva, I. N. Modern tendencies in design of public spaces in term of sustainable development / O.S. Burukhina, S.A. Serbin., S.V. Vartanyan, I.N. Maltceva [Electronic resource] // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering.* – 2019. – Vol. 481. – Iss. 1. – 12040. – URL: <http://www.scopus.com/inward/record.url?partnerID=8YFLogxK&scp=85063810166> (date of access: 5.12.22).
17. Cultural and creative ecosystems/The Value of Culture and the Creative Industries in Local Developmen [Electronic resource]. // *OECD- 2019- P. 11-15.* – URL: <https://www.oecd.org/cfe/leed/2018-SACCI-Handbook.pdf> (date of access: 20.12.22).
18. Karakova, T. V., Zaslavskaya, A. Y., Smolenskaya, E.O. City branding. features of urban image design / T.V. Karakova, A.Y. Zaslavskaya, E.O. Smolenskaya // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. International Conference on Civil, Architectural and Environmental Sciences and Technologies, CAEST. C. 012040* [Electronic resource]. – URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/775/1/012040/pdf> (date of access: 5.12.2022).

УДК 008.009:39 (Цивилизация. Культура. Прогресс / Национальная идентичность  
и взаимодействие культур)

## **А.В. АМФИТЕАТРОВ КАК ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

© 2023 И.В. Ключева

*Ключева Ирина Васильевна, кандидат философских наук,  
доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов  
Института национальной культуры*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>

E-mail: [klyueva\\_irina@mail.ru](mailto:klyueva_irina@mail.ru)

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет  
им. Н.П. Огарева  
Саранск, Россия

Статья поступила в редакцию 12.01.2023

Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования интермедиальности как выражения тенденции к созданию целостного полихудожественного пространства в системе культуры. Объект статьи – интермедиальность в русской и итальянской культуре начала XX в.; предмет статьи – интермедиальные тенденции в русской и итальянской скульптуре, а также в художественной критике указанного периода. Исследование носит культурологический характер; в нем использованы сравнительно-исторический и биографический методы. Материалом исследования являются тексты (очерки и письма) 1900–1910-х гг. известного русского беллетриста, публициста, общественного деятеля А.В. Амфитеатрова (1862–1938), связанные с интерпретацией скульптуры как вида изобразительного искусства и с оценкой творчества современных ему русских и итальянских мастеров. Наибольшее внимание писатель уделяет творчеству скульптора С.Д. Эрззи (1876–1959). Рассказывая о личности и творчестве художника, А.В. Амфитеатров демонстрирует осведомленность и заинтересованность в проблемах искусства скульптуры, особенностях его развития в общем контексте культурного континуума 1900–1910-х гг. Литератор «поверяет» художественную ценность скульптурных произведений их связью с музыкой, используя по отношению к ним терминологию литературоведения, театроведения и музыкальные ассоциации. Интермедиальность предстает в его творчестве, с одной стороны, как свойство самих произведений искусства, о которых он пишет, с другой стороны, как принцип их анализа и оценки.

*Ключевые слова:* А.В. Амфитеатров, С.Д. Эрззи, русская и итальянская культура начала XX в. интермедиальность, скульптура, музыка

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-70-75

*Введение.* Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938) известен как беллетрист, литературный и театральный критик, общественный деятель. Родившийся в высококультурной семье, окончивший Московский университет (юридический факультет), он был одним из наиболее широко образованных людей своего времени, человеком энциклопедических знаний, знатоком европейской и русской культуры и искусства. Обладая хорошими вокальными данными, в молодости он начинал карьеру оперного певца, в середине 1880-х гг. учился пению в Италии, однако вскоре сосредоточился на литературных занятиях. Находившийся в оппозиции к российской монархии, затем к

власти большевиков, А.В. Амфитеатров почти половину своей жизни (кратковременно в середине 1880-х гг., затем в 1904–1916 и 1921–1938 гг.) жил в Европе – в основном, в Италии, которая стала его второй родиной. Гостеприимный дом А.В. Амфитеатрова (где бы он ни находился) всегда был царством муз. Его первая жена – Александра Николаевна Левицкая – была певицей; вторая жена – актриса Иллариya Владимировна Соколова – также обладала прекрасным голосом; двое сыновей от второго брака – Даниил и Максим – стали знаменитыми музыкантами. Друг А.В. Амфитеатрова, известный русский революционер Герман Александрович Лопатин, живший у него в Италии в

1907–1913 гг., писал, что все члены семьи писателя любят и ценят музыку, живопись, и это отражается на всем житейском обиходе; музыка звучит в доме каждый вечер [см.: 8, с. 766].

*Методы исследования.* В данном исследовании применяется культурологический подход, предполагающий изучение мира человека в историко-культурном контексте его существования. В нем использованы следующие научные методы: сравнительно-исторический, помогающий выявить общее и особенное в эволюции художественной культуры и ее осмысления в рамках конкретного исторического периода, и биографический, дающий возможность понять причины, обусловившие характер восприятия А.В. Амфитеатровым искусства скульптуры. Материалом исследования являются тексты (очерки («фельетоны»), письма) А.В. Амфитеатрова 1900–1910-х гг.

*История вопроса.* Как подчеркивают исследователи, об «интермедиа» («intermedia») говорил еще английский поэт-романтик С. Кольридж в 1812 г. [см.: 14 с. 972], однако в научный оборот термин «интермедиальность» («Intermedialität») был впервые введен немецким литературоведом О. Ханзеном-Леве, который трактует обозначаемое им явление как семиотический перевод (переложение) с языка одного искусства на язык другого, а также как объединение между различными элементами искусства в мономедийном (односоставном) или мультимедийном (многосоставном, синтетическом) тексте [см.: 13, с. 292].

В последние десятилетия интермедиальный аспект стал весьма востребованным в исследованиях художественной культуры. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. сформировалась специальная научная дисциплина – интермедиальные исследования (Intermedial studies), занимающаяся изучением различных проявлений феномена интермедиальности. В настоящее время интермедиальность может рассматриваться: 1) как способ организации художественного текста (т.е. как объект изучения); 2) как специфическая методология изучения объекта; 3) как теория определенной категории объектов.

Н.В. Тишунина интерпретирует интермедиальность как: 1) «особый тип внутритекстовых взаимосвязей в художественном произведении, основанный на взаимодействии художественных кодов разных видов искусств»; 2) «со-

здание целостного полихудожественного пространства в системе культуры»; 3) «специфическую форму диалога культур, осуществляемую посредством взаимодействия художественных референций» [10]. В.В. Волков подчеркивает, что «интермедиальность в культурологическом... аспекте можно интерпретировать как существо “дискурса культуры”, основывающегося на взаимодействии (перекрестии, пересечении, наложении) искусств; функция художественного текста в данном случае – перевод информации с одного культурного кода на другой, в результате чего текст оказывается носителем двух (или более) культурных кодов одновременно» [6, с. 39].

Шведские исследователи Й. Брун и Б. Ширмахер трактуют феномен интермедиальности в самом широком смысле – как взаимодействие внутри и между различными медиа (т.е. средствами коммуникации и способами передачи информации, в том числе художественной) и утверждают, что интермедиальность существовала всегда, поскольку вся коммуникация мультимодальна и использует различные средства медиа [12, с. 10]. Однако Н.В. Тишунина подчеркивает, что в строгом смысле интермедиальность впервые проявляет себя в конце XIX в. – в рамках образной системы символизма, где имеет место не взаимодополнение искусств (как в романтизме), а «цитация» одного его вида другим; в символизме их взаимодействие всегда имеет интермедиальный характер [см.: 10]. Неслучаен интерес исследователей феномена интермедиальности, включая упоминающихся выше О. Ханзена-Леве [см.: 11] и Н.В. Тишунину [9] именно к символизму (и далее – к авангарду). А.В. Амфитеатров был современником и очевидцем формирования школы русского символизма, общался с рядом его крупнейших представителей (В. Брюсов, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб и др.), однако его творчество было далеко от символистской образности. Его сочинения (как беллетристика, так и художественная критика) никогда не рассматривались исследователями в интермедиальном аспекте.

*Результаты исследования.* Как критик А.В. Амфитеатров занимался прежде всего вопросами литературы и театра (в том числе музыкального), однако он не обходил своим вниманием и другие виды искусства. Писатель сетовал на то, что природа отказала ему в способностях к занятиям изобразительным искус-

ством. Об отсутствии таланта в живописи он никогда не сожалел, хотя любил и понимал ее (что признавали, согласно его утверждению, сами мастера кисти); но особое отношение вызывала у него скульптура – «искусство Прометей и Пигмалиона... в котором зверь и Бог встретились, чтобы смешением форм своих определить человека» [2].

С большим уважением А.В. Амфитеатров относился к творчеству русского скульптора Серафима Николаевича Судьбина (1867–1944), в частности, высоко оценил его портрет А.М. Горького (1904), предложив Совету Третьяковской галереи приобрести его, о чем сообщила газета «Русское слово» [5].

В 1909 г. беллетрист откликнулся фельетоном «Гоголевы дни» на комплекс состоявшихся в России мероприятий по поводу 100-летия со дня рождения Н.В. Гоголя, высказав свое отношение к открытому в Москве памятнику великому писателю, созданному Николаем Андреевичем Андреевым (1873–1932). А.В. Амфитеатров не смог по достоинству оценить это выдающееся произведение искусства («...Впечатление – как от Плюшкина...» [4, с. 8–9]), тем не менее он приветствовал сам факт установки монумента.

А.В. Амфитеатров отмечал самобытность личности и творчества русского скульптора-самоучки Иннокентия Николаевича Жукова (1875–1948), который летом 1911 г. гостил у него в Феццано [см.: 7, с. 328].

В 1909–1914 гг. А.В. Амфитеатров посвятил ряд публикаций искусству скульптуры. Непосредственным стимулом к этому послужило его знакомство с творчеством Степана Дмитриевича Эрзи (Нефедова, 1876–1959), который в 1907–1914 гг. работал в Италии и Франции. Творческий энтузиазм скульптора потряс и захватил беллетриста, он писал об С.Д. Эрзе как о «большом таланте», в котором есть «способность великая, сила могучая», в лице которого «русско-итальянское искусство» обрело «серьезную и уверенную надежду», какую не получало «со времени Паоло Трубецкого» [1].

Давая характеристику личности и творчеству художника, писатель демонстрирует свой интерес к проблемам современной скульптуры, особенностям ее развития в Италии и России, а также осведомленность в этой области. Он совмещает восхищение творчеством и лично-

стью С.Д. Эрзи с критикой российского правительства, подчеркивая ограниченность официального эстетического вкуса, в соответствии с которым для создания памятников выдающимся деятелям русской культуры в Россию приглашаются итальянские скульпторы «второго ранга», в то время как игнорируются выдающиеся отечественные мастера, среди которых одним из самых интересных, по его мнению, является С.Д. Эрзя.

Писатель высоко оценивает таких признанных итальянских скульпторов, как Эрнесто Баццаро (1859–1937), автор памятника писателю и парламентскому деятелю, стороннику Гарибальди Феличе Кавалоти в Милане – с примечательными барельефами, изображающими митинг; выдающийся мастер-символист Леонардо Бистольфи (1859–1933), автор большого количества портретов и монументов; Эрнесто Бьонди (1855–1917), автор бронзовой многофигурной композиции «Сатурналии», получившей Большой приз на Всемирной выставке в Париже (1900) и их более молодые коллеги: Эудженио Барони (1880–1935), работавший в этот период над монументом «Quarto», посвященном гарибальдийцам, и Эудженио Пеллини (1864–1934), известный своими выразительными статуями Христа (прежде всего, «Христос в Гефсиманском саду»); Джованни Джузеппе Фонтана (ок. 1821–1893), «русско-итальянский» скульптор Паоло Трубецкой (1866–1938) [см.: 3].

А.В. Амфитеатров утверждает, что работы всех других итальянских скульпторов-современников, выполненные в белом, похожем на сахар, каррарском мраморе, представляют собой однотипные, шаблонные изваяния, лишенные подлинной художественности. Скульпторов «второго ранга» – Пьетро Канонику (1869–1959), Паскуале Романелли (1812–1887), Этторе Ксименеса (1855–1926), которым российское правительство заказывает памятники, он считает набившими руку ремесленниками, называет «мраморными сахароварами», «производителями красивенького», представителями «зауряд-скульптуры» [3], умеющими штамповать салонные портреты на коммерческий сбыт. Им, по мнению писателя, не под силу монументальные произведения: масштаб размеров предполагает масштабность художественного замысла и соответствующих средств

исполнения: «...памятник требует силы, а его дают делать бессилию», поручают «мастерам кукольных дел» [3].

К «зауряд-скульпторам» А.В. Амфитеатров относит также авторов портретов и произведений надгробной скульптуры, представителей официально-буржуазного вкуса, отмеченного аналитической реалистичностью, чрезмерным вниманием к деталям: Орэнго (вероятно, имеется в виду Луиджи Орэнго (1865–1940), поскольку его отца – также известного скульптора Лоренцо Орэнго (1838–1909) к этому времени уже не было в живых), Антонио Рота (1842–1917) и Санто Саккомано (1833–1914). Произведения этих скульпторов заполняют залы выставок в Риме и Венеции, однако не они привлекают посетителей. Как отмечает писатель, если перед скульптурой стоят зрители и любуются ею, то ее автор – либо (из итальянцев) Леонардо Бистольфи, либо хорват (Амфитеатров называет его сербом) Иван Мештрович (у Амфитеатрова – «Мештрович»), либо Степан Эрзья [см.: 3].

Для наиболее адекватной интерпретации скульптуры беллетрист привлекает терминологию литературоведения, театральные и музыкальные ассоциации, считая, что именно интермедийные связи произведения скульптуры являются показателем его высокого художественного уровня. Критик признает влияние на С.Д. Эрзью выдающихся скульпторов старшего поколения: импрессиониста Трубецкого, символиста Бистольфи, вериста Бьонди. Он утверждает, что в творчестве российского скульптора «часто и долго звучат ноты Паоло Трубецкого. Приходят лейтмотивы Бистольфи (в газете ошибочно напечатано – “Бистоньера”. – И.К.), Бьонди и др. (курсив наш. – И.К.)» [1].

Амфитеатров подразделяет скульптуру (по аналогии с литературой) на лирическую, драматическую и трагическую. Сравнивая творчество С.Д. Эрзьи и жившего в это время в Париже скульптора из Российской империи Наума Львовича Аронсона (1872–1943), он определяет Аронсона как лирика, у С.Д. Эрзьи же, по его мнению, «громко кричит суровая, требователь-

ная драма и, порою, стонет и прокликает трагедия» [2].

Эрзьинские работы писатель ставит в один ряд с трагедиями Эсхила, музыкой Рихарда Вагнера и Людвига Ван Бетховена [2]. (Неслучайно С.Д. Эрзья в конце 1920-х гг., находясь в Аргентине, создаст портрет этого композитора.) Об автопортрете скульптора «Тоска», созданном в Италии в 1907–1908 гг., Амфитеатров говорит: «...Это музыка Бетховена, окаменевшая в мраморе!!!», считая, что впечатление, производимое этой скульптурой, заставляет «разнородные души звучать в унисон на одной и той же страдальческой ноте» [1]. (Следует при этом отметить, что писатель ошибся – работа была выполнена не в мраморе, а в гипсе).

*Выводы.* Несомненно, «музыкальность» – важная черта творчества С.Д. Эрзьи, в котором на рубеже 1900–1910-х гг. отчетливо начали проявляться черты символистской образности. А.В. Амфитеатров, творчество которого (как писателя и как критика) отнюдь не принадлежит к символистскому дискурсу, тем не менее в статьях об С.Д. Эрзье склонен интерпретировать искусство скульптуры в символистском ключе, во многом определившем эстетические параметры и предпочтения эпохи, рассматривая данный вид искусства в аспекте интермедийности. Интермедийность в статьях А.В. Амфитеатрова понимается, с одной стороны, как свойство самих художественных текстов – в частности, как их способность активно коррелировать, вступать в ассоциативные связи с текстами других искусств, что ведет к усложнению, обогащению, «стереофонизации» их семиотической системы, и, таким образом, становится маркером их художественной ценности. С другой стороны, интермедийность предстает у него как принцип анализа и оценки художественных произведений, что предполагает в зрителе (читателе, слушателе) достаточный художественный и общекультурный кругозор, развитое воображение, а от критика (исследователя) требует не узкоспециальной (в рамках одного вида искусства), а широкой культурологической компетентности (которую демонстрирует сам писатель).

1. Амфитеатров, А. Эрзья // Речь. – 22.03(04.04).1909.
2. Амфитеатров, А. Записная книжка // Одесские новости. – 25.08(07.09).1913.
3. Амфитеатров, А. Скульптурный заем // День. – 02.03.1914.
4. Амфитеатров, А. В. Гоголевы дни // Амфитеатров А.В. Заметки сердца. – М.: Тип. А.П. Поплавского. [1909]. С. 7–34.
5. В Третьяковской галерее // Русское слово. 1906. – 26 (13) сент.

6. Волков, В. В. Интермедальность как атрибут художественности (лингвогерменевтика термина) // Вестник РУДН, серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2014. – № 2. – С. 135–140.
7. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка (Литературное наследство. Т. 95). – М.: Наука, 1988. – 1079 с.
8. Дikuшина, Н. И. «Один из талантливейших русских людей» // Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка (Литературное наследство. Т. 95). – М.: Наука, 1988. – С. 758–790.
9. Тишунина, Н. В. Западноевропейский символизм и проблема взаимодействия искусств: опыт интермедального анализа. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 160 с.
10. Тишунина, Н. В. Методология интермедального анализа в свете междисциплинарных исследований // Серия «Symposium», Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Вып. 12. Материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2001. – С. 149. – URL: <http://anthropology.ru/ru/text/tishunina-nv/metodologiya-intermedialnogo-analiza-v-svete-mezhdisciplinarnyh-issledovaniy> (дата обращения: 22.09.2022).
11. Ханзен-Леве, О. А. Интермедальность в русской культуре. От символизма к авангарду. – М.: РГГУ, 2016. – 450 с.
12. Bruhn, J., Schirmacher, B. Intermedial studies // Bruhn J., Schirmacher B. (eds.) Intermedial Studies: An Introduction to Meaning Across Media. – Abingdon, Oxon, N.-Y.: Routledge, 2022. – P. 3–27. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/oa-edit/10.4324/9781003174288-1/intermedial-studies-jorgen-bruhn-beate-schirmacher> (дата обращения: 22.09.2022).
13. Hansen-Löve, A. A. Intermedialität und Intertextualität: Probleme der Korrelation von Wort- und Bildkunst // Dialog der Texte. Wiener Slawistischer Almanach. – 1983. – Sonderband 11. – P. 291–360.
14. Jensen, K. B. Intermediality // The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy. John Wiley & Sons, Inc., 2016. – P. 972–982. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118766804.wbiect170> (дата обращения: 22.09.2022).

#### **A.V. AMFITEATROV AS AN INTERPRETER OF THE ART OF SCULPTURE (INTERMEDIAL ASPECT)**

© 2023 I.V. Klyueva

*Irina V. Klyueva, PhD (philosophical sciences),  
Associate Professor, Department of Culturology and Library Information Resources,  
Institute of National Culture*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>

E-mail: [klyueva\\_irina@mail.ru](mailto:klyueva_irina@mail.ru)

National Research Ogarev Mordovia State University  
Saransk, Russia

The relevance of the topic is due to the need to study intermediality as an expression of the tendency to create an integral polyartistic space in the cultural system. The object of the article is intermediality in Russian and Italian culture at the beginning of the 20th century; the subject of the article is intermedial trends in Russian and Italian sculpture, as well as in art criticism of the specified period. The study is of a culturalogical nature; it uses comparative historical and biographical methods. The material of the study is texts (essays and letters) of the 1900s–1910s by famous Russian novelist, publicist, public figure A.V. Amfiteatrov (1862–1938), which are connected with the interpretation of sculpture as a type of fine art and with the assessment of the work of contemporary Russian and Italian masters. The writer pays the greatest attention to the work of sculptor S.D. Erzia (1876–1959). Talking about the personality and work of the artist, Amfiteatrov demonstrates awareness and interest in the problems of the art of sculpture, the features of its development in the general context of the cultural continuum of the 1900s–1910s. The writer verifies the artistic value of sculptural works by their connection with music, he uses in relation to them the terminology of literature and theater studies as well as musical associations. Intermediality appears in his work, on the one hand, to be a property of the works of art, he writes about; on the other hand, as the principle of their analysis and evaluation.

*Keywords:* A.V. Amfiteatrov, S.D. Erzia, Russian and Italian culture at the early XXth century, intermediality, sculpture, music

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-70-75

1. Amfiteatrov, A. Er'zya (Erzia) // Rech'. – 22.03(04.04).1909.

2. Amfiteatrov, A. Zapisnaya knizhka (Notebook) // Odesskie novosti. 25.08(07.09).1913.
3. Amfiteatrov, A. Skul'pturnyj zaem (Sculpture loan) // Den'. – 02.03.1914.
4. Amfiteatrov, A. V. Gogolevy dni (Gogol days) // Amfiteatrov A.V. Zamety serdca (Heart notes). – M.: Tip. A.P. Poplavskogo. [1909]. S. 7–34.
5. V Tret'yakovskoj galeree (In the Tretyakov Gallery) // Russkoe slovo. 1906. – 26 (13) sent.
6. Volkov, V. V. Intermedial'nost' kak atribut hudozhestvennosti (lingvogermenevtika termina) (Intermediality as an attribute of artistry (linguohermeneutics of the term) // Vestnik RUDN, seriya «Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika». – 2014. – № 2. – S. 135–140.
7. Gor'kij i russkaya zhurnalistika nachala XX veka. Neizdannaya perepiska (Gorky and Russian journalism at the beginning of the 20th century. Unpublished correspondence) (Literaturnoe nasledstvo. T. 95). – M.: Nauka, 1988. – 1079 s.
8. Dikushina, N. I. «Odin iz talantlivejsih russkih lyudej» ("One of the most talented Russian people") // Gor'kij i russkaya zhurnalistika nachala XX veka. Neizdannaya perepiska (Gorky and Russian journalism at the beginning of the 20th century. Unpublished correspondence) (Literaturnoe nasledstvo. T. 95). – M.: Nauka, 1988. – S. 758–790.
9. Tishunina, N. V. Zapadnoevropejskij simvolizm i problema vzaimodejstviya iskusstv: opyt intermedial'nogo analiza (Western European symbolism and the problem of the interaction of arts: an experience of intermedial analysis) . – SPb: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 1998. – 160 s.
10. Tishunina, N. V. Metodologiya intermedial'nogo analiza v svete mezhdisciplinarnyh issledovanij (Methodology of Intermedial Analysis in the Light of Interdisciplinary Research) // Seriya «Symposium», Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka. ("Symposium" Series, Methodology of Humanitarian Knowledge in the 21st Century) Vyp. 12. Materialy mezhdunar. nauch. konf. – SPb., 2001. – C. 149. – URL: <http://anthropology.ru/ru/text/tishunina-nv/metodologiya-intermedialnogo-analiza-v-svete-mezhdisciplinarnyh-issledovaniy> (data obrashcheniya: 22.09.2022)/
11. Hanzen-Leve, O. A. Intermedial'nost' v russskoj kul'ture. Ot simvolizma k avangardu (Intermediality in Russian culture. From symbolism to avant-garde). – M.: RGGU, 2016. – 450 s.
12. Bruhn, J., Schirmacher, B. Intermedial studies // Bruhn J., Schirmacher B. (eds.). Intermedial Studies: An Introduction to Meaning Across Media. – Abingdon, Oxon, N.-Y.: Routledge, 2022. – P. 3–27. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/oa-edit/10.4324/9781003174288-1/intermedial-studies-jørgen-bruhn-beate-schirmacher> (data obrashcheniya: 22.09.2022)/
13. Hansen-Löve, A. A. Intermedialität und Intertextualität: Probleme der Korrelation von Wort- und Bildkunst (Intermediality and intertextuality: Problems of correlating verbal and pictorial art) // Dialog der Texte. Wiener Slawistischer Almanach. – 1983. – Sonderband 11. – P. 291–360.
14. Jensen, K. B. Intermediality // The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy. John Wiley & Sons, Inc., 2016. – P. 972–982. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118766804.wbiect170> (data obrashcheniya: 22.09.2022).

УДК 821.161.1 (Русская литература)

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПОВЕСТИ  
(«ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЛЯ МАРГАРИТЫ» Ю. ШАМАНСКОЙ)**

© 2023 О.Ю. Осьмухина, С.П. Гудкова, Е.А. Белоглазова  
*Осьмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор,  
заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы  
E-mail: [osmukhina@inbox.ru](mailto:osmukhina@inbox.ru)*

*Гудкова Светлана Петровна, доктор филологических наук, доцент,  
профессор кафедры русской и зарубежной  
E-mail: [sveta\\_gud@mail.ru](mailto:sveta_gud@mail.ru)*

*Белоглазова Екатерина Александровна, аспирант  
кафедры русской и зарубежной литературы  
E-mail: [e.a.beloglazova@yandex.ru](mailto:e.a.beloglazova@yandex.ru)*

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева  
Саранск, Россия

Статья поступила в редакцию 19. 01. 2023

В статье представлено научное осмысление православной повести как особой жанровой формы в контексте мощного пласта отечественной православной прозы; обозначены ключевые особенности жанра повести, изучена специфика повести Ю. Шаманской. В ходе исследования было установлено, что современная православная повесть в соответствии с традицией русской классической повести сочетает в себе элементы социально-бытовые, лирико-психологические, «микросреда» для героя – это его ближайшее окружение, действие разворачивается в современности, с которой «прошлое» непосредственно связано, объясняет ее, причем различные аспекты действительности даны не в статике, но в развитии. При этом, в отличие от классической повести, в современной православной повести, во-первых, действие хотя и разворачивается в наши дни, объектом изображения становится современность, но герой уже не равен себе и своему «сюжету»: он изображен в кризисных ситуациях и финальном перерождении; во-вторых, присутствует многослойность (аллюзии к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Преступлению и наказанию» Ф. Достоевского, в связи с чем сюжетное развертывание определяется мотивами двойничества, зеркальности, безумия); в-третьих, ключевую роль играет нравственная проблематика, пафос определяют важнейшая идея – служение Богу как высшей Истине.

*Ключевые слова:* современная проза, повесть, православная повесть, идея соборности, традиция, М. Булгаков, Ф. Достоевский, Ю. Шаманская

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-76-85

*Введение.* На рубеже XX–XXI вв. в русской культуре произошло масштабное обращение к православию. Безусловно, это связано с отменой действующего с 1918 г. декрета об отделении государства от церкви, который был объявлен утратившим силу лишь в 1990 г. (ранее почти восемьдесят лет продолжалась кампания по искоренению религиозных взглядов и формированию новой идеологии). В настоящее время наблюдается своеобразный ренессанс христианства: как в кинематографе (П. Лунгин «Остров», «Царь», А. Прошкин «Орда», С. Антонов «Необыкновенные путешествия Серафимы»), так и в литературе (А. Торик «Флавиан», Я.

Шипов «Райские хутора и другие рассказы», Т. Шипошина «Полион», М. Кучерская «Современный патерик», Ю. Вознесенская «Звезда Чернобыль» и др.), внимание сосредотачивается на православных традициях, житийных сюжетах, актуализируются попытки осмыслить современность, человека как такового сквозь призму религиозных православных ценностей.

Подчеркнем, что в современной отечественной прозе, репрезентующей православную картину мира и разрабатывающей религиозные сюжеты и мотивику, правомерно, на наш взгляд, выделить **две ключевые линии**: во-первых, *творчество светских писателей,*

обращающихся к православной тематике в связи с решением индивидуально-авторских художественных задач; во-вторых, собственно православную прозу, создателями которой являются действующие священнослужители и писатели, позиционирующие себя «православными». Художественные опыты православных писателей не так однородны, как это может показаться на первый взгляд, поэтому внутри православной прозы отметим важнейшие составляющие. Воспользуемся классификацией Н.Н. Гордиенко, которая, правда, применительно к современной поэзии выделила две типологические разновидности православной лирики: «православно-созерцательный и православно-воцерковленный типы духовно-поэтического творчества» [5, с. 6]. Эта же типология, на наш взгляд, вполне приложима и к современной православной прозе, в которой к типу «православно-воцерковленному» правомерно отнести произведения православной духовной прозы, «раскрывающие образ автора как деятельного участника церковной жизни, достигшего цельности и полноты религиозного бытия», живущих «внутри духовной традиции». «Доминантой их мировоззрения является не просто религиозное, но церковное сознание, воссоздание самой реальности Церкви как высшей ценности бытия», соответственно характерными особенностями этого типа прозы будут «внутренняя причастность к литургической традиции, духовной практике молитвы, опыту отцов Церкви, использование иконического пространства и литургического времени» [5, с. 9]. Соответственно «православно-воцерковленный тип» репрезентован в творчестве священнослужителей арх. Тихона (Шевкунова), Н. Агафонова, Я. Шипова, А. Шантаева, А. Дьяченко, С. Михалевица, Алексия Лисняка, А. Торики, А. Мокиевского и др. Творчество же «православно-созерцательного типа» создается приверженцами православной традиции, но не ревнителями, а участливыми наблюдателями и созерцателями ее, жизнь которых протекает не внутри церковной традиции, а вне ее, хотя и в согласии с основными духовными импульсами, порождаемыми ею» [5, с. 7]. К этому типу вполне правомерно отнести прозу Ю. Вознесенской, М. Кучерской, Н. Сухининой, Ю. Шаманской, А. Донских и др.

Актуальность настоящего исследования объясняется необходимостью осмысления православной прозы, прежде всего «православно-созерцательного типа», на материале конкретных

писательских практик, репрезентованных различными жанрами (романа, рассказа, повести).

*История вопроса.* Изначально отметим, что теория жанра повести освещена в многочисленных работах, где литературоведы выделяют ее доминантные признаки, отмечают ее тяготение «к эпичности, к хроникальному сюжету и композиции» [20, с. 15], предлагают различные трактовки жанровой классификации [7; 8; 10; 14; 15; 16], определяют структурные признаки жанра на основе анализа типов сюжетных ситуаций [17]. Согласимся с концепцией В.М. Головки [2–4], согласно которой предметом изображения в повести являются события недавнего прошлого: «в ней “примиряются” актуальность, современность проблематики с “эпической дистанцией” событийного сюжета»; источником ее становится «анализ жизненных процессов в формах уже “случившегося”. В контексте последовательного течения того, как сложилось, сформировалось в итоге то или иное явление»; «отдельные стороны, грани, аспекты действительности воссоздаются в повести не в статике, а в движении, в развитии» [2, с. 75], ее «прошлое» непосредственно связано с современностью, объясняет ее; человек в ней «равен себе, равен своему сюжету», другими словами «завершен» [2, с. 76]. Человек и «микросреда» соотносятся в повести особым образом – это ближайшее окружение героев, их «контекст повседневного бытия» [2, с. 85]. Однако, при всем многообразии исследований, посвященных жанру повести, ни в одном из них не исследуется повесть православная, что и является объектом нашего внимания.

Подчеркнем, что православная повесть в современной отечественной словесности представлена достаточно широко, о чем свидетельствуют «Мои посмертные приключения» Ю. Вознесенской, «Пустынный» К. Певцова, «Заманчивое предложение для Маргариты» Ю. Шаманской, «Птичка в вышине» Н. Смирновой, «Я буду ангелом» Е. Живовой, «Горькая осина» Б. Спорова, «Две повести о любви» И. Денисовой, «Василисса. Записки церковной продавщицы» Н. Кокухина, «Когда рассеется туман» Ю. Шурупова, «Любопытная Варвара» М. Сараджишвили и др. «Средняя» форма, по всей видимости, в наибольшей степени отвечает авторским задачам: повесть концептуально целостна, компактна, визуально обозрима, отличается однородностью дискурса; сюжетное развертывание в ней, как правило, однолинейно, что позволяет

обстоятельно и последовательно воплотить ключевую тему, православное мировоззрение и мировосприятие, систему ценностей и идеалов.

Учитывая большой массив образцов этого жанра в современной православной словесности, мы полагаем необходимым сосредоточиться на анализе наиболее примечательной, на наш взгляд, повести Ю. Шаманской, привлекая материал других православных повестей лишь для контекстуальных сопоставлений. Научная новизна состоит в том, что впервые повесть Ю. Шаманской «Заманчивое предложение для Маргариты» вводится в научный оборот и определяется нами в качестве «православной» в связи и с тематикой (на первый план выходят темы, непосредственно связанные с православием, нравственная проблематика и ключевая идея – служение Богу как высшей Истине), и в жанровом отношении (она сочетает в себе элементы социально-бытовые, лирико-психологические, мистические). Цель нашей статьи – научное осмысление особенностей православной повести как особой жанровой формы в контексте мощного пласта отечественной православной прозы.

*Методы исследования.* В статье использованы сравнительно-исторический, типологический метод, а также метод целостного анализа художественного произведения.

*Результаты исследования.* В «Заманчивом предложении для Маргариты» Ю. Шаманской действие разворачивается в наши дни, объектом изображения становится современность, но многомерное изображение действительности отсутствует: здесь пафос критического анализа ограничен воссозданием губительного влияния на человека оккультных практик, магии и колдовства, увлечение которыми греховно, противоречит православной вере (сходным образом выстраивается, к примеру, и «Я буду ангелом» Е. Живовой, пронизанная пафосом осуждения абортов).

Главная героиня, оказавшись в большом городе и не поступив в институт, вынуждена зарабатывать на жизнь сама, но ровно до тех пор, пока не встречает окруженного демоническим ореолом тайны покровителя, в которого без памяти влюбляется и который «приобщает» ее к магии: «Он говорил, что избрал Маргариту не в возлюбленные, а для высшего служения. И теперь он нарекает ей новое имя Марго. <...> он

хотел сделать ее уникальной ведьмой. В этом высшее служение и заключалось. Уникальной ведьмой она могла стать, только если сохранит девственность. <...> Ярис считал Маргариту своей Галатеей, учил магии, оформил работать в его салон «Фэн-шуй», где в это время было вакантно место ведьмы. <...> Она привыкла не задавать вопросов и жить только его интересами» [22, с. 48-49]. Примечательно, что разрушение родства, отпадение героини от семьи становится началом ее греховного пути (подобный мотив, кстати, традиционен для православной повести и воплощен и в «Звезде Чернобыль» Ю. Вознесенской, и в «Горькой осине» Б. Спорова). Если первоначально ее, воспитанную в селе, скромную и трудолюбивую, город прельщает ровно на столько, чтобы в последствие вернуться на малую родину и открыть частную нотариальную контору, то по мере отдаления от истоков, она уже не помышляет о возвращении домой, обманывает родителей, а преступная связь Маргариты с Ярисом изнутри подтачивает ее целостность. Проникновение «иностранного», иноверного начала в ее достаточно замкнутую жизнь, подталкивает ее к греху, вносит разлад не только в ее «внешнее» существование, но и в душу. Ярис предстает враждебным, чужим началом. Его чужеродность, но оттого и привлекательность для юной героини, подчеркивается портретной характеристикой: «Высокий, по-балетному стройный, с тонкими чертами лица и ухоженными черными кудрями – образ, сошедший с обложки глянцевого журнала» [22, с. 48]. Ведущий затворнический образ жизни, всегда сумрачный и одинокий, считающий себя вампиром Ярис, образ которого воссоздан по шаблонам хрестоматийных персонажей-вампиров, окруженных демоническим ореолом и тайной (достаточно вспомнить князя Цепеша из «Дракулы» Б. Стокера или Эдварда Калина из «Сумерек» С. Майер), словно подтачивает изнутри традиционные жизненные устои и предстает началом враждебным, чужим. Он сознательно противопоставляет себя всему миру («людишкам»), верит в собственную исключительность, считает себя «избранным»; чужеродность его приравнивается к сатанинскому началу, которое сначала проявляется в деталях портрета («черные глаза», «горящие холодным огнем» [22, с. 46], мертвенно-бледное лицо, «злобно-страдальческая гримаса» [22, с. 51]), а затем

материализуется и в сюжете: он зачат в результате сатанинского обряда, принимает участие в ритуалах с жертвоприношениями «богу дождя», пьет кровь животных. И вышеуказанные детали, и работа Маргариты «ведьмой» – воплощенной нечистой силой – вводит в повествование мистический план: inferнальные существа включаются в «микросреду» и начинают управлять событиями человеческой жизни.

Необходимо отметить очевидную параллель, хотя сниженную, с героями булгаковского романа «Мастер и Маргарита»: если история Мастера и Маргариты – история вечной любви, верности и смерти, сочетающая идиллию и трагедию, то любовь «ведьмы» Марго к Ярису – унижительна в своей односторонности. Пересечений с булгаковскими претекстом множество. Во-первых, имя главной героини полностью совпадает с именем ее литературной предшественницы, что, кстати, осознается влюбленным в нее персонажем: «<...> это Маргарита Николаевна <...>. Маргарита! Ну, конечно! Ее просто не могли назвать иначе!» [22, с. 11]. Во-вторых, равно как и героиня М.А. Булгакова готова на все во имя любимого, даже продать свою душу, так и Марго у Ю. Шаманской «была готова именоваться хоть Марго, хоть Горшком и даже пройти через высшее служение, только бы быть с ним» [22, с. 48], с той лишь разницей, что преданность и любовь булгаковской Маргариты вознаграждаются Воландом, тогда как «современная» Марго не получает желаемого и оказывается пленницей тьмы. В-третьих, любовь обеих героинь жертвенна, именно ради любви обе они стали «ведьмами», но булгаковская Маргарита вынуждена быть настоящей ведьмой «от горя и бедствий» лишь на одну ночь, после чего она воссоединяется с возлюбленным. В «Заманчивом предложении...» Марго «работает ведьмой», она избирает это в качестве своего пути и вскоре понимает, что своему покровителю она не нужна и вместо обретения «возлюбленного» заключает сделку с дьяволом, который, кроме богатства, славы и влияния, ничего не может ей предложить.

Хрестоматийно известные детали булгаковского текста тоже обытовляются, переводятся в пародийно-сниженный план: у М.А. Булгакова героев соединяет, как известно, не только вечная любовь, но и Книга, роман, написанный Мастером, дело его жизни, который Маргарита считает и своим: «Тот, кто называл себя мастером, работал, а она, запустив в волосы тонкие с

остро отточенными ногтями пальцы, перечитывала написанное, а перечитав, шила вот эту самую шапочку. <...> Она сулила славу, она подгоняла его и вот тут-то стала называть мастером» [1, с. 409]. Высокая патетика и лиризм претекста у Ю. Шаманской подменяются пошлостью «мистических» обрядов, где «книга» связывает героев для осуществления мелкого колдовства, ибо содержит «рецепты» заклинаний и магические формулы, переписанные от руки, соответственно «книга» является лишь мнимостью, подобием, равно как фикцией оказывается сама «любовь» главной героини с ее «господином»: «Книга была водружена на специальную подставку в углу. Она казалась старинной только сверху, внутри же напоминала обычный студенческий конспект. Заглавия выведены красными чернилами, подзаголовки зелеными, сам текст записан мелким почерком черной шариковой ручкой» [22, с. 18].

Узнаваемы и детали одежды, заимствованные в романе Ю. Шаманской из претекста. Но если у М.А. Булгакова Мастер с гордостью носит шапочку, которую собственноручно изготовила для него возлюбленная («Я – мастер, – он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой “М”. Он надел эту шапочку <...> – Она своими руками сшила ее мне, – таинственно добавил он» [1, с. 404]), а его возлюбленная оказывается в черном плаще после бала у Воланда, то в «Заманчивом предложении...» эти детали контаминируются, носят искусственный характер в многократно повторяющейся сцене ритуала с петухом: «Маргарита вынула из шкафа черный балахон и шапочку, расписанную иероглифами. Надела балахон поверх платья, скинула туфли и приблизилась к трону, бормоча заклинания. Она опустилась перед мэтром на колени и протянула ему шапочку» [22, с. 45].

Снижается и образ князя тьмы – Чет (фонетически трансформированное «чёрт») лишен величественности булгаковского Воланда, в отличие от него, не верит в подчинение моральному закону, в то, что люди могут быть и добрыми, и умными. Действия Воланда закономерны, поступки Чета подчинены случаю; он не разоблачает зло, но воплощает его, вынужденно принимает разные обличья, когда героиня пытается сбежать в родительский дом, прибегает к запугиванию и различным посулам, чтобы подписать с ней договор, что сближает его, скорее,

с «мелкими бесами». Отчетливая аллюзия возникает, кстати, еще и к «Фаусту» И.-В. Гете, когда Марго после трагедии с клиенткой обнаруживает в своем кабинете хохочущую над ней черную собаку (в гетевской трагедии героя преследует черный пес, облик которого принял Мефистофель; в булгаковском романе трость Воланда венчает голова черного пуделя, а цепь с его изображением будет на шее Маргариты в ночь бала сатаны).

Возвращаясь к характеристике «микросреды», играющей в повести важную функциональную роль, отметим, что микросреда изображается преимущественно в масштабах бытовой сферы, – это образ обстоятельств, все персонажи событийного сюжета изображены фактически в одной плоскости. Она достаточно однородна и воздействует на жизненные закономерности героев и их характеры, что характерно для православной повести в целом («Пустынный» К. Певцова, «Птичка в вышине» Н. Смирновой, «Я буду ангелом» Е. Живовой, «Горькая осина» Б. Спорова, «Две повести о любви» И. Денисовой, «Василисса. Записки церковной продавщицы» Н. Кокухина, «Когда рассеется туман» Ю. Шурупова и др.). Введение фантастических образов в непосредственное «бытовое окружение» персонажей в «Заманчивом предложении...» – наглядная демонстрация разных состояний одной реальности, способных существовать параллельно, причем инициатива всегда принадлежит сверхреальному миру (показательны в этом отношении сцены, когда духи мучают Маргариту, преследования ее Четом и т.д.).

Микросреда героини представлена несколькими хронотопами: салона, ее квартиры, квартиры Владимира, родительского дома. Причем по мере просветления Маргариты пространство вокруг нее расширяется, наполняется светом, меняется его цветовая символика. Первоначально она живет в замкнутом, узком пространстве салона: «Было темно, откуда-то лился красноватый свет. <...> Наверху все было зловещего красного цвета, как в старой фотолаборатории» [22, с. 14], окна в этом темном и мрачном помещении были наглухо закрыты черными порттьерами. Очевидно, что в описании и самого салона, и кабинета Марго преобладают черные и бордово-красные тона, что, с одной стороны, соответствует искусственно созданному антуражу «ведьминского» пространства, с другой,

символизирует ад: черный цвет в христианской цветовой символике ассоциируется с сатаной, красный – во-первых, с языками адского пламени, которое сжигает, но не дает света, во-вторых, с красным драконом из Откровения (12:3-4): он «лжет и обманывает, губит и разрушает, и свет, исходящий от него, пугает сильнее, чем тьма: он подобен огню преисподней, который сжигает, но не освещает. Этот красный цвет по своей природе – цвет Дьявола и демонов» [12, с. 45]. Пространству соответствует и облик героини – в салоне она всегда в длинном бархатном черном платье, и влюбленного в нее Владимира несколько пугает мерцание ее глаз, вызывая в памяти «избитый сюжет фильма про вампиров» [22, с. 14–15]. В квартире, маленькой и тесной, куда она возвращается лишь вечером, периодически гаснет свет, ночью ее одолевают демоны, от которых нет спасенья. И чем больше Марго погружается в мир магии, тем глубже затягивает ее мрачный inferнальный мир.

Примечательно, что тема греха, изнутри подтачивающая органику жизни Маргариты, воплощенная в ее занятиях колдовством и в связи с Ярисом, трансформируется в тему искупления, обусловленной ее встречей с Владимиром, который обликом, образом жизни, всем своим существом противоположен Марго. Не случайно, на наш взгляд, что сближение Владимира и Маргариты происходит на следующий день после ее дня рождения, когда она соглашается поехать на пикник, – 14 октября – это в православной традиции великий праздник Покрова Пресвятой Богородицы. На Покров Богородица предстает как ходатаица перед Богом за всех верующих, на землю сходит ее благодать, перерождающая человека, очищающая его любовью от всего темного и греховного [см.: 9].

Черным тонам ада, согласно средневековой теологии, противостоит свет, который, по бл. Августину, есть «зримость неизреченного». По точному наблюдению М. Пастуро, «свет – единственная часть, которая является одновременно и видимой, и нематериальной. <...> Если цвет – это свет, то он по самой своей природе причастен к божественному, ибо Бог есть свет. А, следовательно, дать цвету больше места – значит оттеснить тьму ради торжества света, то есть Бога» [13, с. 47]. В этой связи отметим, что мраку мирка Марго противопоставлен светлый мир дома Владимира и его семьи: сначала героиня

оказывается в загородном доме его старшего брата, перед которым простиралась «залитая солнцем полянка под деревьями» [22, с. 117], на ней был поставлен большой стол, за которым расположились три супружеские пары, Причем «весь вечер Маргариту не покидало чувство, что эти люди какие-то особенные» [22, с. 121]. «Особенность» семьи объясняется достаточно просто – все ее члены верующие, регулярно посещающие храм, исповедующиеся, живущие «по Божьим законам». Любовь, согласие, единение, которые видит героиня, одухотворяют жизнь Володиной семьи, обеспечивают стабильность ее соборного мира. Стремление же Маргариты жить своевольно, греховно, вопреки православным традициям, приводит ее к катастрофе. Примечателен в связи с этим мотив сиротства, характерный для православной прозы вообще («Горькая осина» Б. Спорова, «Пустынник» К. Певцова, «Птичка в вышине» Н. Смирновой, «Я буду ангелом» Е. Живовой, «Две повести о любви» И. Денисовой), но воплощенный здесь специфически. Владимир, оставшийся сиротой после смерти матери, сиротства не ощущает, ибо семья тети, взявшая на себя заботу о нем, принявшая его, стала для него подлинной семьей. Маргарита же, имея полную семью, отпадая от нее, постепенно превращается в сироту духовную, живущую в грехе.

При этом губит свою душу Марго, как ей кажется, постепенно: сначала занимаясь черной магией, затем договариваясь с преследующими ее духами и принося вред нуждающимся в ее помощи клиентам (достаточно вспомнить, к примеру, подростка Петеньку, покончившего жизнь самоубийством, бросившись под трамвай после посещения его матерью Марго, и явившегося в облике призрака к героине, чтобы обвинить ее в гибели его души), и наконец, заключив договор с Четом, губит собственную мать. Однако, когда она признается в своих злодеяниях Владимиру, он отрезвляет ее: «Марго, ты ее продала уже тогда, когда стала заниматься магией. С каждым нашим грехом мы продаем ее. Но пока мы живы, мы можем и должны спастись. Христос поможет» [22, с. 284].

Символика цвета и запаха играет в описании хронотопического пространства немаловажную роль. Мраку салона противопоставлен негасимый свет лампы в квартире Владимира, который символизирует свет божественной благодати, охраняющий ее праведного хозяина: «Теперь зона кухни освещалась лишь желтым

цветом лампы» [22, с. 281]. Образ лампы к тому же есть еще и воплощение Божьего чуда, ибо, как не пытается героиня ее погасить, лампа продолжает светить, освещая божественным светом истины Марго, словно указывая ей верный путь и предостерегая от неверных поступков.

Постепенно, по мере приближения героини к вере, пространство вокруг нее расширяется. После трагического события в салоне первоначально она оказывается в доме старшего брата Владимира, где царят мир и лад. И не случайно долгий путь Марго к Богу начинается со знакомства с семьей, ибо «русская семья испокон века складывалась как соборная общность. Люди, сопричастные традиционному укладу жизни, родным обычаям и отеческой вере, воссоединялись и освящались ею» [18, с. 17]. В семье Владимира героиня обретает некое успокоение, временно забывает о терзаемых ее душу грехах. Именно семья, чтящая родовые устои и живущая в соответствии с Божьими заповедями, является в повести символом охранительницы веры, средоточием соборной традиции, нравственного опыта русского человека. Затем по наитию, неосознанно, Маргарита сама ищет спасения в храме, несмотря на то что нечистая сила принимает разные обличья и делает все, чтобы не пустить ее туда: «Она знала, куда бежит» [22, с. 166]. Трогательный платочек, который ей велено было надеть в церкви, она оставляет у себя. Более того, после посещения церкви она чувствует, что не хочет возвращаться домой. Образ храма в повести становится ценностным центром, который играет организующую роль в духовном возрождении, точнее, перерождении героини. Это своего рода точка отсчета в духовно значимом пространстве повествования – храм задает нравственный вектор в смутном бытии Маргариты, готовой «переродиться». Как указывал Е. Н. Трубецкой, «храм понимается как то начало, которое должно господствовать в мире» [19, с. 10]

Повторно она оказывается в храме, когда возвращается в родительский дом, который, кстати, находится в селе со знаковым названием Троицево. Здесь в пути героини, в ее отпадении от корней и возвращении на родной порог отчетливо просматривается аллюзия к библейской притче о блудном сыне, тогда как сама Маргарита являет собой тип раскаявшейся грешницы. Заметим, то распахнутые двери дериженского храма отнюдь не случайны – это

своего рода метафора возвращения блудной дочери в лоно православия, к истокам: «Воскресная служба еще не отошла, двери были распахнуты. <...> Марго издали перекрестилась, и достала из сумочки платочек матушки. <...> Марго схватилась за притолоку, в глазах потемнело. Она положила голову на резной карниз, украшавший большую икону Богородицы, и прошептала: “Помоги!” Слова, обращенные к образу, возымели действие, девушка <...> почувствовала облегчение. Она вернулась в храм» [22, с. 239–244].

На наш взгляд, образы Маргариты, раскаявшейся грешницы, и Владимира, трепетно любящего ее и пытающегося вернуть ее в лоно православия, вполне сопоставимы с образами Раскольникова и Сонечки из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского. Параллелью образу смиренной, жертвенной любви в образе Сонечки у Ф.М. Достоевского выступает у Ю. Шаманской Владимир. Так, в «Преступлении и наказании», правда, не говорится о влечении Сони к Раскольникову в физиологическом плане, хотя нет и отрицания естественных чувств женщины к мужчине, однако очевидно, что не из страсти и не из жалости она отправляется за ним на каторгу. Ее чувство, в котором растоплена его гордыня, – это подлинная любовь, которая не навязывает себя, любовь тихая, молчаливая, которая “молча” подносит ему Евангелие, на что Раскольников, потрясенный подобной жертвенной любовью, замечает: «Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Её чувства и стремления по крайней мере...» [6, с. 574]. Владимир также не навязывает Маргарите себя и свои чувства – с момента, как он случайно увидел ее на автобусной остановке и вплоть до того, пока, действительно, не приходится спасать её жизнь. Примечательно, что и Владимир, пытаясь ненавязчиво охранить Марго от темных сил, начинает читать Евангелие: «Он <...> взял в руки Библию. Открыл наугад и стал читать вслух. <...> – Ой мне страшно! – пискнула Марго. – Оно говорит со мной. – Слушай Евангелие и шепчи: “Господи, помилуй!” – повелел Владимир <...> И он снова принялся читать Евангелие, а Маргарита начала шептать молитву» [22, с. 176]. Владимир спасает ее не только тогда, когда квартира Марго подвергается вторжению демонов, но и даже после того, как она попыталась его убить, воплощая в

себе идеал христианской любви к ближнему, милосердия, всепрощения. Именно такая любовь становится залогом возрождения героини, ее раскаяния и преодоления ею грехов прошлого. Она, равно как его «способность понимать и прощать» [22, с. 249], особенно ценно и делает Владимира незаменимым для Маргариты.

Спасительной силой предстает и иконописный образ Христа, несколько раз предстающий перед героиней в моменты ее отчаяния: первоначально она обвиняет лик Спасителя в том, что это Он «не защитил» ни ее, ни ее маму, а затем говорит, что «такие, как она» Христу не нужны, после чего ей является чудо: «Она взглянула на лик Спасителя и четко услышала тихий голос, он произнес лишь одно слово: “Нужна!”» [22, с. 285]. «нужность» Спасителю, Его заступничество, Промысел Божий в судьбе Марго, охранительная сила молитвы Владимира и его семьи за отступившую от православия героиню (о силе молитвы говорит и Чет: «Эти люди молятся о тебе» [22, с. 277]) возвращают её в лоно церкви.

Однако, еще не окрепнув в вере, отказавшись от Владимира, который был ее охранительной силой, она вновь оказывается во власти зла, что маркируется, помимо цветовых деталей, мотивами двойничества и зеркальности: «Марго подошла к зеркалу, взяла расческу и замерла, увидев своё отражение. Оно улыбалось улыбкой Чета. Девушка, которую увидела Марго в зеркале, была мало похожа на нее. Она внушала страх и была одета в черную пижаму. Марго взглянула на свою одежду. Пижамы на ней были светлая. Со стороны зеркала послышался негромкий зловещий смех. Марго в панике обернулась – ее отражение, девушка-двойник в черной пижаме, стояла рядом с ней! <...> Марго-двойник в черном подошла к матери сзади и крепко ухватила ее за талию. <...> Девушка в черной пижаме молча потянула за пояс на ситцевом халате женщины. Развязав, она быстро накинула его на тонкую шею <...>. Затем отражение-двойник вернулось в зеркало и начало удаляться вглубь зеркального пространства» [22, с. 258; *курсив наш*].

Зеркало становится своего рода окном в мир мертвых, символической границей земного и потустороннего мира [см.: 11]. В повести оно понимается, как и в фольклоре, неизменным атрибутом смерти (двойник героини, убивающий

ее мать, появляется именно из зеркала) Но одновременно оно источник власти Чета, сил зла над Маргаритой (самого Чета, как мы указывали выше, можно считать персонажем, символически репрезентующим потусторонний, мертвый, мир). Персонифицированный двойник Марго совершает самое страшное преступление – убивает мать героини, внушая ей, что это сделала она. Зеркало в повести Ю. Шаманской еще и признак самоотжества и отсылает к рассказу В. Брюсова «В зеркале» (1902), в котором также посредством зеркала происходит раздвоение сознания героини, расподобление отражения и реальности, причем зеркальное отражение получает власть над оригиналом, что приводит в конечном итоге к сумасшествию. Мотив безумия, непосредственно порожденный зеркальностью, репрезентован и в «Заманчивом предложении...»: после совершенных преступлений Маргарита первоначально оказывается в сумасшедшем доме и лишь усилиями Владимира она переведена в центр для пострадавших от тоталитарных сект при женском монастыре, где под руководством отца Арсения окончательно исцеляется не только физически, но прежде всего духовно.

Финал являет собой счастливое преображение Маргариты, осознавшей собственную вину, степень нравственного падения, прошедшей через испытания, преступления, пережившей сердечную боль и муки совести, но обретшей цельность соборного сознания и принявшей православную истину. Она принимает предложение Владимира, но в свадебное путешествие предлагает отправиться «по святыням Греции», ибо нельзя «быть далеко от Церкви» [22, с. 295].

*Выводы.* Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Повесть Ю. Шаманской «Заманчивое предложение для Маргариты» являет собой хотя и не единственный, но весьма примечательный образец современной православной повести.

Равно как и классическая русская повесть, она сочетает в себе элементы социально-бытовые, лирико-психологические, но, благодаря

обширному аллюзивному слою (отсылки к «Мастеру и Маргарите» М.А. Булгакова, «Преступлению и наказанию» Ф.М. Достоевского), к ним добавляются элементы мистические. Интертекстуальные вкрапления порождают и специфический мотивный комплекс: у М.А. Булгакова заимствуются мотивы двойничества, зеркальности, безумия, у Ф.М. Достоевского идея жертвенной любви, которые синтезируются с типичными для православной повести мотивами греха, искупления, соборности и всепрощения. Действие хотя и разворачивается в наши дни, а объектом изображения становится современность, героиня «Заманчивого предложения...» уже не равна себе и своему «сюжету»: она изображена в кризисных ситуациях и финальном перерождении, которое подчинено центральной идее – служения Господу.

Значимую функциональную роль приобретает микросреда, которая однородна и изображается в масштабах бытовой сферы, все персонажи событийного сюжета изображены фактически в одной плоскости. Введение фантастических образов в непосредственное «бытовое окружение» персонажей – наглядная демонстрация разных состояний одной реальности, способных существовать параллельно, причем инициатива всегда принадлежит сверхреальному миру (сцены мучений Маргариты духами, преследования героини Четом и т.д.). Хронотоп по мере духовного просветления и нравственного очищения героини расширяется, меняется его цветовая символика, что также характерно для православной повести как таковой.

Несмотря на условно-композиционную открытость финала, что свойственно повести как жанру, и сам событийный континуум «Заманчивого предложения...», и концовка адекватны бытийной концепции автора «реального» – это спасительная сила православия. Стремление жить не своевольно, но по воле Божьей, следуя всем православным установлениям, войти в семью, единство которой освящено верой и молитвой, свойственно очистившейся, перерожденной героине в финале повести.

1. Булгаков, М. А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы / Предисл. В. И. Сахарова. – Мн.: Юнацтва, 1988. – 670 с.
2. Головкин, В. М. Историческая поэтика русской классической повести. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 280 с.
3. Головкин, В. М. Поэтика русской повести. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. – 191 с.
4. Головкин, В. М. Русская реалистическая повесть: герменевтика и типология жанра. – М.: МГОПУ; Ставрополь: СГПУ., 1995. – 438 с.

5. Гордиенко, Н. Н. Русская поэзия рубежа XX–XXI вв. в контексте православной духовной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 22 с.
6. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В десяти томах / Под общ. Ред. Л. П. Гроссмана, А. С. Долинина, В. В. Ермилова, В. Я. Кирпотина, В. С. Нечаевой, Б. С. Рюрикова. – М.: ГИХЛ, 1957. Т. 5. – 600 с.
7. Захаров, В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 209 с.
8. Кузьмин, А. И. Повесть как жанр литературы. – М.: Знание, 1984. – 108 с.
9. Митрополит Антоний Сурожский. Проповедь на Покров Божией Матери [Электронный ресурс]. – URL: <https://foma.ru/14-oktyabrya-2013-pokrov-presvyatoj-bogorodiczyi.html> (дата обращения: 25.11.2022).
10. Новикова, Е. Г. Проблема малого жанра в эстетике И. С. Тургенева // Проблемы метода и жанра. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. – С. 13–20.
11. Осьмухина, О. Ю., Танасейчук, А. Б. Специфика преломления готической традиции в романе Г. Леру «Призрак Оперы» // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2019. – №1 (28). – В 2-х томах. – Т. 1 Филология. – С. 76–84.
12. Пастуро, М. Красный. История цвета / пер. с франц. Н. Кулиш. 2-е изд. – М.: НЛЮ, 2022. – 160 с.
13. Пастуро, М. Черный. История цвета / пер. с франц. Н. Кулиш. 4-е изд. – М.: НЛЮ, 2021. – 168 с.
14. Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / Под ред. Б. С. Мейлаха. – Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1973. – 565 с.
15. Русская повесть как форма времени [Отв. ред. А. С. Янушкевич]. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – 336 с.
16. Синенко, В. С. Русская советская повесть 40-х - 1-й половины 60-х годов: поэтика и типология жанра: дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 1969. – 643 с.
17. Тамарченко, Н. Д. Русская повесть Серебряного века (Проблемы поэтики сюжета и жанра). – М.: INTRADA, 2007. – 255 с.
18. Троицкий, В. Ю. Духовность слова: Слово в филологическом образовании и воспитании. – М.: ИТПК, 2001. – 184 с.
19. Трубецкой, Е. Н. Три очерка о русской иконе / [Послесл. И. Панкеева]. – Новосибирск: Изд-во «Сибирь XXI век», 1991. – 110 с.
20. Утехин, Н. П. Жанры эпической прозы. – Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1982. – 185 с.
21. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах [Ре-принт]. – М.: Лепта, 2002. – 812 с.
22. Шаманская, Ю. Заманчивое предложение для Маргариты. Рязань: Зёрна, 2017. – 296 с.

## **THE ARTISTIC ORIGINALITY OF THE MODERN ORTHODOX STORY ("A TEMPTING OFFER FOR MARGARITA" BY Y. SHAMANSKAYA)**

© 2023 O.Yu. Osmukhina, S.P. Gudkova, E.A. Beloglazova

*Olga Yu. Osmukhina, doctor of Philological Sciences,*

*Head of Russian and Foreign Literature Department*

*E-mail: [osmukhina@inbox.ru](mailto:osmukhina@inbox.ru)*

*Svetlana P. Gudkova, doctor of Philological Sciences, Professor*

*of the Department of Russian and Foreign Literature*

*E-mail: [sveta\\_gud@mail.ru](mailto:sveta_gud@mail.ru)*

*Ekaterina A. Beloglazova, PhD student*

*of the Department of Russian and foreign literature*

*E-mail: [e.a.beloglazova@yandex.ru](mailto:e.a.beloglazova@yandex.ru)*

**National Research Ogarev Mordovia State University**

**Saransk, Russia**

The article represents a scientific understanding of the Orthodox story as a special genre form in the context of a powerful layer of Russian Orthodox prose. The key features of the genre of the story are identified, the specifics of Yu. Shamanskaya's story is examined in the article. The study identified that in accordance with the tradition of the Russian classical story, the modern Orthodox story combines elements of social, lyrical and psychological. The "microenvironment"

for the hero is his immediate environment, the action takes place in modernity, directly connected with the "past", explains it, and various aspects of reality given not in statics, but in development. At the same time, unlike the classical story, in the modern Orthodox story, firstly, the action takes place in our days, the present becomes the object of the image, but the hero is no longer equal to himself and his "plot": he is depicted in crisis situations and the final rebirth; secondly, there is a layering (allusions to the novel by M. Bulgakov "The Master and Margarita", "Crime and Punishment" by F. Dostoevsky, in connection with which the plot development is determined by the motives of duality, mirror imagery, madness); thirdly, moral issues play a key role, pathos is determined by the most important idea - serving God as the highest Truth.

*Keywords* Modern prose, story, Orthodox story, the idea of catholicity, tradition, M. Bulgakov, F. Dostoevsky, Yu. Shamanskaya

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-76-85

1. Bulgakov M. A. Belaya gvardiya; Master i Margarita: Romany (The White Guard; The Master and Margarita: Novels). – Minsk, Yunactva Publ., 1988. – 670 p.
2. Golovko V. M. Istoricheskaya poetika russkoj klassicheskoj povesti (Historical poetics of the Russian classic story). – Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2010. – 280 p.
3. Golovko V. M. Poetika russkoj povesti (The poetics of the Russian story). – Saratov, Saratov University Press, 1992. – 191 p.
4. Golovko V. M. Russkaya realisticheskaya povest': germenetika i tipologiya zhanra (Russian realistic novel: hermeneutics and typology of the genre). – Moscow, MGOPU Press; Stavropol', SGPU Press, 1995. – 438 p.
5. Gordienko N. N. Russkaya poeziya rubezha XX–XXI vv. v kontekste pravoslavnoj duhovnoj tradicii (Russian poetry of the turn of the XX–XXI centuries in the context of the Orthodox spiritual tradition). Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. – Moscow, 2008. – 22 p.
6. Dostoevsky F. M. Prestuplenie i nakazanie (Crime and punishment). Dostoevsky F. M. Collected works. In ten volumes. Edited by L. P. Grossman, A. S. Dolinin, V. V. Ermilov, V. Ya. Kirpotin, V. S. Nechaeva, B. S. Ryurikov. – Moscow, GIHL Publ., 1957. – V. 5. – 600 p.
7. Zaharov V. N. Sistema zhanrov Dostoevskogo: Tipologiya i poetika (Dostoevsky's Genre System: Typology and Poetics). – Leningrad, LGU Press, 1985. – 209 p.
8. Kuzmin A. I. Povest' kak zhanr literatury (The novel as a genre of literature). – Moscow, Znanie Publ., 1984. – 108 p.
9. Mitropolit Antonij Surozhskij. Propoved' na Pokrov Bozhiej Materi (Sermon on the Protection of the Mother of God). – URL: <https://foma.ru/14-oktyabrya-2013-pokrov-presvyatoj-bogorodiczyi.html> (accessed: 25.11.2022).
10. Novikova E. G. Problema malogo zhanra v estetike I. S. Turgeneva (The problem of a small genre in the aesthetics of I. S. Turgenev) / Problems of method and genre, 1978. – P. 13–20.
11. Osmuhina O. Yu., Tanasejchuk A. B. Specifika prelomleniya goticheskoy tradicii v romane G. Leru "Prizrak Opery" (The specifics of the refraction of the Gothic tradition in the novel by G. Leroux "The Phantom of the Opera"). – Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev. – 2019. – no. 1 (28). – V. 1 Philology. P. 76–84.
12. Pasturo M. Krasnyj. Istoriya cveta (Red. Color History). – Moscow, NLO Publ., 2022. – 160 p.
13. Pasturo M. Chernyj. Istoriya cveta (Black. Color History). – Moscow, NLO Publ., 2021. – 168 p.
14. Russkaya povest' XIX veka: Istoriya i problematika zhanra (The Russian story of the XIX century: The history and problems of the genre). Edited by B. S. Mejlaha. – Leningrad, Nauka Publ., 1973. – 565 p.
15. Russkaya povest' kak forma vremeni (The Russian story as a form of time). Executive editor A. S. Yanushkevich. – TomskTomsk University Press, 2002. – 336 p.
16. Sinenko V. S. Russkaya sovetskaya povest' 40-h - 1-j poloviny 60-h godov: poetika i tipologiya zhanra (Russian Soviet Novel of the 40s - 1st half of the 60s: poetics and typology of the genre). Prof. Philol. Sci. Syn. Diss. – Ufa, 1969. – 643 p.
17. Tamarchenko N. D. Russkaya povest' Serebryanogo veka (Problemy poetiki syuzheta i zhanra) (The Russian Story of the Silver Age (Problems of the poetics of the plot and genre). – Moscow, INTRADA Publ., 2007. – 255 p.
18. Troickij V. Yu. Duhovnost' slova: Slovo v filologicheskom obrazovanii i vospitanii (Spirituality of the word: the word in philological education and upbringing). – Moscow, ITRK Publ., 2001. – 184 p.
19. Trubeckoj E. N. Tri ocherka o russkoj ikone (Three essays on the Russian icon). – Novosibirsk, "Siberia XXI century" Publ., 1991. – 110 p.
20. Utekhin N. P. Zhanry epicheskoy prozy (Genres of epic prose). – Leningrad, Nauka Publ., 1982. – 185 p.
21. Florenskij P. A. Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoj teodicey v dvenadcati pis'mah (Reprint) (The Pillar and the Affirmation of Truth: The Experience of Orthodox Theodicy in Twelve Letters [Reprint]). – Moscow, Lepta Publ., 2002. – 812 p.
22. Shamanskaya Yu. Zamanchivoe predlozhenie dlya Margarity (A tempting offer for Margarita). – Ryazan, Zyorna Publ., 2017. – 296 p.

УДК 821.161.1 (Русская литература)

## СОН ТАТЬЯНЫ КАК ПРЕДВЕСТИЕ СМЕРТИ ОНЕГИНА

© 2023 В.И. Пимонов

*Пимонов Владимир Иванович, кандидат филологических наук,  
профессор-эмерит (Копенгаген, Дания)*

*E-mail: ivpet65@mail.ru*

Институт кино и телевидения (ГИТР)

Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 02.02.2023

Объект исследования: сон Татьяны в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (ЕО, V, XI-XXI). Предмет исследования: поэтика сна Татьяны. Цель: выяснение роли сна в композиционной структуре романа. Результаты: финальная сцена сна, в которой Онегин убивает Ленского ударом ножа, оказывается скрытым предвестием символической смерти самого Онегина в финале романа (ЕО, 8, XLVIII, 1-10). Мотив гибели главного героя завуалирован в буквенно-звуковом рисунке текста, который содержит в себе анаграмму слова «нож». Насыщение фонетической ткани текста повторами звуков «н, ж, ш» создает переключку эротического мотива, звучащего в строфах о женских «ножках», с мотивом смерти от удара «ножом». Отголосок темы женских «ножек» в предбрачном сневидении Татьяны («То в хрупком снеге с ножки милой / Увязнет мокрый башмачок») акустически подготавливает появление длинного «ножа», который выступает и орудием убийства, и фаллическим символом. В финальной сцене романа мотив ножек и мотив ножа неожиданно совмещаются в звуковом каламбуре «но шпор незапный звон раздался» (8, XLVIII), в котором фонетически соединены нож [нош] и шпора как метонимическая замена ноги. Область применения: литературоведение, пушкинистика, преподавание русской литературы XIX в. Выводы: сон Татьяны включает в себе не только явное предвестие реальной гибели Ленского на дуэли, что многократно отмечалось в пушкинистике, но и скрытое предвестие символической смерти Онегина. Вероятность этой подспудной семантической интерпретации сна обусловлена звуковой организацией текста (повторы, анаграмма).

*Ключевые слова:* Пушкин, Татьяна, Онегин, сон, предвестие, звуковой повтор, анаграмма, сюжет

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-86-91

*Автор признателен С.М. Грачевой, О.Б. Заславскому, Н.Я. Троицкому и Дану Уитмену  
за стимулирующее обсуждение и ценные советы.*

*Введение.* О сне Татьяны в романе «Евгений Онегин» (ЕО, V, XI-XXI) написано много, в том числе ведущими пушкинистами. Выявлена его богатая психологическая и историко-литературная подоплека [5, с. 265-268], но более всего сказано о его фольклорном, ритуальном и мифологическом подтексте. Между тем, важность роли сна Татьяны в композиционной структуре романа подсказывает перенос акцента с историко-литературной, психологической и фольклорной подоплеку на собственно поэтический модус.

*Метод исследования:* работа опирается на структурно-семантический подход, нацеленный на рассмотрение сна во взаимосвязи его структуры и смысла.

*История вопроса.* Первые литературоведческие истолкования сна Татьяны относятся к концу XIX века [7]. История его интерпретации

изложена в статье [16, с. 487-503]. В работе Ю.М. Чумакова [14, с. 104] дан основной список имен выдающихся литературоведов, писавших о сне. Итог предыдущих исследований подведен в [10, с. 145-155].

**Предвестие смерти Ленского.** Стало общим местом говорить о пророческой роли сна Татьяны: «Пушкинисты <...> всегда писали о связях «Сна Татьяны» и романа, отмечая, как правило, предварение будущих событий фабулы» [14, с. 172]. Пророческую подоплеку сна можно разделить на две части: первую связывают с будущим замужеством Татьяны (медведь / Онегин в роли жениха), вторую - с убийством Онегиным Ленского. Нас интересует прежде всего эта вторая составляющая. В критике считается, что сон служит предвестием убийства Ленского на дуэли: «во сне Татьяны <...> есть предвидение факта, не поддающегося рассудочному

толкованию: предвидение убийства Ленского Онегиным» [2, с. 94]. Предлагалась и психологическая трактовка: «Вещий сон Татьяны <...> не только предвещает убийство Онегиным Ленского, но и заставляет героиню смутно осознать сущность того, отнюдь не бесплотного чувства, которое питает она к Онегину» [8, с. 195]. Тезис о сне как предвестии дуэли, повторен в другой работе: «... очевиден пророческий смысл сна: в нем предсказывается центральный трагический эпизод романа - убийство Онегиным Ленского» [6, с. 218-222]. Соображение о более сложной композиционной роли сна Татьяны, чем предвестие дуэли, было высказано в раннем исследовании: «Значительная по своей величине часть — эпизод сна Татьяны — не может быть объяснена как случайно разросшийся прием предварения: она несет в себе обязанности гораздо более сложные и, с точки зрения архитектуры романа, вполне целесообразна» [11, с. 308]. На сегодняшний день сон как предвестие смерти Ленского на дуэли остается в пушкинистике общепринятым постулатом.

Спор громче, громче; вдруг Евгений  
Хватает длинный **нож**, и вмиг  
Повержен Ленский; страшно тени  
Сгустились; нестерпимый крик  
Раздался... хижина **шатнулась**...  
И **Таня** в ужасе проснулась....  
(ЕО 5, XXI, 1-6).

Бросается в глаза продергивание через всю строфу звуков «**н, ж, ш**», перестановка которых в разных словах в комбинации с «**о**» образует слово *нож*. Таким образом, ключевое слово сцены, обозначающее орудие убийства (и служащее *знаком смерти*) зашифровано в анаграмме. Под анаграммой понимается перестановка букв в слове или в нескольких словах в любом порядке, образующая новое слово [3, с. 165]. Появление *ножа* в сцене убийства подготовлено звукописью в первой части сна Татьяны: «Медведь промолвил: здесь мой кум: / Погрейся у него **немножко!**» (в наречие *немножко* «вмонтировано» существительное - *нож*, - В.П.).

**Предвестие смерти Онегина.** В настоящей работе предлагается трактовка сна Татьяны, согласно которой в нем заключено не только очевидное предвестие реального убийства Онегиным Ленского на дуэли, но и скрытое предвестие символической смерти самого Онегина в финале романа.

*Результаты исследования.* Принципиальное различие между смертью Ленского в сне Татьяны и его реальной гибелью обусловлено тем обстоятельством, что на дуэли Онегин убивает его выстрелом из пистолета, а в сновидении - ударом ножа. Такая смена орудия убийства одного и того же персонажа сначала в сновидении, потом - наяву, не может быть случайной. По существу, мы имеем дело с двумя убийствами Ленского. Покажем, что появление мотива *ножа* в сне Татьяны имеет содержательный смысл в сюжете.

**Анаграмма.** Рассмотрим звуко-буквенный узор финального эпизода сна Татьяны, в котором Онегин убивает Ленского (буквы в тексте выделены нами для более наглядной демонстрации звукописи, - В.П.).

Заметим, что предвестия, выраженные с помощью звукописи, характеризует весь текст сна Татьяны. Например, звуки в строке: «Другой с **петушьей** головой» предвещают приход на именины Петушкова - «Уездный франтик **Петушков**»; «Там **карла** с хвостиком» - появление Харликова - «С семьей Панфила **Харликова**»; «Вот **рак** верхом на пауке» - приезд Трике - «Приехал и мосье **Трике**». [1, с. 178-192].

**Звуковой узор.** Теперь присмотримся к звуко-буквенному узору финальной сцены романа (в скобках нами выделены повторяющиеся буквы и звуки, которые при перестановке образуют анаграмму слова *нож*, - В.П.):

**Она ушла.** Стоит Евгений, ([**о-н-ш**] = **нож**)  
Как будто громом поражен. ([параж`**он**] = **нож**)  
В какую бурю **ощущений**  
Теперь **он** сердцем **погружен!** ([пагруж`**он**] = **нож**)  
**Но шпор** незапный звон раздался, ([**ношпор**] = **нож**)

И муж Татьянанин показался, ([ш-н-н-о] = нож)  
И здесь героя моего,  
В минуту, злую для него,  
Читатель, мы теперь оставим,  
Надолго... навсегда...  
(ЕО 8, XLVIII, 1-10)

Насыщение текста финальной сцены романа звуковыми повторами «н, ж, ш» снова образует анаграмму слова *нож*, связанного в сне Татьяны со смертью. Страдательные причастия «поражен» и «погружен», обозначающие обездвиженное состояние Онегина в концовке, фонетически перекликаются с причастием «повержен», которое обозначает смерть Ленского в сне. При прочтении последнего слога всех трёх слов справа налево [жон] звучит слово *нож*.

**Шпора генерала.** Изошренным образом мотив *ножа* закамуфлирован в звуковом узоре строки «**Но шпор незапный звон** раздался», первые три буквы которой звучат как [нош] - *нож*. Этот прием напоминает разновидность звуковой игры, которую А.С. Пушкин однажды использовал во фразе: «Детина полуумный лежит на диване» - «Дети на полу, умный лежит на диване» [12, с. 13-14].

**Нож в сердце.** Мы показали, что мотив *ножа*, связанный с темой *смерти* в сне Татьяны, неожиданно вновь читается в звуковой партитуре финальной сцены романа. Мотив повторяется в двух узловых точках сюжета, что допускает его интерпретацию: в первом случае – как предвестия, а во втором – как актуализацию этого предвестия. Прием предвестия обычно характеризуется реализацией иносказания в буквальном смысле. В данном случае ситуация обратная: «реальное» событие - убийство ножом (хотя и происходящее в сновидении) актуализируется в основном действии в иносказательной форме. В финальной сцене романа спрятанный

в анаграмме мотив *ножа* ассоциируется с символической гибелью Онегина. Обрыв повествования содержит намек на конец главного героя, оставляя простор для воображения пушкинистов. Иногда художники и режиссеры пытаются выразить скрытый замысел автора: в финале балета «Онегин» в постановке Бориса Эйфмана оскорбленный муж засаживает главному герою под сердце острый нож [13, с. 15].

**Дон Гуан.** Идея о вероятной смерти героя в результате столкновения с неожиданно «показавшимся» мужем Татьяны высказывалась ранее [9, с. 79]. Заключительную сцену романа также сопоставляли с гибелью Дон Гуана в «Каменном госте»: «Удар грома (пусть метафорический), звон шпор <...>, злая минута и оставление навсегда - едва ли не полный, хотя и собранный по частям, эквивалент картины гибели Дон Гуана» [4, с. 41].

**Ножки и нож.** Звуко-буквенный узор, сотканный с помощью продергивания через текст согласных «н, ж, ш», образует неожиданную перекличку мотива *ножа* с мотивом женских *ножек*. Эта перекличка образует ассоциативную связь между эротической темой, выраженной мотивом женских *ножек*, и темой смерти, выраженной мотивом *ножа*. Звукопись в строфах о *ножках* фонетически предвещает появление *ножа* в сне Татьяны. Приведем строки, характеризующие звуковую оркестровку мотива (в скобках нами выделены согласные, входящие в состав слов *ножки* и *нож*):

Театр уж полон; ложи блещут; (ш-н-ж)  
И, взвившись, занавес шумит. (ш-н-ш)  
Блистательна, полувоздушна, (н-ш-н)  
Смычку волшебному послушна, (ш-н-ш-н)  
Толпою нимф окружена, (н-ж-н)  
Другую медленно кружит, (н-н-ж)

Звуковая подготовка мотива женских *ножек* повтором звуков *н-ж-ш* завершается ее реализацией в последней строке строфы, в которой подспудно звучит и слово *нож* [нош]: «И быстрой **ножкой** **ножку**

бьет». (ЕО 1, XX). Тот же прием звуковой подготовки слова *ножки* повтором **н-ш-ж** слышится в последующих строфах:

Вот **наш** герой подъехал к сеньям; (**н-ш-н**)  
Швейцара мимо он стрелой (**ш-н**)  
Вошел. Полна народу зала; (**ш-н**)  
Кругом и шум и теснота; (**ш-н**)  
Бренчат кавалергарда шпоры; (**н-ш**)  
Летают **ножки** милых дам; [**нош**]  
(ЕО 1, XXVIII)

Я много жизни погубил! (**н-ж**)  
Люблю я бешеную младость, (**ш-н**)  
Люблю их **ножки**; только вряд [**нош**]  
Три пары стройных женских ног. (**ж-н-н**)  
Две **ножки**...[**нош**]  
(ЕО 1, XXX)

**Фаллический символ.** Отголосок мотива женских *ножек* в сновидении Татьяны («То в хрупком снеге с **ножки** милой / Увязнет мокрый башмачок» - 5, XIV) акустически подготавливает появление в действии **ножа**, который выступает не только орудием убийства, но и фаллическим символом. Эротическая подоплека финальной сцены сна, где Татьяна на скамье «чуть жива лежит» и с ужасом наблюдает за тем, как Онегин «хватает длинный нож», выявляется в контексте женской символики «двери», в которую «украдкою глядит» Онегин: «Онегин за столом сидит /

И в **дверь** украдкою глядит...» (8, XVII) В то время, как Татьяна «И любопытная теперь / немного **растворила дверь** ...» (5, XVIII). И далее: «Татьяна силится бежать: / <...> / Не может; **дверь** толкнул Евгений: / И взорам адских сновидений / Явилась **дева**» [15, с. 503-504]. Картина пробуждения Татьяны в момент «нестерпимого крика» имеет очевидный эротический подтекст, аранжированный чередованием звуков **ж-н-ш**, образующих в сочетании с **о** анаграмму слова *нож* (ср. «длинный нож» Онегина):

Повержен Ленский; страшно тени (**ж-н-н-ш-н-н**)  
Сгустились; нестерпимый крик  
Раздался... хижина **шатнулась**... (**ж-н-ш-н**)  
И Таня в ужасе проснулась.... (**н-ж-н**)  
(5, XXI)

**Башмачок и сапог.** В финальной сцене романа мотив *ножек* и мотив *ножа* неожиданно совмещаются в упомянутом выше звуковом каламбуре «**но шпор** незапный звон раздался» (8, XLVIII). Здесь фонетически соединены *нож* [**нош**] и *шпора* [**ношпор**], которая служит метонимической заменой *ноги*. Подспудно слышится и переключка между *башмачком на женской ножке* Татьяны («То в хрупком снеге с *ножки* милой / Увязнет мокрый башмачок» - 5, XIV) и *сапогом на мужской ноге* ее мужа, поскольку *шпоры* крепятся именно на этом виде обуви. Вместо эфемерной *ножки* Татьяны, о которой привидевшийся ей в предбрачном сне «жених»-Онегин сказал «Мое!» (5, XX, 1), наяву перед Онегиным материализуются *ноги* ее мужа-генерала,

чье появление предваряется «звоном шпор». Виртуальный контраст между *ножкой* милой Татьяны и *ногами* ее мужа (в сапогах со *шпорами*) имеет предвестие в первой главе: «Бренчат кавалергарда *шпоры*; / Летают *ножки* милых дам» (ЕО 1, XXVIII).

**Выводы.** Сон Татьяны включает в себе не только явное предвестие реальной гибели Ленского на дуэли, что многократно отмечалось в пушкинистике, но и скрытое предвестие символической смерти Онегина в финале. Мотив *ножа*, связанный с темой *смерти* в сне Татьяны, обретает неожиданное звучание в заключительной сцене романа, в которой он зашифрован в анаграмме. Вероятность подспудной семантической интерпретации сна Татьяны как

предвестия гибели Онегина обусловлена звуковой организацией текста (повторы, анаграмма). Звуко-буквенный узор «Евгения Онегина»

содержит подспудные смыслы, обнаружение которых становится возможным при углубленном всматривании и вслушивании в текст.

1. Гербстман, А. И. Звукопись Пушкина // Вопросы литературы. – 1964. – № 5.
2. Гершензон, М. О. Сны Пушкина // Пушкин. Сб. 1. – М.: 1924. – 385 с.
3. Давыдов, С. С. Звуковое хозяйство Пушкина // Stanford Slavic Studies. Volume 35. Russian Literature and the West. A Tribute for David M. Bethea, part 1. – Stanford, 2008. – 356 p.
4. Жолковский, А. К. К описанию смысла связного текста. VI : Ч. I / Предварительные публикации / Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Выпуск 76. – М.: 1976. – 48 с.
5. Лотман, Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
6. Матюшенко, А. Г., Панков Ф. И. Сон Онегина (к вопросу о зеркальности композиции романа в стихах А.С. Пушкина). Сборник: Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. Том 7. – М.: МГУ, 2005. – 240 с.
7. Миллер, В. Ф. Пушкин, как поэт-этнограф: с приложением неизданных народных песен, записанных А. С. Пушкиным / [соч.] проф. Всеволода Миллера. – М., 1899. – 63 с.
8. Осповат, Л. С. «Влюбленный бес»: Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821–1831 гг // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. 12. – Л.: Наука, 1986. – 464 с.
9. Пимонов, В. И. Что случилось с Онегиным? Поэтика финала пушкинского романа. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. –Т. 24. – № 85. – С. 78-83.
10. Попович, Т. А.С. Пушкин в диалоге с другим. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2018. – 253 с.
11. Самарин, М. П. Из маргиналий к «Евгению Онегину». Место и роль сна Татьяны в композиции «Евгения Онегина» // Наукові записки науководслідчої катедри історії української культури. – 1927. – № 6. – 487 с.
12. Федин, С. Н. Равнобуквицы // «Тит». – 2001. – № 11. – С. 13-14.
13. Федорченко, О. Нож в сердце Онегина. Газета «Коммерсантъ С-Петербург». – № 40. – 06.03.2009.
14. Чумаков, Ю. М. Сон Татьяны как стихотворная новелла // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина: Сб. - СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. – 432 с.
15. Gregg, R. A. Tat'yana's Two Dreams: The Unwanted Spouse and the Demonic Lover // The Slavonic and East European Review. – 1970. – Vol. 48. – No. 113. – Pp. 492-505.
16. Matlaw, R. E. The Dream in «Yevgeniy Onegin», with a Note on "Gore ot Uma" // The Slavonic and East European Review. – 1959. – Vol. 37. – No. 89. – Pp. 487-503.

## **TATYANA'S DREAM AS A FORESHADOWING OF ONEGIN'S DEATH**

© 2023 V.I. Pimonov

*Vladimir I. Pimonov, Ph.D in Philology, professor emeritus*

*(Copenhagen, Denmark)*

*E-mail: ivpet65@mail.ru*

**GITR Film & Television School**

**Moscow, Russia**

Object of the article: Tatyana's dream in the novel in verse by A. S. Pushkin "Eugene Onegin" (EO, V, XI-XXI). Subject of the article: the poetics of Tatyana's dream. Purpose of research: discovering the role of the dream in the compositional structure of the novel. Results: the author argues that the final scene of Tatyana's dream, in which Onegin kills Lensky with a knife, is, in fact, a covert foreshadowing of the symbolic death of Onegin himself at the end of the novel (EO, 8, XLVIII, 1-10). The motif of the protagonist's death is concealed in the letter-sound pattern of the text that contains an anagram of the word knife (nozh). Tense repetition of sounds н-ж-ш (n-zh-sh) throughout the novel creates a connection between the erotic motif in the stanzas devoted to praising women's "legs" (nozhi) and the motif of death from a "knife" (nozh) strike. An echo of the motif of women's "legs" (nozhi) in Tatyana's prenuptial dream ("To v hrupkom snege s nozhki miloj / Uvjaznet mokryj bashmachok") acoustically foreshadows the appearance of a long "knife" (nozh), which has a double meaning: as a murder weapon and a phallic symbol. In the final scene of the novel, the motif of legs [noshki] and

the motif of the knife [nosh] are unexpectedly combined in a sound pun “no shpor nezapnyj zvon razdalsja” (8, XLVIII) in which the knife [nosh] is phonetically connected with the spur [no-shpor] that is a metonymic replacement of the foot. Field of application: literary criticism, Pushkin studies, teaching Russian literature of the 19th century. Conclusion: Tatyana's dream contains not only an obvious foreshadowing of the real death of Lensky in a duel, which has been repeatedly mentioned in Pushkin studies, but also a covert foreshadowing of Onegin's symbolic death. The possibility of this alternative semantic interpretation of the dream is based on the sound pattern of the text (repetitions, anagram).

*Key words:* Pushkin, Tatyana, Onegin, dream, foreshadowing, sound repetition, anagram, plot

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-86-91

1. Gerbstman, A. I. Zvukopis' Pushkina (Pushkin's Sound Pattern) // *Voprosy literatury (Problems of Literature)*. – M.: 1964. – № 5.
2. Gershenzon, M. O. *Sny Pushkina (Pushkin's Dreams)* // *Pushkin. Sb. 1.* – M., 1924. – 385 s.
3. Davydov, S. S. *Zvukovoe hozjajstvo Pushkina (Pushkin's Sound World)* // *Stanford Slavic Studies. Volume 35. Russian Literature and the West. A Tribute for David M. Bethea, part 1.* – Stanford, 2008. – 356 p.
4. Zholkovskij, A. K. *K opisaniju smysla svjaznogo teksta (On the description of the meaning of the connected text)*. VI : Ch. I / *Predvaritel'nye publikacii (Preliminary Publications)* / Institut russkogo jazyka AN SSSR. *Problemnaja gruppa po jeksperimental'noj i prikladnoj lingvistike (The Institute of the Russian Language of the Academy of Sciences of the USSR. A research group on the experimental and applied linguistics)*. Vypusk 76. – M.: 1976. – 48 s.
5. Lotman, Ju. M. *Roman A.S. Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij (A.S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin". Commentary)*. – L.: Prosveshhenie, 1983. – 416 s.
6. Matjushenko, A. G., Pankov F. I. *Son Onegina (k voprosu o zerkal'nosti kompozicii romana v stihah A.S. Pushkina) (Onegin's Dream (on the problem of a mirror composition of the novel))*. *Sbornik: Slovo. Grammatika. Rech' (Collection: Word – Grammar – Speech)* Vyp. VII: *Sbornik nauchno-metodicheskikh statej po prepodavaniju RKI (A Collection of scientific-methodological papers on teaching RKI)*. Tom 7. – M.: MGU, 2005. – 240 s.
7. Miller, V. F. *Pushkin, kak pojet-jetnograf: s prilozheniem neizdannykh narodnykh pesen, zapisannykh A. S. Pushkinym (Pushkin as a Poet-ethnographer: with a supplement of the unpublished folk songs, put down by A.S. Pushkin)* / [soch.] prof. Vsevoloda Millera (writings of professor Vsevolod Miller). – M., 1899. – 63 s.
8. Ospovat, L. S. «Vljublennyj bes»: Zamysel i ego transformacija v tvorcestve Pushkina 1821–1831 gg («The Devil in Love»: The Idea and its Transformation in work of Pushkin in 1821-1831) // *Pushkin: Issledovanija i materialy / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin Dom). (Pushkin: Research and Materials / The Academy of Sciences, USSR. The Institute of the Russian Literature (The Pushkin House))*. T. 12. – L.: Nauka, 1986. – 464 s.
9. Pimonov, V. I. *Chto stalos' s Oneginym? Pojetika finala pushkinskogo romana (What Happened to Onegin? The Poetics of the End in Pushkin's Novel)* // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki (Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences)*. – 2022. – T. 24. – № 85. – S. 78-83.
10. Popovich, T. *A.S. Pushkin v dialoge s drugim (A.S. Pushkin in a Dialog with the Other)*. – Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2018. – 253 s.
11. Samarin, M. P. *Iz marginalij k «Evgeniju Oneginu». Mesto i rol' sna Tat'jany v kompozicii «Evgenija Onegina» (From the Notes on "Eugene Onegin". The Place and Role of Tatyana's Dream in the composition of "Eugene Onegin")* // *Naukovi zapiski naukovodoslidchoj katedri istorii ukraïnskoj kul'turi (Scientific Notes of the Scientific-research Department of the History of the Ukrainian Culture)*. – 1927. – № 6. – 487 s.
12. Fedin, S. N. *Ravnobukvicy (Pantogramms)* // «Tit». – 2001. – № 11. – S. 13-14.
13. Fedorchenko, O. *Nozh v serdce Onegina (The Knife in the Heart of Onegin)*. *Gazeta "Kommersant" ("Commersant" newspaper)*. – № 40. – 06.03.2009.
14. Chumakov, Ju. M. *Son Tat'jany kak stihotvornaja novella (Tatyana's Dream as a Short Story in Verse)* // Chumakov Ju. N. *Stihotvornaja pojetika Pushkina (Pushkin's Poetics in Verse): Sb.* – SPb.: Gosudarstvennyj Pushkinskij teatral'nyj centr v Sankt-Peterburge, 1999. – 432 s.
15. Gregg, R. A. *Tat'yana's Two Dreams: The Unwanted Spouse and the Demonic Lover* // *The Slavonic and East European Review*. – 1970. – Vol. 48. – No. 113.
16. Matlaw, R. E. *The Dream in «Yevgeniy Onegin», with a Note on "Gore ot Uma"* // *The Slavonic and East European Review*. – 1959. – Vol. 37. – No. 89.

УДК 74.01/.09 (Теория, эстетика, техника искусства. Истории и стили. Объекты изображения. Применение и т.п.)

## **ИЛЛЮСТРАЦИЯ 360° В СОВРЕМЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ**

© 2023 Т.Е. Фадеева

*Фадеева Татьяна Евгеньевна, кандидат искусствоведения,  
доцент Школы дизайна Факультета креативных индустрий  
E-mail: tfadeeva@hse.ru*

Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики»  
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 14.02.2023

Объект статьи: произведения современных художников, работающих с форматом 360° и создающих т.н. «сферические иллюстрации» или иллюстрации 360°, управляемые панорамные изображения. В качестве материала отобраны произведения, отражающие типы стратегий работы художников с данным медиумом, демонстрирующие связь между замыслом художника и формальным, структурным решением произведения. Предмет статьи: специфика иллюстрации 360°, ее выразительные возможности, а также стратегии художников, которые обращаются к этому формату как инструменту эстетического воздействия на зрителя в контексте современного коммуникационного общества. Исследование посвящено активно развивающемуся феномену иллюстрации 360°, который в настоящее время пользуется всё большей популярностью среди художников и очерчивает новые эстетические горизонты для иллюстрации как вида искусства. Основная цель исследования – выявление специфики феномена сферической иллюстрации в современной визуальной культуре, контекстуализация иллюстрации 360° в поле современной визуальной культуры. Автором были сделаны следующие выводы: иллюстрация 360° является предельной версией структуры классического живописного изображения с прямой перспективой, которая в то же время осуществляет «коперниканский переворот» в плане отношения зрителя к художественному образу (из пассивного реципиента он превращается в активного интерпретатора и соавтора художника), таким образом, с одной стороны, иллюстраторы получают расширяют репертуар собственных выразительных средств (отчасти заимствуя приемы экранных искусств), и, с другой стороны, зритель получает возможность оказаться «внутри» изображения и пережить это как субъективный эстетический опыт.

*Ключевые слова:* иллюстрация 360°, сферическая иллюстрация, панорамная иллюстрация, цифровая иллюстрация, современная иллюстрация, медиаискусство

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-92-99

*Введение.* Иллюстрация 360°, или сферическая иллюстрация – это управляемое панорамное изображение. Оно словно окружает исходную точку, в которой находится зритель, а не располагается прямо перед ним. Иллюстрация 360° позволяет имитировать движения головы – с помощью курсора мыши или поворота смартфона мы можем рассмотреть предмет с разных сторон, сверху и снизу, а в некоторых случаях допустимо и применение инструментов масштабирования, т.е. мы имеем возможность отодвигать от себя или приближать к себе «картинку», фокусируясь на том элементе изображения, которое вызвало у нас особенный интерес. Исследование подобной возможности выстраивания повествования в условиях медиума нового типа, т.е. изображения без границ кадра, привлекает многих современных художников.

[Изначально отметим, что для обозначения и средств, и среды, и середины в латинском языке используется одно и то же слово – *medium*. В искусствоведении медиум – это средство художественного выражения, инструмент создания художественного образа. При этом в рамках современного искусства художественным медиумом может выступать практически что угодно].

В связи с этим Майкл Раш, американский историк и теоретик медиаискусства, справедливо отмечает: «Художники, которых технических прогресс не пугает, а подталкивает к использованию новых техник, видят себя частью этих перемен и стремятся продемонстрировать свою причастность к ним» [7, с. 9].

*История вопроса.* Обращение к формату сферической иллюстрации позволяет художнику задействовать пространство «вокруг»

пользователя, расширив количество визуальной информации, доступной зрителю,

наполнить «объёмный» кадр большим количеством деталей (рис. 1).

Рис. 1. М. Джонстон. «Мир Мэтта 360°» (скриншот с сайта художника: <https://mattjohnstone.co.uk/work>)  
(M. Johnston. "Matt's World 360°" (screenshot from the artist's website))



Подобные изображения, предназначенные для показа с помощью электронных устройств (включая мобильные устройства, компьютеры, VR-гарнитуры), подходят для создания многофигурных панорам с большим количеством деталей. Ввиду того что изображение не явлено зрителю целиком, последнему нужно «осмотреться», используя, к примеру, мышь или клавиатуру. Также чрезвычайно интересным в такого рода иллюстрации представляется выстраивание смысловых/нарративных связей внутри самого изображения. Так, художник может удивить или напугать зрителя, разместив у него за спиной или над головой какие-то элементы изображения. В качестве примера приведём иллюстрацию Мэтта Джонстона (Matt Johnston) – «Мир Мэтта 360°» («Matt's 360 World»). Художник создал причудливый мир, который населяют странные разноцветные существа, порождённые его воображением. Иллюстрация напоминает изображение из виммельбуха, оно насыщено деталями, интригует и увлекает зрителя. Важнейшим качеством подобного рода иллюстраций является иммерсивность, т.е. эффект присутствия. Нам не нужно прикладывать дополнительных усилий, чтобы погрузиться в историю – мы сразу оказываемся в центре событий.

*Методы исследования.* Исследование базируется на методах формального и структурного

анализа избранных произведений сферической иллюстрации, выводы исследования контекстуализируются в более широком поле медиаискусства и современной визуальной культуры, что сообщает актуальность поставленным вопросам. Феномен иллюстрации 360° сравнивается со схожими форматами (VR, фильм 360°) для уточнения его специфики, а также вписывается в исторический контекст, связанный со способами взаимодействия зрителя с изображением. Работа строится на посылке М. Маклюэна «Medium is the message»: современный художник использует возможности того или иного медиума для создания произведений, в которых актуализируются структуры чувственности техносовременности. Добавим, что иллюстрации 360° как выразительному инструменту обращаются современные художники, иллюстраторы, фотографы и дизайнеры, а также представители других творческих профессий, в данном исследовании мы не делаем между ними различия, характеризуя их как «художников».

*Результаты исследования.* **Иллюстрация 360°: роль зрителя.** Важным элементом данного типа повествования является активность зрителя, поскольку при рассмотривании изображения зритель создает свой вариант нарратива, переводя взгляд с одной части изображения на другую, открывая для себя все новые детали. Как отмечает О.Ю. Багдасарян, исследуя

схожие по «плотности» визуальной информации примеры виммельбухов, «в виммельбухах, как уже было отмечено, очень мало текста или его вовсе нет, поэтому они не навязывают читателю сюжет (его можно придумать самим и обсудить развитие каждой из историй)» [1]. В иллюстрации 360° в силу ее интерактивности данная тенденция только усиливается, зритель еще в большей степени начинает выступать в роли соавтора произведения. В зависимости от того, смотрит он сначала влево или вправо, вверх или вниз, зритель постепенно знакомится с теми или иными персонажами камерного «рассказа», который предлагает ему художник (или, напротив, эпического повествования, поскольку многие работы М. Джонстона, включая «Мир Мэтта 360°» можно сопоставить с произведениями Питера Брейгеля-старшего (рис. 2). Ключевую роль здесь играет поисково-ориентировочная активность зрителя, который не видит изображение целиком, а должен «монтировать» его в своем сознании, активно взаимодействуя с «картинкой» с помощью курсора мыши или экрана мобильного устройства.

Таким образом, иллюстрация 360° отличается от классического варианта станковой

картины с тщательно выстроенной линейной перспективой, рассчитанной на одну точку обзора, поскольку иллюстрация 360° предполагает иной режим зрительского восприятия: такую сферическую иллюстрацию можно сопоставить с проектами в виртуальной реальности и фильмами 360°. Обсуждая специфику медиума виртуальной реальности и те выразительные возможности, которая она предлагает художнику в качестве инструмента эстетического воздействия, исследователь видеоарта и специалист в области экранных искусств и медиаарта, А.Д. Першеева отмечает: «...надевая VR-шлем и погружаясь в созданное художником пространство, где визуальное поле не ограничено рамкой кадра, мы оказываемся в центре этой системы, виртуальный мир «привязан» к зрителю, как сетка перспективы к своей точке схода. При этом взгляд зрителя, по умолчанию ставший персональным взглядом, становится предельно децентрированным в силу обретенной им свободы определять направление, ритм и логику переключения внимания между видимыми объектами» [3, с. 32].

**Рис. 2.** П. Брейгель-старший. Нидерландские пословицы. 1559  
(P. Brueghel the Elder. Dutch proverbs. 1559)



Безусловно, у иллюстрации 360° и движущегося VR-изображения или панорамного фильма много общего, однако иллюстрация 360° – это

более концентрированное высказывание, это, по сути, объемное сферическое изображение (или серия изображений, как будет

показано дальше), здесь нет монтажных переходов и некоторых других нарративных возможностей, которые есть у упомянутых нами форматов. И это во многом обусловило интерес к иллюстрации 360° со стороны художников и популярность данного формата среди широкой аудитории, поскольку зритель получает возможность «встречи» с плотным по фактуре, насыщенным деталями произведением, и при том это яркое эстетическое переживание не требует того сравнительно большого количества времени, которое обычно тратится на просмотр даже небольших VR-работ или короткометражных фильмов, снятых в формате 360°, и идеально соответствует современной клиповой культуре и практикам сверхскоростного потребления информации. Добавим, что проект «Мир Мэтта 360°» был размещен художником на площадке одной из социальных сетей, которые задают определенный способ и ритм работы с информацией. Чтобы захватить внимание зрителя, иллюстрация должна отличаться от привычных изображений.

**Иллюстрация 360°: занимательный «аттракцион».** В силу того что иллюстрация 360° существует преимущественно в пространстве сети интернет, а также некоторых ее черт, упомянутых выше – занимательности, насыщенности деталями (впрочем, здесь бывают исключения) – может возникнуть ощущение, что такая иллюстрация существует преимущественно в поле коммерческой иллюстрации, однако ситуация не столь однозначна.

В качестве примера коммерческой иллюстрации можно привести работу Кевина Хохлера (Kevin Hohler), специализирующегося на иллюстрации 360°. Художник и фотограф предлагает нам найти потерявшегося Валдо, любимого зрителями героя массовой культуры. К. Хохлер умело режиссирует наш взгляд, используя яркие цветовые акценты, которые побуждают нас «проскроллить» страницу, чтобы увидеть больше персонажей и деталей. В частности, перед нами разворачиваются композиционные линии, создаваемые фигурами персонажей в желтой одежде, кроме этого, движение мяча, а также само движение персонажей задает определенный ритм и побуждает нас «листать», «прокликать» «картинку», чтобы увидеть, как события будут разворачиваться дальше – и, может быть, в итоге выяснить, где же скрывается неуловимый Валдо. Данный проект можно воспринимать как аттракцион, как способ

привлечь внимание аудитории к тем или иным товарам или услугам (вместо Валдо, к примеру, можно искать скидочный купон). Фото- и кинопроекты, особенно ранние, часто прибегали к схожим стратегиям: увлечь зрителя, вовлечь его в некую занимательную активность, пространство яркого и запоминающегося развлечения. Как отмечает В.В. Устюгова, «Согласно концепции Т. Ганнинга, раннее кино было связано не с повествованием, рассказом, а являлось ярмарочной диковинкой, визуальным аттракционом. Оно не рассказывало истории, а показывало натуру и движение, удивляло трюками и фокусами» [8]. Подобная ситуация характерна для любой «медиаановинки», которая на первых порах способна увлечь зрителя лишь в силу того, что зритель взаимодействует с ней впервые и захвачен новым опытом эстетического переживания; по мере насыщения пространства визуальной коммуникации схожими работами этот эффект нивелируется. Безусловно, как и всякая иллюстрация, иллюстрация 360° существует в комплексном пространстве визуальной культуры, в котором можно выделить и такие явления как «однообразный корпоративный вектор» [4], однако в данной статье нам хотелось бы подчеркнуть, что, как и в случае с «дедушками» медиаискусства – фотографией и кинематографом – так и в случае с современными форматами медиаискусства, его аттрактивная составляющая не является его ключевой чертой.

**Иллюстрация 360°: возможности «расширенного» повествования.** Перейдем к третьему проекту, представляющему собой уже не коммерческую иллюстрацию, а репортаж журналиста-исследователя, и на его примере попробуем выявить, какой интерес может представлять для художника панорамная иллюстрация, какие выразительные возможности она перед ним открывает (и которые, возможно, отсутствуют или не проявлены до такой степени в других медиа). Для этого рассмотрим проект Кристофа Нимана (Christoph Niemann) «Мое путешествие в демилитаризованную зону: скетчбук 360°» («My Trip to the DMZ: A 360-Degree Sketchbook»), который сделан для «Нью-Йорк Таймс» [9] (рис. 3). Демилитаризованная зона (ДМЗ), о которой говорится в названии проекта – это зона на границе Северной и Южной Кореи. Речь идет о демаркационной линии, разделяющей две страны, по обе стороны которой находится ДМЗ. К. Ниман выделяет эту линию алым цветом. Зритель будто бы оказывается внутри

скетчбука К. Нимана – перед ним возникают некие наброски, словно нарисованные углем, зернистые текстуры, эффектная палитра: черный, белый, серый и ярко-красный. Отдельно следует сказать о красном – этот цвет усиливает ощущение напряжения и часто используется художником не только как средство композиции, но и доносит до зрителя эмоционально насыщенную информацию.

Необходимо отметить, что здесь есть специфические нарративные элементы помимо тех, что присущи только иллюстрации. Работа К. Нимана была сделана для пространства сети, поэтому здесь начинает действовать описанная Л. Мановичем ситуация, связанная с формированием языка новых медиа: «Компьютеризация культуры приводит не только к формированию новых артефактов – компьютерных игр и виртуальных миров; этот процесс провоцирует переосмысление существующих форматов и жанров, в том числе фотографии и кино» [5, с. 40]. Добавим здесь: и иллюстрации, поскольку при помощи компьютера к изображению можно «пристегнуть» аудиофайл.

Так, зритель может включить звук и услышать ненавязчивую электронную музыку, а также закадровый голос самого К. Нимана,

который описывает детали своего путешествия. В самом первом эпизоде художник рассказывает о своем интересе к демилитаризованной зоне и собственном опыте проживания недалеко от бывшей Берлинской стены. Пока он говорит, зритель имеет возможность рассмотреть во всех деталях открытую красную прорезь демилитаризованной зоны, разделяющей Северную и Южную Корею. Фотографировать и снимать видеоролики здесь запрещено (осуществлять съемку можно лишь в определенных зонах), и поэтому такой подход позволяет К. Ниману представить иллюстрацию как актуальную форму журналистики, как единственный способ исследования мест, где есть определенные ограничения, связанные с присутствием «посторонних», а также актуальные способы конвертации этого исследования в визуальный репортаж. Художник виртуозно выстраивает траектории нашего «движения» внутри «картинки» с учетом особенностей медиума, с каждой «главой» – поскольку работа представляет собой как бы страницы скетчбука – находя все новые способы захватить и удерживать внимание зрителя.

**Рис. 3.** К. Ниман. «Мое путешествие в демилитаризованную зону: скетчбук 360°»  
(K. Nieman. «My Trip to the DMZ: A 360-Degree Sketchbook»)



Добавим, что иллюстрация, в отличие от кино, может быть более или менее реалистичной (а киноизображение обычно воспринимается как «достоверное», поскольку видеокамера как бы «протоколирует» действительность) и

оказывать воздействие на зрителя через напряжение и контраст, ритм линий и пятен. Сейчас технологии создания изображений 360° позволяют художнику, по сути, «взять» субъект и «поместить» его в коробку, где каждая грань – это

«картина» с линейной перспективой. Однако благодаря соответствующим возможностям программного обеспечения эта «коробка» конвертируется в сферу, и мы получаем зрителя, который конструируется как субъект в центре этого иллюзорного мира, как «точка сборки», к которой развернут мир (рис. 4). При этом, в отличие, например, от фильма 360°, фильма-

панорамы, иллюстратор может создавать некие искажения, которые разрушают эту ясную и непротиворечивую визуальную карту действительности и извлекать из этого новые эстетические эффекты, предлагая нам субъективный, даже «экспрессионистский» нарратив – что и было показано нами на примере работы К. Нимана.

**Рис. 4.** Скриншот работы Веданта Уайкара с сайта Behance (пример работы с иллюстрацией 360°)  
(Screenshot of Vedanta Waikara from the Behance website (example of working with 360° illustration))



*Выводы.* Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы. Иллюстрацию 360° можно рассматривать как новую форму развития той логики, которая в эпоху Возрождения получила выражение в станковой картине. Станковая картина, содержащая линейную перспективу как способ упорядочивания визуальной информации, на протяжении столетий организовывала наш визуальный опыт, вызывая интуитивное ощущение гармоничности и упорядоченности мира, который открыт для созерцания весь, целиком (и это соответствовало представлениям ученых об эпистемологических возможностях человека, который с помощью научного метода способен сформировать рациональную и непротиворечивую картину действительности).

Однако постепенно подобное представление о мире, существующем для-зрителя деконструировалось, художники осваивали новые технологии – фотографию, кинематограф, видео – и начали создавать работы, отражающие сложность и полиморфизм явлений культуры. Для этого они работали с подвижной камерой, с возможностями поликадра и полиэкрана и пр.

(процесс эволюции зрительского взгляда и характера восприятия зрителем экранного образа подробно описывают И.Н. Духан и А.Д. Першеева в своей статье «Оптические стратегии новых медиа: от перспективизма к дрейфующему взгляду») [3, с. 34-35]. В этом контексте возвращение к идее зрителя-в-центре-мира (а именно она стоит в основе иллюстрации 360°) может казаться эпистемологической «регрессией». Однако здесь уместно говорить не столько о «возвращении», сколько о ревизии, условно говоря, о метамодернистском конструировании зрителя-субъекта (в противовес постмодернистской деконструкции). Зритель конструируется в пространстве произведения и для произведения как функция «стягивания» выстраиваемого художником пространства, однако в данных обстоятельствах речь уже не идет о сакрализации взгляда зрителя как чего-то, что Дж. Бергер, автор труда «Искусство видеть», сопоставляет со «взглядом Бога», рассуждая о художественно-философских следствиях линейной перспективы: «Перспектива делает глаз центром видимого мира. Все сходится в фокусе взгляда, как в исчезающей точке бесконечности. Видимый

мир оказывается устроенным для зрителя, как когда-то Вселенная мыслилась устроенной для Бога» [2]. Напротив, зрителю предлагается побыть героем в предложенных обстоятельствах, «примерить» на себя ту или иную перспективу (PoV – point of view, «точку зрения» от первого лица), визуальный опыт, при этом понимая множественный характер перспектив и их принципиальное равенство (в том смысле, что не может быть более или менее «правильного опыта»). Как отмечает Е.А. Нечаева, «эпистемологически метамодернизм предлагает

познание мира и «Я» через опыт «Другого Я», аффицирование» [6]. При этом эти точки зрения от первого лица не претендуют на всеохватность опыта или его тотальность, на схватывание всей сложности явления в одном произведении. В этом отношении данное явление адекватно иллюстрирует сайт-агрегатор типа Behance, где «точки зрения» представлены в «цветущем множестве» и отражают характер современной культуры с ее вниманием к субъективному опыту индивида.

1. Багдасарян, О. Ю. Вербальный и визуальный компоненты в современных книгах для детей // Филологический класс. – 2017. – №4 (50). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnyy-i-vizualnyy-komponenty-v-sovremennyh-knigah-dlya-detey> (дата обращения: 14.02.2023).
2. Бергер, Д. Изображение, видение, восприятие // Бергер Д. Искусство видеть // Theory&Practice. – 2013. – 03.12. [Электронный ресурс]. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8099-art-of-seeing> (дата обращения: 21.01.2023).
3. Духан, И. Н., Старусева-Першеева, А. Д. Оптические стратегии новых медиа: от перспективизма к дрейфующему взгляду // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). – 2022. – Вып. 3 (33). – С. 9-38. – DOI:10.23951/2312-7899-2022-3-9-38.
4. Копалова, К. Другая сторона коммерческой иллюстрации // Слон в боа [Электронный ресурс]. – URL: <http://slonvboa.ru/darkside> (дата обращения: 12.02.2023).
5. Манович, Л. Язык новых медиа. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.
6. Нечаева, Е. А. Метамодернизм как дискурс нового антропологического мифа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – №1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamodernizm-kak-diskurs-novogo-antropologicheskogo-mifa> (дата обращения: 15.02.2023).
7. Раш, М. Новые медиа в искусстве. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 256 с.
8. Устюгова, В. В. Кинематограф аттракционов» и его распространение в русской провинции на рубеже XIX-XX веков // Вестник ННГУ. – 2016. – №4. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinematograf-attraktsionov-i-ego-rasprostranenie-v-russkoy-provintsii-na-rubezhe-hh-hh-vekov> (дата обращения: 12.02.2023).
9. My Trip to the DMZ: A 360-Degree Sketchbook // The New York Times Magazine [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2017/02/17/magazine/christoph-niemann-north-korea-dmz.html> (дата обращения: 12.02.2023).

## **360° ILLUSTRATION IN CONTEMPORARY VISUAL CULTURE**

© 2023 T.E. Fadeeva

*Tatiana E. Fadeeva, PhD in Art History,  
Associate professor of Faculty of Creative Industries  
HSE Art and Design School*

**Higher School of Economics “National Research University”  
Moscow, Russia**

The object of the article: the works of contemporary artists working with the 360° format and creating the so-called "spherical illustrations" or 360° illustrations, controlled panoramic images. Works were selected as material, reflecting the types of strategies for the work of artists with this medium, demonstrating the connection between the artist's intention and the formal, structural solution of the work. Subject of the article: the specifics of 360° illustration, its expressive possibilities, as well as the strategies of artists who turn to this format as an instrument of aesthetic impact on the viewer in the context of the modern communication society. The study is devoted to the actively developing phenomenon of 360° illustration, which is currently becoming increasingly popular among artists and delineates new aesthetic horizons for illustration as an art form. The main goal of the study is to identify the specifics of the phenomenon of spherical illustration in modern visual culture, the contextualization of 360° illustration in the field of modern visual culture. The

author made the following conclusions: the 360° illustration is the ultimate version of the structure of the classical pictorial image with a direct perspective, which at the same time carries out a “Copernican revolution” in terms of the viewer’s attitude to the artistic image (from a passive recipient, he turns into active interpreter and co-author of the artist), thus, on the one hand, illustrators get to expand the repertoire of their own expressive means (partly borrowing the techniques of screen arts), and, on the other hand, the viewer gets the opportunity to be “inside” the image and experience it as a subjective aesthetic experience.

*Keywords:* 360° illustration, spherical illustration, panoramic illustration, digital illustration, contemporary illustration, media art

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-92-99

1. Bagdasaryan, O. YU. Verbal'nyy i vizual'nyy komponenty v sovremennykh knigakh dlya detey (Verbal and visual components in modern books for children) // *Filologicheskii klass*. – 2017. – №4 (50). [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnyy-i-vizualnyy-komponenty-v-sovremennykh-knigah-dlya-detey> (data obrashcheniya: 14.02.2023).
2. Berger, D. Izobrazheniye, videniye, vospriyatiye (Image, vision, perception) // Berger D. *Iskusstvo videt'* // *Theory&Practice*. – 2013. – 03.12. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8099-art-of-seeing> (data obrashcheniya: 21.01.2023).
3. Dukhan, I. N., Staruseva-Persheyeva, A. D. Opticheskiye strategii novykh media: ot perspektivizma k dreyfuyushchemu vzglyadu (Optical Strategies of New Media: From Perspectivism to a Drifting View. Problems of visual semiotics) // *PRAXĒMA. Problemy vizual'noy semiotiki* (PRAXĒMA. Journal of Visual Semiotics). – 2022. – Vyp. 3 (33). – S. 9-38. – DOI:10.23951/2312-7899-2022-3-9-38.
4. Kopalova, K. Drugaya storona kommercheskoy illyustratsii (The language of New Media) // *Slon v boa* [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://slonvboa.ru/darkside> (data obrashcheniya: 12.02.2023).
5. Manovich, L. YAzyk novykh media (Metamodernism as a discourse of a new anthropological myth). – M.: Ad Marginem Press, 2018. – 400 s.
6. Nechayeva, Ye. A. Metamodernizm kak diskurs novogo antropologicheskogo mifa (Another side of commercial illustration) // *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. – 2021. – №1. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamodernizm-kak-diskurs-novogo-antropologicheskogo-mifa> (data obrashcheniya: 15.02.2023).
7. Rash, M. Novyye media v iskusstve (New media in art). – M.: Ad Marginem Press, 2018. – 256 s.
8. Ustyugova, V. V. Kinematograf attraktsionov» i yego rasprostraneniye v russkoy provintsii na rubezhe XIX-XX vekov (Amusement cinematography” and its distribution in the Russian provinces at the turn of the 19th-20th centuries) // *Vestnik NNGU*. – 2016. – №4. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinematograf-attraktsionov-i-ego-rasprostranenie-v-russkoy-provintsii-na-rubezhe-hih-hh-vekov> (data obrashcheniya: 12.02.2023).
9. My Trip to the DMZ: A 360-Degree Sketchbook // *The New York Times Magazine* [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2017/02/17/magazine/christoph-niemann-north-korea-dmz.html> (дата обращения: 12.02.2023).

УДК 316.722 (Культура различных обществ. Цивилизация)

## **ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННЫЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ**

© 2023 С.В. Шиндель

*Шиндель Светлана Владимировна, кандидат культурологии, доцент  
кафедры «Экономика и гуманитарные науки»*

*E-mail: schindelswetlana@mail.ru*

**Энгельсский технологический институт (филиал)  
Саратовского государственного университета имени Гагарина Ю.А.  
Энгельс, Россия**

Статья поступила в редакцию 01.02.2023

Статья посвящена феномену национальной идентичности немцев Поволжья, репрезентированному в пространстве визуальной коммуникации в контексте исторических реалий конца XIX - начала XX вв. В фонде Саратовского краеведческого музея сохранились фотографии плакатов, вывесок, растяжек, а также образцы этикеток, символическое пространство которых отражает не только своеобразие этнической немецкой традиционной культуры, но и маркирует известные политические события указанной исторической эпохи. Компаративный анализ элементов и объектов визуальной коммуникации позволил выявить сходные черты как в содержании, так и в дизайнерском оформлении представленных образцов; семиотический метод – символы, а также и определить семантику представленных в пространстве визуальной коммуникации элементов. Собранный материал был разделен на 2 группы, каждая из которых имеет свою четко выраженную смысловую нагрузку. Полученные данные позволяют совершить виртуальный трансфер в пространство этнической немецкой культуры, определить привязку к географическому местоположению, реконструировать некоторые события исторического прошлого, которые не обошли стороной и русских немцев в Поволжье. Сохранившиеся до наших дней не только элементы, но и объекты визуальной коммуникации имеют несомненную историческую ценность, «фиксируют» этнический «немецкий» колорит, дают представление о формировании и репрезентации национальной идентичности немцев Поволжья. Сохранение истоков традиционной культуры наряду с биологическим выживанием имело для русских немцев архиважное значение: первые переселенцы занимались освоением пустынных земель в крайне неблагоприятных климатических условиях, жили изолированно, основным средством вербальной коммуникации были диалекты; немцы Поволжья отождествляли себя с этническими немцами, населявшими историческую родину – Германию. Важное значение в контексте обсуждаемой темы имеет *идея порядка*, которая присуща немецкой культуре онтологически со свойственными ей ценностными ориентирами, традициями, обычаями.

*Ключевые слова:* национальная идентичность, традиционная культура, визуальная коммуникация, исторические реалии, немцы Поволжья, конец XIX – начало XX века

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-100-110

*Автор статьи выражает искреннюю благодарность коллективу и лично директору Саратовского областного музея краеведения Е.М. Казанцеву за содействие и предоставление доступа к необходимым артефактам из фонда постоянно действующей экспозиции «Немцы Поволжья».*

**Введение.** В фонде Саратовского областного музея краеведения в зале с постоянно действующей экспозицией, посвященной истории немцев Поволжья, на одном из стендов размещены образцы периодических изданий, в которых освещались вопросы культурной, экономической, исторической жизни переселенцев, оказавшихся волею судьбы по приглашению

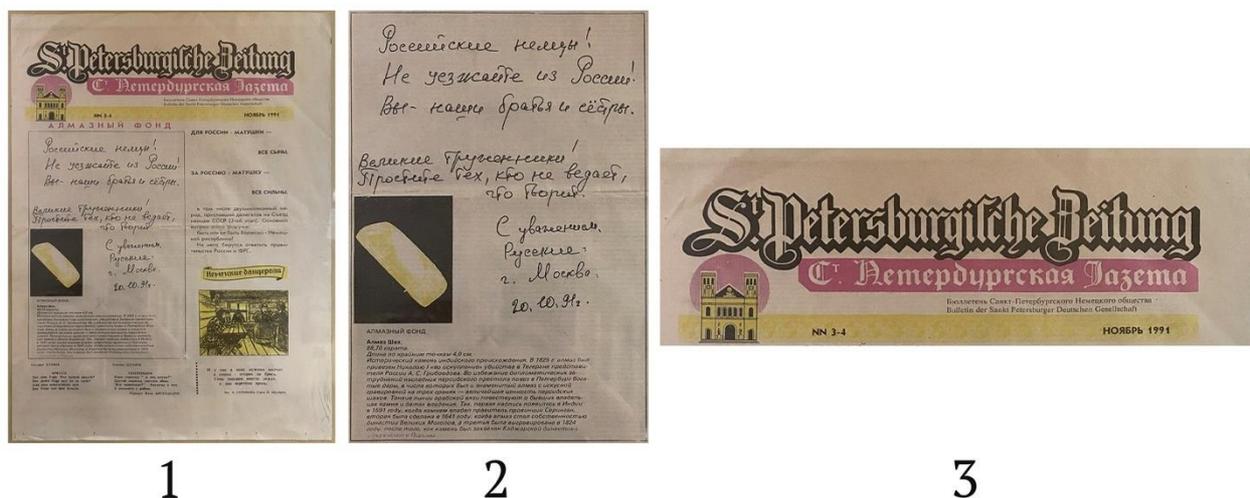
императрицы Екатерины II на территории России. На центральной полосе Санкт-Петербургской газеты (S-Peterburgische Zeitung) размещено интересное рукописное письмо следующего содержания: «Российские немцы! Не уезжайте из России! Вы – наши братья и сестры. Великие труженики! Простите

тех, кто не ведает, что творит. С уважением, русские. г. Москва, 20.10.91 г.» [12] (рис.1).

Для тех, кто профессионально или даже любительски занимается изучением культурного наследия русских немцев в контексте известных исторических событий, в тексте письма нет ничего удивительного: в смутные 90-е гг. эмиграционная волна возвращения немцев в Германию достигла своего апогея. Трагедия, которая разворачивалась на глазах нескольких поколений немецких переселенцев, завершилась массовым оттоком русско-немецкого населения на историческую родину, где, в те годы были созданы все условия для успешной интеграции прибывающих со стороны России эмигрантов. С тех пор прошло чуть более трети столетия, однако в медийном пространстве

встречаются публикации, в которых освещаются вопросы не только эмиграции в Германию, но и процесс реэмиграции русских немцев в Россию [6, 10]. Как известно, нет дыма без огня, и тот факт, что ежегодно в Россию по тем или иным причинам возвращается около 3-х тысяч русских немцев [6], демонстрирует в количественном отношении определенное постоянство. Следует ли ожидать возвращения русских немцев на территорию России в контексте тех экономических и энергетических проблем и геополитических потрясений, в эпицентре которых оказалась Германия? Ответить на этот вопрос чрезвычайно сложно: время покажет, как будет складываться будущее Европы в целом и Германии в частности.

Рис. 1. Письмо, опубликованное в Санкт-Петербургской газете «S.-Peterburgische Zeitung» (Letter published in the St. Petersburg newspaper «S.-Peterburgische Zeitung»)



В наши дни, когда отношения России и Германии вновь находятся в состоянии конфронтации, тема русских немцев получает новое звучание и приглашает к осмыслению *минувшего прошлого, нестабильного настоящего и смутного будущего*. Цивилизационное противостояние, которое разразилось на территории Украины, надвигающийся неминуемо энергетический кризис, угрозы применения ядерного оружия – человечество вновь оказалось перед лицом смертельной опасности, остановилось на краю пропасти – третьей мировой войны. Мифы, связанные с универсальностью глобализации как идеи единственно возможного пути развития мирового сообщества, развенчаны; все чаще мы слышим о необходимости сохранения многополярного мира как альтернативы,

обрисовывающей экзистенциальную необходимость цивилизационного выживания всех этнических культур без исключения. В этой связи тема, связанная с формированием и сохранением национальной идентичности этноса, является актуальной и в условиях современных геополитических трансформаций в мире в целом, и в контексте устойчивого развития любой традиционной культуры в частности. Примером такой традиционной культуры с точки зрения формирования и сохранения национальной идентичности является, вне всякого сомнения, культура русских немцев на территории Поволжья. Как известно, русские немцы жили изолированно не только по отношению к коренным народам, населяющим Россию, но и обособленно в пределах своих канто-

нов: довольно долго коммуникация выстраивалась с помощью диалектов, с течением времени речевая диалектная полифония начала складываться в единую форму классического варианта немецкого языка. Данный факт свидетельствует о том, что переселенцы очень ревностно относились к сохранению своей языковой идентичности, усматривая в такой «чистоте» языковых наречий возможность не только биологического, но и цивилизационного выживания. Так, например, память о лингвокультуре поволжских немцев увековечена на страницах словаря Маркшатдского диалекта под редакцией Виктора Дизендорфа – «русского немца», история семьи которого тесно связана с Поволжьем [5; 17].

*Методы исследования и материалы.* Новизна представленного исследования состоит в том, что впервые предпринимается попытка выявить и описать особенности формирования национальной идентичности немцев Поволжья, репрезентированных в символическом пространстве визуальной коммуникации (на материале артефактов, этикеток, фотографий плакатов, растяжек). В работе использованы: компаративный метод исследования (сопоставление имеющихся объектов визуальной коммуникации); семиотический метод исследования (выявление особенностей символиче-

ского пространства). Импульсом для написания статьи послужила, в том числе, деятельность архитектора – урбаниста А. Богнера – автора проекта «Жёлтая линия» [1; 2; 3], по инициативе которого в городе появились пилоны, содержащие подробную информацию маршрутов туристической навигации по историко-культурным и архитектурным памятникам города Саратов, в том числе и с указанием таковых на местности, где проживали русские немцы в Поволжье. Обращает на себя внимание дизайн установленных в центральных районах города пилонов – все они выполнены в едином дизайнерском формате, в котором прослеживается традиционалистская немецкая стилистика: использование, например, цветов немецкого флага, символической типографики, соблюдение канонических правил композиционного размещения информации. Обращение А. Богнера к «немецким» истокам неслучайно: именно культурное наследие немцев Поволжья по праву считается уникальной «визитной карточкой» города, в определенной мере «работает» на популяризацию туристического имиджа города Саратов [4; 11]. Последний факт свидетельствует о практической значимости исследуемой темы. Изображения пилонов архитектора А. Богнера мы приводим в статье (рис.2).

**Рис. 2.** Пилоны архитектора А. Богнера, установленные в центральных районах г. Саратов (Pylons by architect A Bogner installed in the central districts of Saratov)



1

2

3

*История вопроса.* За последние пять лет на платформе Российской электронной библиоте-

ки размещено порядка 200 научных исследований и работ научно-популярного характера,

освещающих сущность этнокультурного феномена «Немцы Поволжья». В нашей работе мы руководствовались данными, опубликованными в монографии И.Р. Плеве «Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века» [8]. До настоящего времени, это, пожалуй, самый полный и исчерпывающий источник, основанный на работе с архивными данными, в котором можно найти справочную информацию по истории немцев в Поволжье. Большим подспорьем в работе послужили источники, опубликованные на немецком языке, в которых освещался быт и уклад жизни русских немцев [15], а также артефакты, документы, в которых нашло свое отражение стремление увековечить язык и культуру поволжских немцев [5,15,17]. Репрезентация визуализации туристической навигации городского пространства города Саратова представлена в информационных источниках архитектора и урбаниста А.С. Богнера [1,2,3] и воплощена в виде установленных в городе пилонов. В контексте упомянутой проблемы визуализации и обустройства городского пространства Саратова упомянуты работы исследователей профессора, доктора философских наук А.В. Волошинова «Метафизика Саратова: PRO ET CONTRA» [4], а также материалы профессора, доктора сельскохозяйственных наук О.Б. Сокольской [11], в блоге которой в режиме реального времени освещаются различные вопросы, связанные с градостроительством, архитектурой, урбанистикой Саратова.

Мы не нашли научно-популярных работ, освещающих объекты визуальной коммуникации в контексте изучения этнокультурного феномена немцев Поволжья; затруднения, связанные с поиском теоретических оснований изучаемого вопроса компенсируются, с одной стороны, собранными и проанализированными объектами визуальной коммуникации с точки зрения использованной методологии, а с другой, указывают на новизну проведенного исследования.

*Результаты исследования.* Как известно, все новое – это хорошо забытое старое, и мы задались целью найти, собрать воедино и проанализировать элементы/объекты визуальной коммуникации, которые имеют прямое или косвенное отношение к немцам в Поволжье, стилистика которых отражала уникальный этнический колорит и послужила рефлексией из-

вестных на тот период времени исторических реалий. Нам удалось выявить около 30 объектов, включая элементы, представленные в виде фотографий. Собранный материал был классифицирован на 2 группы по принципу своего смыслового назначения. К I-й группе относятся *этикетки, артефакты* – объекты визуальной коммуникации, связанные с презентацией предприятий русских немцев в Поволжье и имеющие семантику рекламирования. Среди них паровая фабрика «Конфект и Шоколада Бр. И. и А. Миллер», фабрика по выпуску гильз «Фортуна» (бывшая Ваг), Сарпино-ткацкое производство. Паровая фабрика «Конфект и Шоколада Бр. И. и А. Миллер» (братьев Иоганна и Андреаса Миллер) начала функционировать в 1903 г. В большом ассортименте производился мармелад, пастила, монпасье, зефир, десертный шоколад. Через 10 лет, после революции в здании располагалась типография, а затем – швейная фабрика. В настоящее время на месте бывшей кондитерской фабрики Бр. И. и А. Миллера на улице Астраханской отшиваются качественные изделия от школьной формы до стильных пальто. Этикетки продукции фабрики Бр. И. и А. Миллер производили благоприятное впечатление – кондитерские изделия хотелось купить. Причем сохранились не только этикетки, но и артефакты – металлические коробки, в которых продавались конфеты (рис. 4, крайняя слева). Первое, что следует отметить – это то, что в художественном оформлении прослеживается *большая привязанность к родному краю* (на многих изображениях стилистика деревенской пасторали, птицы, флористические мотивы, «деревянное кружево», которым украшались деревенские дома, в том числе в немецких поселениях. Как мы предполагаем, этикетки, которые вкладывались непосредственно в коробки, носили более лаконичный характер: (рис. Черно-белые Миллер) *черный цвет шрифта и использование фразы в готическом стиле* (отсылка к традиции «черного искусства» Иоганна Гутенберга) использование разрядки букв, характерные рамки, которые задают канонические законы композиции и в тоже время присутствие на изображении изразцов, вензелей. На обертке сливочной карамели еще можно увидеть и *подпись на немецком языке* (*Gebr. Miller (Gebrüder Miller – братья Миллер)*) (рис. 3).

Рис. 3. Обёртка сливочной карамели Паровой шоколадной фабрики Бр. И. и А. Миллер (Steam Chocolate Factory Cream Caramel Wrapper Br. I. And A. Miller)



О том, насколько немцы к этому времени ассимилировались и интегрировались на территории многонациональной России, свидетельствует тематика обертки шоколада: так, коллекция плиток «Иванъ-Царевичъ» (цикл сюжетов из народной сказки «Иван-царевич и

серый волк» – здесь показателна корреляция с фольклорными мотивами); а также коллекция «нуазетъ» – шоколад с лесным орехом (от фр. Noisette – лесной орех), обернутый с бумагу с изображением представителей многонационального народа России (рис. 4).

Рис.4. Продукция Паровой шоколадной фабрики Бр. И. и А. Миллер (Products of the Steam Chocolate Factory Br. I. and A. Miller)



Дизайн этикетки фабрики гильз для сигарет «Фортуна» (бывшая В.А. Ваг – первое название дано по фамилии создателя) (рис.5 (3) очень близок по своей стилистике этикетке Паровой кондитерской фабрики братьев Миллер (рис.5 (2). Те же пасторальные мотивы, флористика, пара птиц, в правом нижнем углу лягушка. Что касается образа лягушки, которая сидит на листе и держит сигаретную гильзу, то можем предположить, что здесь аллюзия на лист, который скручивается и из которого изготавливается гильза; кроме того, это еще и намек на экологически чистое производство, так как лист кувшинки, на котором сидит лягушка,

произрастает в чистом водоеме. Источником вдохновения для такого дизайна могла послужить живописная и плодородная местность посада Дубовки (ныне Красноармейский район Саратовской области) (рис.5 (1), (2). Еще в далеком 1769 г. на территории немецких поселений был проездом доктор РАН, адъютант И. Лепехин, который описал флору и фауну земель и среди прочего отметил, что у колонистов преимущества в опрятности и чистоте, произрастают разные овощи, которые трудно найти не только в Поволжье, но и в других частях государства [7, с. 382]. Ознакомившись со всеми надписями, мы получаем первичное представ-

ление о механической фабрике «Фортуна (бывшая В.А. Вааг)»: это предприятие, которое занималось выпуском гильз для сигарет; при производстве изделий использовалась французская бумага «Филигрань», не допускалось применение клея. На рис. 5 (1) размещена этикетка «Фортуны», выполненная в стиле черно-белой типографики, использование разных шрифтов и декоративной рамки, в которую вписана контекстная информация. С точки зрения типографики, дизайна – имеется богатая цветовая гамма, разные шрифты, расположение надписей под разным наклоном.

Возвращаясь к теме табачного производства в Саратове, необходимо упомянуть и табачную фабрику братьев Кондратия и Михаила Штаф, которая начала функционировать 6 декабря 1828 г. Здание фабрики по сей день, причудливо украшает городской пейзаж и вплоть до 2019 г. «Бритиш Американ Тобакко (БАТ) Россия» являясь крупнейшим налогоплательщиком, занималась производством табачной продукции (ушли с рынка в связи с ростом цен на табачные изделия, падением потребительского спроса, ростом нелегального сбыта). Отметим также, что впервые табак был завезен в Поволжье переселенцами из Голландии, культура получила быстрое распространение. Первоначально табак производился для внутреннего использования, затем продавался кочевавшим неподалеку калмыкам, а с течением времени табачные изделия стали производиться на первой фабрике в поселении Сарепта [8] (небольшое, единственное на то время предприятие на юге Поволжья). Однако, «табачный вопрос» тема отдельного исследования, и мы не будем останавливаться на ней здесь подробно. Как видно по размещенным в статье фотографиям, дизайнерская стилистика имеет сходные черты (рис.5 (3), рис.5 (4): *сбалансированная композиция, черный цвет шрифт на светлом фоне, рядка букв, разные шрифты, рамка с декоративными элементами, флористические мотивы.*

Если в описанных выше объектах/артефактах визуальной коммуникации прослеживалась немецкая классическая стилистика, то в более поздних образцах этикеток, плакатов, растяжек, иногда транспарантов мы находим отражение и известных политических

событий и исторических реалий (*II группа элементов визуальной коммуникации*). В этой связи обращает на себя внимание дизайнерское оформление плаката с пропагандой курения махорки № 8. В отличие от описанных выше образцов, на первый план выходит преобладание красного цвета, символ звезды (причем большая звезда композиционно расположена в центре плаката, еще одна звезда контрастирует на светлом фоне вывески). Изображение представителей разных слоев общества (крестьянин, интеллигент, военный, рабочий), которые с удовольствием курят махорку в годы НЭПа – перед нами «советско-немецкий» плакат. Упоминание Немкоммуны, существующей в условиях изменившихся историко-культурных реалий, помещено композиционно в центре плаката; надпись смотрится органично, но совершенно «выбивается» с точки зрения содержания; ощущается когнитивный диссонанс – «не вяжется» собирательный образ «немечества» в Поволжье с новым социальным статусом в контексте экономических реформ и исторических событий, маркирующих 30-е гг. XX в.

С дизайном плаката, пропагандирующим курение махорки № 8, переключается стилистика этикетки ткацкой фабрики Фортшрит (рис. 6): она замыкается на советской пропаганде; даже образ женщины ткачихи – обладательницы округлых форм (намек на канон немецкой красоты) с задумчивым взглядом контрастирует с деталями специальной одежды предназначенной для работы на станке. Косынка цвета кумача и светлый бесцветный халат не только обезличивают, но и обесценивают образ женщины, превращая ее в рабочую единицу на ткацком производстве. При всей иррациональности происходящих в первой половине XX века исторических событий, немцы Поволжья стремились сохранить свою идентичность. Даже на этикетке ткацкой фабрики Фортшрит (русифицированный вариант немецкого слова Fortschritt – в пер. с нем. прогресс) можно увидеть за изображением образа немецко-русской ткачихи дымящиеся трубы фабрики и рядом кроны деревьев – дорожили немцы работой (ткацкая фабрика у них в рабочем состоянии, ее топят) и любили родной край.

**Рис.5 (1)** Этикетка табачной фабрики «Фортуна» (бывшая Вааг)  
(The label of the Fortuna tobacco factory (former Waag))

**Рис. 5 (2)** Этикетка паровой шоколадной фабрики Бр. И. и А. Миллер

(Steam chocolate factory label Br. I. and A. Miller)

**Рис. 5 (3)** Этикетка табачной фабрики «Фортуна» (бывшая Вааг)

(The label of the Fortuna tobacco factory (former Waag))

**Рис. 5 (4)** Этикетка табачной фабрики «Бр. А и К. Штаф»

(The label of the tobacco factory label Br. A. and K. Shtaf)



**Рис. 6 (1).** Плакат с пропагандой курения махорки №8 (Shag propaganda poster №8)

**Рис. 6 (2).** Растяжка с приветствием политического деятеля товарища Рыкова  
 (Streamer greeting political figure Comrade Rykov)

**Рис. 6 (3).** Этикетка механической ткацкой фабрики «Фортшрит»  
 (Label of the mechanical weaving factory "Fortshrit")



Как справедливо отмечает исследователь Эмиль Рудер в своей работе «Типографика»: «... Сопоставление двух моментов по принципу контакта видоизменяет и усиливает эффект каждого из них. Округлые деревья выглядят округлее в соседстве с угловатыми постройками, башня выглядит выше, если стоит на равнине, теплый цвет кажется теплее в сочетании с холодным. <...> Мышление в контрастных категориях — не путаное мышление, поскольку противоположности могут смириться в гармоничном целом» [9, с. 5].

На рис. 7 (1, 2, 3, 4) представлены фото вывесок торговых объединений, которые занимались реализацией сельскохозяйственной продукции («Немецкий рабоче-крестьянский кооператив», «Союз сельско-хозяйственной кооперации немцев Поволжья Немсельскооюз (хлебная торговля), товарами ткацкого производства («Сарпинсоюз»); аптеки. Легко понять, что в ежедневном обиходе русских немцев появились лексические единицы, отражающие социокультурные и экономические трансформации в условиях стремительно меняющихся исторических реалий (слова: кооператив, со-

юз). Тем не менее, сохраняется характерная немецкая классическая стилистика – белые буквы на темном фоне, разрядка, фактура готического письма, прослеживается обращение к великой традиции «черного искусства» – искусства книгопечатания, которое зародилось в Германии, и основоположником которого был

немец, живший в эпоху Средневековья – Иоганн Гутенберг (между 1397 и 1400 – 1468 гг.). Отметим также, что с началом книгопечатания появились наборные готические шрифты – об этом свидетельствует знаменитая библия И. Гутенберга.

**Рис. 7 (1).** Немецкий рабоче-крестьянский кооператив  
(German workers' and peasants' cooperative)

**Рис. 7 (2).** Голо-Карамышский союз ткацких кооперативов и трудовых артелей «Сарпинсоюз» (Golo-Karamysh's union of weaving cooperatives and labor artels «Sarpinsoyuz»)

**Рис. 7 (3).** Союз сельскохозяйственной кооперации немцев Поволжья Немсельскосоюз (хлебная торговля) (Agricultural cooperation union of the Volga Germans Nemselskosoюз (grain trade))

**Рис. 7 (4).** Аптека (Chemist's)



Использование немецких слов «Zentral Arbeiter und Bauern Kooperative» «Verband Sarpinsojus» «Verband der landwirtschaftlichen Kooperation der Wolgadeutschen Nemselskosoюз» «Apotheke» свидетельствует о стремлении Поволжских немцев сохранить признаки этнической и языковой идентичности. Вывеска разделена на две части: безусловно, в поле зрения носителя русского языка попадет информация на русском языке, немецкого – на немецком; тем не менее текст, как правило, принято читать слева направо, и надпись на немецком языке предшествовала надписи на русском. Что касается вывески аптеки, то, во-первых, их две: первая – большая, закрепленная на фронтоне крыши (немецкое слово «Apotheke» расположено над русским эквивалентом), но есть еще и вывеска поменьше, она закреплена непосредственно над дверным проемом, к которому ведет несколько ступенек крыльца сельского дома; во-вторых, стилистика вывески малого размера копирует оформление большой вывески, и служит, по нашему мнению, для большего расположения и привлечения клиентов, формирования доверительного отношения: на крыльце – посетители, которые пришли приобрести лекарства, могут задержаться, поде-

литься опытом приема того или иного лекарственного средства, обсудить события бытовой жизни, словно клиент находится «у себя дома».

В процессе исследования мы столкнулись с фотографией фактуры готического письма на растяжке с приветствием политического деятеля партии эсеров А.Н. Рыкова (1881-1938) (рис.). В открытом доступе есть материалы газеты, в которой говорится, что в 1924 году в г. Покровске был проездом товарищ А.Н. Рыков [14]. О том, какой деятельностью занималась партия эсеров на территории царской России, всем известно, и в рамках заявленной темы останавливаться подробно на истории «партии террора» не представляется возможным. Политическая карьера оказалась для товарища А.Н. Рыкова роковой, и жизнь революционера завершилась смертным приговором – в 1938 г. он был расстрелян. Биография А.Н. Рыкова наполнена событиями, имеющими политический характер: он был одним из организаторов Октябрьской революции 1917 г., заместителем Председателя Совнаркома (1921-1923), с 1926 руководил Советом обороны и труда. Учитывая тот факт, что А.Н. Рыков выступал против политики свертывания НЭПа, придавая большое значение образованию свободного рынка, что

привело бы к подъему сельского хозяйства и развитию промышленности – и среди русских немцев были сторонники таких взглядов, которые могли восторженно встречать политического деятеля. Многие связывали свое будущее с развитием сводной экономики, в основе которой могло выстраиваться сотрудничество рабочих и крестьян. В этом смысле появление такого лозунга в стиле готического письма не является случайным – на проведение новой экономической политики со стороны русских немцев возлагались большие надежды. Кроме того, А.Н. Рыков занимался организацией культурно-массовой деятельности среди русских немцев, а именно курировал работу драматических кружков. По причине своей популярности, и тех благородных корней, которые восходят к открытию «черного искусства» фактура готического письма использовалась в истории Германии для самых разных целей: среди которых были лозунги и нацистского режима А. Гитлера (1889–1945). К слову сказать, А.Н. Рыков был одним из первых, кто предвидел опасность разворачивающегося в Европе фашизма, усматривая в нем ошибочные гипертрофированные, а с течением времени и радикально крайние настроения национального самосознания, исключительности какого-либо народа или превосходства, возвеличивания одной нации перед другой. Завершая тему политического подтекста лозунга с приветствием товарища А.В. Рыкова отметим также, что и идейный вдохновитель партии эсеров, первый и последний Председатель учредительного собрания эсер В.М. Чернов (1873–1952) был талантливым оратором и публицистом; некоторые его труды напечатаны на немецком языке с использованием фактуры готического письма. Например, монография «Mein Schicksaal im sowjetischen Russland» («Моя судьба в советской России») [16], которая была опубликована в 1937 г. в Берлине и до сих пор не переведена. Впрочем, отдельные части этой монографии опубликованы в книге В.М. Чернова «Перед бурей» [14].

#### Выводы.

1. Представленные и описанные объекты (артефакты) визуальной коммуникации имеют ряд общих признаков с точки зрения художественного оформления, а именно: в области типографики – повсеместное использо-

вание *фактуры* – разновидности *готического письма*, появление которого тесно связано с возникновением искусства книгопечатания, основоположником которого является Иоганн Гутенберг; широкое использование контрастных *черного и белого цветов*, оптимальных с точки зрения затрат на производство и обеспечивающих максимально комфортную для глаз визуализацию; четкая организация пространства композиции: будь-то аптека или кооператив – названия учреждений располагаются строго по центру, зачастую обрамлены рамкой; в зависимости от предназначения здания/помещения рамка может быть дополнена декоративными элементами; (вензеля, причудливый орнамент, флористические мотивы). Некоторые сохранившиеся образцы имеют богатое цветовое наполнение и орнаментально-флористический декор. *Идея порядка* на примере рассмотренных элементов организуется единством *композиции/контраста/фактуры*.

2. Визуально-коммуникативное пространство отличается четкой организацией и наполнено глубоким символическим смыслом: прослеживается рефлексия известных политических событий в контексте исторических реалий конца XIX начала XX века (смутные годы революций, время реформ, связанных с новой экономической политикой) и даже отсылка к личностям (А.Н. Рыков), деятельность которых вошла в историю советской России. С точки зрения содержания прослеживается семантика привязанности к родному краю, стремление сохранить языковую идентичность. Смыслообразующим фактором представленных элементов коммуникации является *репрезентация национальной идентичности русских немцев*, которые, оказавшись онтологически оторванными от своей исторической родины, стремились сохранить и увековечить традиции *этнической немецкой культуры*.

В завершение хотелось бы привести слова русского немца Генриха Рёммиха, который, как нам кажется, очень хорошо сформулировал сущность феномена *национальной идентичности русских немцев*: «Хотя мы, живущие на свободе, составляем значительно меньшую часть русских немцев, *мы одни* можем свиде-

тельствовать о наших традициях, народных особенностях и христианском образе жизни, а также о наших культурных и экономических

достижениях» [15, с.3]. Помнить об этом важно и сегодня.

1. Богнер, А. С. Сайт проекта «Желтая линия» [Электронный ресурс]. – URL: <http://yellow-line.ru> (дата обращения: 19.10.2022). – [Текст]: электронный.
2. Богнер, А. С. Личная страница [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/idbogner1> (дата обращения: 19.10.2022). – Текст: электронный.
3. Богнер, А. С. Блог «Urban Patrol» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/urbanpatrul> (дата обращения: 19.10.2022). – [Текст]: электронный.
4. Волошинов, А. В. Метафизика Саратова: PRO ET CONTRA [Текст] / А. В. Волошинов, Д. О., Лосин // Обсерватория культуры. – 2011. – № 3. – С. 24-31.
5. Дизендорф, В. Ф. Словарь немецко-поволжского маркштадтского диалекта. Wörterbuch der wolgadeutschenmarkstädter Mundart: [в двух томах] / В. Ф. Дизендорф; под редакцией кандидата филологических наук, доцента А. Я. Минора; Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Центр исследования языковых вариантов российских немцев. – Саратов: Саратовский источник, 2015. – 28 см. Т. 1: А – Л. Т. 1. – 2015. – 599, [1] с.; ISBN 978-5-91879-552-1.
6. К. Кудрин. Ежегодно около трех тысяч немцев возвращаются в Россию // Известия. – 19.05.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/news/710360> (дата обращения: 19.10.2022).
7. Лепехин, И. Дневные записки путешествия доктора академии наук адъютанта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. – СПб., 1795, Ч.1.
8. Плеве, И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 1-е изд. М., 1998; 2-е изд. М., 2000. – 448 с.
9. Рудер, Э. Типографика /Эмиль Рудер. – М.: Книга, 1982. – 132 с.
10. Савоскул, М. С. Реэмиграция российских немцев из Германии в Россию: факторы и масштабы явления // Региональные исследования. – 2013. – №3. – С. 57-68.
11. Сокольская, О. Б. БЛОГ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ – ОЛЬГА СОКОЛЬСКАЯ. – URL: <https://news.sarbc.ru/focus/blogs/olga-sokolskaya/> (дата обращения: 30.01.2023). – [Текст]: электронный.
12. Санкт-Петербургская газета. – 1991. – №3-4.
13. Товарищ Рыков в Саратове // Советская Сибирь. – 1924. – 31 августа [Электронный ресурс]. – URL: <http://oldsaratov.ru/comment/18392#comment-18392> (дата обращения: 30.01.2023).
14. Чернов, В. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953 [Электронный ресурс]. – URL: [http://az.lib.ru/c/chernow\\_w\\_m/text\\_0020.shtml](http://az.lib.ru/c/chernow_w_m/text_0020.shtml) (дата обращения: 30.01.2023).
15. Stumpp, K.: Die Russlanddeutschen. Zweihundert Jahre unterwegs. – Stuttgart: Verlag Ladsmannschaft der Deutschen aus Russland. Nachdruck 1993. – 147 s.
16. Tschernow, V. Mein Schicksaal im sowjetischen Russland. – Verlag Hirn. Berlin, 1937. – S. 203.
17. Zamogilnj, S. I., Plewe. Die Sprache und die Zeit (Die Zusammenfassung zum Wörterbuch des marxstädtischen Dialekts der deutschen Sprache von Viktor Disendorf). The Fourteenth European Conference on Languages, Literature and Linguistics 10th February, 2017. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria. – S. 103-106.

## NATIONAL IDENTITY PHENOMENON REPRESENTED IN THE VOLGA GERMANS' VISUAL COMMUNICATION

© 2023 S.V. Shindel

*Svetlana V. Shindel, Candidate of Culturology,  
Associate Professor of «Economics and Humanitarian Sciences»  
E-mail: schindelswetlana@mail.ru*

Engels Institute of Technology (branch) Yuri Gagarin State Technical University of Engels  
Engels, Russia

The article is devoted to the phenomenon of the Volga Germans' national identity which is represented in the visual communication in the context of historical realities in the period of the end of the XIX and the beginning of the XX centuries. The symbolic space of preserved in Saratov Regional Local History Museum funds photos of propaganda posters, notes, streamers and labels' patterns reflects not only the ethnical German traditional culture peculiarity but also

marks famous historical events in the identified period. The comparative analysis of the elements and objects in the visual communication has led to the showing convergences both in their content and design. The semiotic method has revealed symbols and determined the semantics of the studied elements in the visual communication. The collected material has been divided into two groups, each of them having its clear explicit semantic load. The results obtained let us make virtual transfer into the ethnical German cultural space, set the geographical location and reconstruct some historical events typical of Russian Germans in the Volga Region. Preserved to this day not only the elements but also the objects of the visual communication are of historical value, fix ethnical German flavor, give an idea of the formation and representation of the Volga Germans' identity. Preservation of the authenticity as well as biological survival was of the utter importance for the Russian Germans: the first settlers developed the wasteland in the adverse climate conditions, lived isolated, their dialects were the main means of communication; the Volga Germans equated themselves with the ethnical Germans inhabited their historical motherland – Germany. The concept *idea of order* typical of German ethnical culture ontologically with its value guidelines, traditions and customs is relevant in the present research.

*Key words:* cultural heritage, traditional culture, visual communication, historical realities, the Volga Germans, the end of the XIX the beginning of the XX centuries

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-100-110

1. Bogner, A. S. Sajt projekta «Sheltaja Linija» (Website Project «Yellow-line» [Electronic resource]. – URL: <http://yellow-line.ru> (Accessed: 19.10.2022). – [Text]: electronic.
2. Bogner, A. S. Lichnaya straniza (Personal Page [Electronic resource]. – URL: <https://vk.com/idbogner1> (Accessed: 19.10.2022). – Text: electronic.
3. Bogner, A. S. Blog «Urban Patrol» (Blog «Urban Patrol» [Electronic resource]. – URL: <https://vk.com/urbanpatrul> (Accessed: 19.10.2022). – [Text]: electronic.
4. Voloshinov, A. V. Metaphysika Saratova: PRO ET CONTRA (Saratov's Metaphysics: PRO ET CONTRA [Text] / A.V. Voloshinov, D. O., Losin // Observatory of Culture). – 2011. – N 3. – P. 24-31.
5. Dizendorf, V. F. Slovar nemetsko-povolshskogo marxshtadskogo dialekta (Volga Germans Marxstadt Dialect Dictionary. Wörterbuch der wolga deutschen markstädter Mundart [in two volumes] / V.F. Dizendorf ; edited by Candidate of Philological Sciences, Associate Professor A.I. Minor; National Research Saratov Chernyshevsky State University, Language Research Center of the Russian Germans' Dialects. – Saratov: Saratov resource, 2015. – 28 cm. Vol. 1: A - L. Vol. 1. – 2015. – 599, [1] p.; ISBN 978-5-91879-552-1.
6. Kudrin, K. Eshegodno okolo trech tysyach nemtsev vosvrachajutsa v Rossiju (Nearly Three Thousands of Germans Return to Russia Annually) // Izvestia. –19.05.2017 [Electronic resource]. – URL: <https://iz.ru/news/710360> (Accessed: 30.01.2023).
7. Lepehin, I. Dnevnyje sapiski puteschestwija doktora akademii nauk adjunkta Ivana Lepechina po rasnym provintsijam Rossijskogo gosudarstva, 1768 i 1769 (Days' Travelling Notes by Academy of Science's Doctor and Adjunct Ivan Lepehin taken in different Provinces of Russian State, in 1768 and 1769). – SPb., 1795, P.1.
8. Pleve, I. R. Nemetskiye Kolonii na Volge vo vtoroj polovine XVIII veka (German Colonies on the Volga in the 2<sup>nd</sup> half of the XVIII century. 1<sup>st</sup> Edition. M., 1998; 2<sup>nd</sup> Edition). – M., 2000. – 448 p.
9. Ruder, E. Tipographika (Typography /Emil Ruder). – M.: Kniga, 1982. – 132 p.
10. Savoskul, M. S. Reemigratsija russkich nemtsev is Germanii v Rossiju (Remigration of Russian Germans from Germany to Russia: Factors and the Scale of the Phenomenon. Regional Research). – 2013. – №3. – P. 57-68.
11. Sokolskaya, O. B. Blog polsovatelja (User's Blog – OLGA SOKOLSKAY URL: <https://news.sarbc.ru/focus/blogs/olga-sokolskaya/> (Accessed: 30.01.2023). – [Text]: electronic.
12. Sankt-Peterburgskaja gaseta (Saint Petersburg's Newspaper). – 1991. – №3-4.
13. Tovarisch Rykov v Saratove (Comrade Rykov in Saratov). Soviet Siberia, 31 August 1924 [Electronic resource]. – URL: <http://oldsaratov.ru/comment/18392#comment-18392> (Accessed: 30.01.2023).
14. Chernov, V. Pered burei (Pered burei). New York, 1953 [Electronic resource]. – URL: [http://az.lib.ru/c/chernow\\_w\\_m/text\\_0020.shtml](http://az.lib.ru/c/chernow_w_m/text_0020.shtml) (Accessed: 30.01.2023).
15. Stumpp, K. Rossijsije nemtsy. Dwesti let v puti (Die Russlanddeutschen. Zweihundert Jahre unterwegs). – Stuttgart: Verlag Ladsmannschaft der Deutschen aus Russland. Nachdruck 1993. – 147 s.
16. Tschernow, V. Moja sudba v sowetskoj Rossii (Mein Schicksaal im sowjetischen Russland. Verlag Hirn. Berlin,1937. – S. 203.
17. Zamogilnj, S. I., Plewe, I. R. Jasyk i vremja (Die Sprache und die Zeit) (Die Zusammenfassung zum Wörterbuch des marxstädtischen Dialekts der deutschen Sprache von Viktor Disendorf). The Fourteenth European Conference on Languages, Literature and Linguistics 10th February, 2017. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria. – S. 103-106.

УДК 304.44 (Практическое применение социальных научных знаний. Социальная практика.  
Культурная жизнь)

## СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ: СИМВОЛИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ

© 2023 М.А. Штанько<sup>1</sup>, Н.В. Гращенков<sup>2</sup>

*Штанько Марина Александровна, кандидат философских наук,  
доцент кафедры Гуманитарных дисциплин*

*E-mail: [nikam13@yandex.ru](mailto:nikam13@yandex.ru)*

*Гращенков Николай Владимирович, старший преподаватель кафедры русского языка №2  
Института русского языка*

*E-mail: [grachenkov-nv@rudn.ru](mailto:grachenkov-nv@rudn.ru)*

Таганрогский институт управления и экономики,

Таганрог, Россия

Российский университет дружбы народов,

Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 04.02.2023

Политика как сфера общественной жизни является пограничной областью для всех других сфер, при этом обретает особую зависимость от характера поведения социума, и здесь важно рассмотреть культурологический аспект. Именно поэтому анализ политической сферы жизнедеятельности общества предполагает изучение в первую очередь социокультурного фактора. В данной работе авторы предлагают рассмотреть его через три составляющие: позиционирование человека как основного субъекта политики, особенности влияния на политическое поведение морали, нравственности, гуманизма, аксиологии и этики, и констатацию данного влияния через формально–правовой элемент. Первая составляющая в значительной мере связана с символическими конструктами, так как роль человека в качестве субъекта или объекта политики напрямую зависит от той политической картины мира, которая у него существует в его представлении. Чем больше у личности политического опыта, тем более реалистична данная картина, и, как следствие, тем более активен субъект в политике. Вторая составляющая сама по себе является символическим конструктом, так как вне символики не существует культуры и составляющих ее элементов. Соответственно, оказывая влияние на политическое поведение личности, мораль, нравственность, аксиология, этика и особенно гуманизм пронизывают его символической составляющей. Формально–правовой элемент максимально полно воплощает в себе особенности политических условий, в которых существует общество и государство, и с этой точки зрения выступает в качестве символа той эпохи, в которой формируется. Учитывая вышеуказанные трактовки, авторы делают вывод о том, что вне символической составляющей невозможно осмыслить существующие политические проблемы и найти пути их решения.

*Ключевые слова:* социокультурный фактор, символический конструкт, политика, гуманизм, общество, символ  
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-111-116

*Введение.* Политика как сфера общественной жизни – явление настолько многоликое, насколько и динамичное. Постоянно пульсирующая в реперных точках государства, она стимулирует все сферы общественной жизни. Однако нельзя забывать о том, что основным фактор, под влиянием которого она обретает свою сущность и специфику, – социокультурный, и именно поэтому исследование его обретает особую актуальность в современных условиях высокого уровня социальной напряженности. Данный фактор сочетает в себе три направления: позиционирование человека как основного субъекта политики во всей его многоликости, выявление особенностей взаимовлияния на

политическое поведение таких элементов культуры, как мораль, нравственность, гуманизм, аксиология, этика, и наконец, констатацию данного взаимовлияния через формально–правовую составляющую.

*Методы исследования.* Основным методом данного исследования является систематизация, при помощи которой была упорядочена информация о содержании социокультурного фактора в политике. Особое место также занимают методы структурно–функционального анализа и аналитический, которые использовались для изучения истории заявленной проблемы. Гносеологический метод позволяет осмыслить специфику реальности и определить

ее ключевые характеристики. Онтологический метод был использован для выявления закономерностей политической жизни общества и позволил сделать вывод о зависимости политики от *символической составляющей*.

*История вопроса.* В культурном пространстве выделяется совокупность форм культуры, которые определяют социальные отношения людей, их взаимодействие в обществе. Сюда относится нравственная, правовая, политическая культура. В этих формах культуры фиксируются социальные ценности и идеалы, а также общие регулятивы поведения, движимого стремлением к ним [4, с. 134]. Таким образом, отношения этих сфер, по сути, отражают отношения человека с «силой», «богатством», «властью» [3, с. 53], что, в свою очередь, определяет роль человека в политике. Эта роль традиционно определялась и определяется через две базовые позиции: как субъекта власти и как объекта власти. И в том, и в другом случае мы имеем дело с участием во властных отношениях, которые по своим характеристикам являются отражением существующей в данном обществе и государстве политической ситуации, однако человек привносит в эти отношения личностный фактор, который может изменить их специфику. Во многом этот фактор связан с той символической картиной мира, которая существует в сознании людей и которая сочетает в себе общесоциальный и индивидуальный аспекты [11, с. 84-85]. Человек с давних пор привык мыслить мир символически и продолжает это делать, несмотря на процессы цифровизации в обществе, которые повлияли и на современное искусство [12].

Общесоциальные символические представления о мире в целом и политике – в частности, присущи всем членам данного общества и государства. С этой точки зрения мы можем говорить о типичных символических конструкциях, сформировавшихся под влиянием традиций, исторического развития и национальных особенностей. Пытаться трансформировать эти конструкции, равно как и заменить их другими, – вопрос времени, причем, длительного. Чаще всего политика таким количеством времени не располагает, вследствие чего масштабные политические изменения сопровождались и сопровождаются устранением носителей этих конструкций. Однако символика живуча и пластична. Под влиянием обстоятельств она

трансформируется внешне, никак не меняя своего содержания, которое продолжает присутствовать в новых политических отношениях, наполняя их, как и раньше, вполне конкретным содержанием.

Индивидуальный аспект властных отношений напрямую связан с тем опытом, который имеет данная личность. Этот опыт позволяет соотнести символические представления о политике с конкретными проявлениями и скорректировать их набор и содержание. Не случайно реальным является то, что соответствует опыту и в значительной степени подтверждается им. Чем более масштабна индивидуальная составляющая символической картины мира, тем больше вероятности, что человек во властных отношениях будет именно субъектом, занимающим позицию политического лидера или представителя политической элиты. В зависимости от того, какое место личность занимает во властной иерархии, она может быть главой государства, посредником между представителями власти и обществом или национальным героем. Чаще эти позиции совпадают, и тогда субъект власти приобретает небывалый авторитет и его существование на лидерских позициях в политике затягивает на длительное время.

Особое значение в этой связи приобретает институционализация лидирующих позиций, позволяющая, вместе с тем, упорядочить символические конструкты, характеризующие положение лидера в соответствии с существующей идеологией [8]. В крупных социальных объединениях, эффективность коллективных действий которых требует четкой функционально-ролевой дифференциации и специализации, а также оперативности управления и жесткости подчинения, институционализация и формализация лидирующих позиций, придание им сравнительно больших властных полномочий обязательны. В политике действуют огромные массы людей, ставящие перед собой вполне определенные, ясно осознанные цели и испытывающие непрерывное противодействие со стороны политических оппонентов.

Большое влияние на политику в целом оказывают такие составляющие социокультурного фактора, как мораль, нравственность, гуманизм, аксиология и этика, являющиеся совокупностью символических конструктов, характерных для общества на данном этапе

исторического развития. Они отражают связь явления или группы явлений с историческим процессом фиксации общественного или даже цивилизационного опыта, а пространство культуры обозначает среду самореализации различных уровней опыта [2, 5, 7]. Особое место среди них занимает гуманизм, который наиболее полно и ярко отражает служение любой общественной деятельности (в том числе и политики) личности, обществу и всему человечеству. Подобный принцип отличается более устойчивым, по сравнению со всеми перечисленными принципами, символическим содержанием и традиционно рассматривает человека как высшую ценность, а его права и свободы возводятся в статус основных и непререкаемых авторитетов, при этом в качестве основных направлений деятельности выступает стремление индивида к самореализации. Исходя из этого положения, любая общественная деятельность рассматривается и оценивается с позиции максимального блага и пользы для личности (человека). Гуманизм в политике проявляется в формах ее организации, из которых наиболее гуманной является демократия, в основе которой лежат принципы либерализма; в целях и содержании, какие должны быть направлены на всестороннее осуществление (реализацию) человеческих интересов; в средствах политической деятельности, основной целью которых является предотвращение и уничтожение противогуманных форм политической деятельности, при этом человек не должен рассматриваться в качестве средства для достижения поставленной цели.

Вплотную к проблеме соотношения морали, нравственности, этики и политики как характеризующей социокультурную направленность в политике подходит проблема, касающаяся прав человека. Сформированная на базе идей естественного права, которое само по себе является важным символическим проявлением порядка [10], и аристотелевской концепции гражданина, впоследствии она получила распространение в тоталитарном, либеральном, иерархическом и партиципаторном подходе. Можно заметить, что в качестве источника подобных прав выступает человеческий разум, согласно которому права осознаются в качестве таковых и охраняются перед лицом всего общества. После трактовки классическим либерализмом теории прав человека, в связи с усложнением социально-экономических отношений, данная концепция дорабатывалась и видоизменялась, в результате

чего разделилась на три основных подхода к пониманию прав человека: естественно-исторический, государственно-правовой и марксистский.

Вопросы, связанные с решением проблемы прав человека, поднимаются ничуть не реже, чем проблема нравственности в политике. Стремление достаточно четко ограничить сферу прав и свобод личности преследует государство и общество достаточно давно. В истории тоталитаризма – это максимальное ограничение свобод и максимальное же расширение обязанностей. История демократических обществ стремится к разумному равновесию между этими двумя аспектами. Анархические государства начисто отвергают существование у человека определенных обязанностей перед обществом, говоря преимущественно о правах и свободе личности. Все это многообразие фактически подводит нас к формально-правовой составляющей социокультурного фактора в политике.

Необходимость документального закрепления договоренностей – то основание, которое позволяет впоследствии оценивать эффективность политического процесса в целом, и политического решения – в частности. Именно поэтому, любой документ, отражающий содержание политических соглашений, сам по себе выступает в качестве символа тех политических условий, которые характерны для данного общества и государства в данный исторический период. Такого рода документы, зачастую, становятся символами эпохи, так как закрепляют достижения человечества и наиболее важные события, которые имели место быть [1, с. 58; 6, с. 52; 9]. Соблюдение и защита сформированных и приемлемых для данного общества и государства принципов требует их четкого определения, которое впоследствии будет основанием для обсуждения их соблюдения /несоблюдения. Правовой контекст, с одной стороны, характеризует уровень развития социума в целом, а с другой – является отражением того уровня политической культуры, на котором это общество находится. Позиционировать нормы права не только как инструмент сохранения и поддержания порядка, но и как зеркало, в котором отражаются достоинства и недостатки существующего политического режима, есть установка социокультурного фактора в политике.

*Результаты исследования.* Одним из важнейших результатов данного исследования

является детерминированность индивидуального аспекта властных отношений, так как именно он в полной мере проецирует на политическое поведение символическую характеристику. Именно от реалистичности политической картины мира зависит лидирующее положение человека в политике, которое приводит к институционализации данных позиций, что в свою очередь формирует культ политических руководителей – неотъемлемый элемент сакрализации власти. По своей сути он является воскрешением языческого идолопоклонства и, в частности, таких его атрибутов, как памятники, мавзолеи, мемориальные комплексы, сложные религиозно-политические ритуалы, и наиболее ярко проявляет себя в условиях тоталитарного режима, патриархальной и подданнической политической культуры, которые исходят из веры в «хорошего царя» или руководителя, из принятия жесткой иерархической организации общества. Однако важнейшей непосредственной причиной *культа* обычно служит огромная концентрация политической, духовной, экономической и социальной властей в руках одного человека, а также тотальная личная зависимость всех нижестоящих не столько от результатов своей деятельности, сколько от благосклонности начальства. В тоталитарном обществе сфера такой зависимости по существу ничем не ограничена. Отражаясь в массовом сознании и сопровождаясь соответствующей систематической идеологической обработкой, это порождает у населения веру во всемогущество руководителя, страх перед ним, рабскую покорность и угодничество.

Еще одним результатом является выявление специфики гуманистических оснований политики, которая обусловлена границами распространения и функционирования: гуманизм не имеет определенных границ своего

существования. Реализация его возможна на территориях, ограниченных рамками государства и на международной арене. Подобная практика, как правило, осуществляется через различные комиссии. Именно данной особенностью объясняется тот факт, что гуманизация политической жизни общества постепенно находит себе все более широкое применение. Развитие в таких областях производства, как механическое, техническое, ядерное, компьютерное приводит не только к тому, что человеческий фактор уравнивается по своей самооценности с фактором материальным, но и к значительной потере возможностей для самореализации личности. И если раньше проблемы гуманизма в основном находились в рамках жизненного пространства гражданского общества, то в настоящее время сфера их существования значительно расширилась. На сегодняшний день ориентиры гуманизма занимают одно из основных мест в государственной и международной политике.

Позиционирование политического документа в качестве символа эпохи позволяет охарактеризовать особенности политического пространства, характерного для данной эпохи, что и является еще одним результатом проведенного научного исследования.

*Выводы.* Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что анализ социокультурного фактора в политике должен проводиться с учетом символической составляющей, которая оказывает определяющее влияние на формирование представлений о политике и, как следствие, на политическое поведение. Данный анализ позволит осмыслить положение человека и социума в существующем политическом контексте и выявить причины политических проблем, наметить пути их решения.

1. Бурлина, Е. Я., Бокурадзе, Д. С. Гуманитарные дискурсы современности: потребность настоящего и будущего в прошлом // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2020. – Т. 22. – № 71. – С. 58–61.
2. Гуткина, И. М. Культурное пространство: проблемы и перспективы изучения // Философия и современность. – Саратов: Научная книга, 2003. – С. 79–87.
3. Искра, А. А. Культурное пространство в контексте России рубежа XX–XXI вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23. – № 78. – С. 53–58.
4. Кармин, А. С., Новикова, Е. С. Культурология. – СПб.: Питер, 2005. – 464 с.
5. Кожевников, Е. Как виртуальная реальность избавит пожилых людей от одиночества. – URL: <https://news.ru/technology/virtualnaya-realnost-izbavit-pozhilyh-lyudej-ot-odinochestva/> (дата обращения: 01.08.2022).

6. Левин, Я. А., Буранок, С. О. «Новый перл-харбор»: оценки киберугрозы в прессе США // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24. – № 85. – С. 52–55.
7. Орлова, Е. В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. – 2010. – № 18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura> (дата обращения: 03.09.2022).
8. Петренко, Т. В., Щербакова, Т. А. Кризис труда и роль социальных институтов в его преодолении // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 3 (56). – С. 53–57.
9. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» от 29 февраля 2016 года N 326-р (с изменениями на 30 марта 2018 года). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 16.08.2022).
10. Сорокин, В. В. Право и православие. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/pravo-i-pravoslavie/> (дата обращения: 03.01.2023).
11. Штанько, М. А. Конструирование политической реальности: основные элементы и символическая характеристика [Текст]: монография / М.А. Штанько. - Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2007. - 104 с.
12. Dudareva, M. A. Digital turn in art and the problem of entelechy of modern poetry // Amazonia Investiga. – 2022. – Vol. 11, no. 53. – P. 348–352.

## SOCIOCULTURAL FACTOR IN POLITICS: SYMBOLIC CONSTRUCTS

© 2023 M.A. Shtanko<sup>1</sup>, N.V. Grashchenkov<sup>2</sup>

*Marina A. Shtanko, PhD in Philosophical Sciences,  
Associate Professor of the Department of Humanities  
E-mail: nikam13@yandex.ru*

*Nikolay V. Grashchenkov, Senior Lecturer  
of the Department of the Russian Language No. 2 of the Institute of the Russian Language  
E-mail: grashchenkov-nv@rudn.ru*

<sup>1</sup>Taganrog Institute of Management and Economics  
Taganrog, Russia

<sup>2</sup>Peoples' Friendship University of Russia  
Moscow, Russia

Politics as a sphere of public life is a border area for all other spheres, while it acquires a special dependence on the characteristics of behavior, which is significantly influenced by the cultural aspect. That is why the process of studying and analyzing the political sphere of the life of society involves the study, first of all, of the sociocultural factor. In this paper, the authors propose to consider it through three components: the positioning of a person as the main subject of politics, the features of mutual influence on political behavior of morality, morality, humanism, axiology and ethics, and the statement of this mutual influence through a formally legal element.

The first component is largely associated with symbolic constructs, since the role of a person as a subject or object of politics directly depends on the political picture of the world that he has. The more political experience a person has, the more realistic this picture is and, as a result, the more active the subject is in politics. The second component in itself is a symbolic construct, since outside of symbolism there is no culture and its constituent elements. Accordingly, influencing the political behavior of the individual, morality, morality, axiology, ethics, and especially humanism, permeate it with a symbolic component. Formally, the legal element fully embodies the features of the political conditions in which society and the state exist, and from this point of view it acts as a symbol of the era in which it is formed.

Taking into account the above interpretations, the authors conclude that outside the symbolic component it is impossible to comprehend the existing political problems and find ways to solve them.

Key words: sociocultural factor, symbolic construct, politics, humanism, society

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-111-116

1. Burlina, Ye. Ya., Bokuradze, D. S. Gumanitarnyye diskursy sovremennosti: potrebnost' nastoyashchego i budushchego v proshlom (Humanitarian discourses of the present: the need of the present and the future in the past) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nyye, gumanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki. – 2020. – Т. 22. – № 71. – С. 58 – 61.
2. Gutkina, I. M. Kul'turnoye prostranstvo: problemy i perspektivy izucheniya (Cultural Space: Problems and Prospects of Study) // *Filosofiya i sovremennost'*. – Saratov: Nauchnaya kniga, 2003. – С. 79-87.

3. Iskra, A. A. Kul'turnoye prostranstvo v kontekste Rossii rubezha XX-XXI vv. (Cultural space in the context of Russia at the turn of the XX-XXI centuries) // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nyye, gumanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki.* – 2021. – Т. 23. – № 78. – S. 53 – 58.
4. Karmin, A. S, Novikova, Ye. S. Kul'turologiya (Culturology). – SPb.: Piter, 2005. – 464 s.
5. Kozhevnikov, Ye. Kak virtual'naya real'nost' izbavit pozhilykh lyudey ot odinochestva (How virtual reality will save the elderly from loneliness). – URL: <https://news.ru/technology/virtualnaya-realnost-izbavit-pozhilykh-lyudej-ot-odinochestva/> (data obrashcheniya: 01.08.2022).
6. Levin, Ya. A., Buranok, S. O. «Novyy perl-kharbor»: otsenki kiberugrozy v presse SSHA («New Pearl Harbor»: assessments of the cyber threat in the US press) // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nyye, gumanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki.* – 2022. – Т. 24. – № 85. – S. 52–55.
7. Orlova, Ye. V. Kul'turnoye prostranstvo: opredeleniye, spetsifika, struktura (Cultural space: definition, specifics, structure) // *Analitika kul'turologii.* – 2010. – № 18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura> (data obrashcheniya: 03.09.2022).
8. Petrenko, T. V., Shcherbakova, T. A. Krizis truda i rol' sotsial'nykh institutov v yego preodolenii (The labor crisis and the role of social institutions in overcoming it) // *Biznes. Obrazovaniye. Pravo.* – 2021. – № 3 (56). – S. 53–57.
9. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF «Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda» ot 29 fevralya 2016 goda N 326-r (s izmeneniyami na 30 marta 2018 goda) (Decree of the Government of the Russian Federation "On approval of the Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030" dated February 29, 2016 N 326-r (as amended on March 30, 2018). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420340006> (data obrashcheniya 16.08.2022).
10. Sorokin, V. V. Pravo i pravoslaviye (Law and Orthodoxy). – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/pravo-i-pravoslavie/> (data obrashcheniya: 03.10.2022).
11. Shtan'ko, M. A. Konstruirovaniye politicheskoy real'nosti: osnovnyye elementy i simvolicheskaya kharakteristika (Construction of political reality: main elements and symbolic characteristics) [Tekst]: monografiya / M.A. Shtan'ko. – Tomsk: Izd-vo «TML-Press», 2007. – 104 s.
12. Dudareva, M. A. Digital turn in art and the problem of entelechy of modern poetry // *Amazonia Investiga.* – 2022. – Vol. 11, no. 53. – P. 348–352.

---

**Издание журнала осуществлено при финансовой поддержке  
Гранта губернатора Самарской области**

**\*\*\***

**The edition of the Academic journal is carried out with  
Financial support Grant of the Governor of the Samara region**

\*\*\*

**Известия Самарского научного центра Российской академии наук.  
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки**

Учредитель: федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук  
Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ №ФС77-64960 от 04.03.2016

Главный редактор: академик РАН Ф.В. Гречников  
Том 25, номер 2 (89), 02.03.2023

Индекс: 80808. Распространяется бесплатно  
Адрес учредителя и редакции: 443001, Самарская область,  
г. Самара, Студенческий пер., 3а. Тел. 8 (846) 640-06-20

Издание не маркируется

\*\*\*

Сдано в набор 01.03.2023 г.  
Офсетная печ.

Подписано к печати 02.03.2023  
Усл.печ.л. 13,72 Тираж 300 экз.

Формат бумаги 60x84 1/8  
Зак. № 020 от 02.03.2023

---

---

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО»  
443070, Самарская область,  
г. Самара, ул. Песчаная, д. 1, офис 310/9. Тел.: 8 (846) 267-36-82

**"ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.  
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки"**

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ**

1. Текст статьи представляется в формате Microsoft Word (любая версия). Объем статьи – от 9 тысяч знаков без пробелов до 30 тысяч знаков без пробелов. Распечатка макета формат А4 – поля – не менее 2-х см с каждой стороны, текст – кегль 12, одинарный межстрочный интервал. Отступ первой строки абзаца – 0,5 см. Шрифты – Times New Roman, Arial, Symbol.
  2. Таблицы, рисунки, формулы. Рисунки размещаются как в самом тексте статьи, так и в отдельных файлах. Формат – TIFF или JPEG, режим – градиент серого или битовый, разрешение – 300 пикс/дюйм. Размещение рисунков в отдельных файлах предпочтительнее. Обязательно наличие подрисовочных подписей и подписей к таблицам: "Рис. 1. Название рисунка", "Таб. 1. Название таблицы". Длина формул не более 80 мм. Не допускается применение в тексте вставных символов Word, символы должны выполняться в математическом редакторе.
  3. В каждой статье указываются: коды УДК; название статьи; фамилия, имя, отчество автора(ов) (полностью); научная степень, должность, место работы автора(ов) в именительном падеже; реферат к статье; ключевые слова – на русском и английском языке; эл. адрес каждого автора – публикуется в открытом доступе e-Library и на сайте; контактная информация по статье – почтовые адреса и телефоны в открытом доступе не публикуются.
  4. Статьи издаются как на бесплатной основе, так и на платной договорной основе с авторами и организациями по направлениям: педагогика, теория и история культуры (философия, социология, история, культурология, искусствоведение, язык как феномен культуры). Статьи на договорной основе публикуются из расчета — одна макетная страница объемом 3 тысячи знаков стоит 800 рублей. Минимальная публикация — 9 тысяч знаков, а максимальная — 30 тысяч знаков без пробелов.
  5. Основанием публикации в журнале является входное рецензирование статьи и комплекта сопроводительных документов. Статьи и сканированные документы принимаются на постоянной основе научным редактором: [radaeva@ssc.smr.ru](mailto:radaeva@ssc.smr.ru).
- Почтовый адрес:** 443001, г. Самара, Студенческий переулок, 3А, РИО СамНЦ РАН.

\*\*\*

**«BULLETIN OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.  
Social, humanitarian, medicobiological sciences»**

**MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES**

1. The manuscript is submitted in the Microsoft Word format (any version). The recommended length is 9 - 30 thousand characters without spaces. Print-out template is the A4 format, margins – at least 2 cm each, the text – font size 12, single line spacing. First line indent – 0,5 cm. Fonts – Times New Roman, Arial, Symbol.
  2. Tables, figures, formulas. Figures are submitted both in the text of the manuscript, and in separate files. Acceptable formats – TIFF or JPEG, grayscale or bitmap, resolution – 300 dpi. Submitting separate figures files is preferable. Figure and table captions are obligatory: "Fig. 1. Caption of the figure", "Tab. 1. Caption of the table". The formula length should not exceed 80 mm. Use of inserted Word symbols is not allowed, characters are to be input in a mathematical editor.
  3. Each article contains: UDC code; name of the article; author(s)' surname, name, middle name (in full); scientific degree, job title, place of employment of the author(s) in the Nominative case; the abstract; keywords – in Russian and English; e-mail address of each author – is published in open access of e-Library and on the website; contact information on the article – postal addresses and phones are not published in open access.
  4. Articles are published both on a non-repayable basis for authors and on a paid contract basis with authors and organizations, in such spheres as: pedagogics, theory and cultural history (philosophy, sociology, history, cultural science, art criticism, language as culture phenomenon). One model page amounting to 3 thousand characters of the articles on a contractual basis costs 800 roubles. The minimum publication size is 9 thousand characters, and maximum one is 30 thousand characters without spaces. Contractual registers are created 4 times a year — every quarter (February, May, August, November).
  5. Peer-review is the basis for article publication. Articles and the scanned documents are accepted on a regular basis by the scientific editor: [radaeva@ssc.smr.ru](mailto:radaeva@ssc.smr.ru)
- The postal address:** 443001, Samara, Studenchesky pereulok, 3A, RIO SamSC RAS